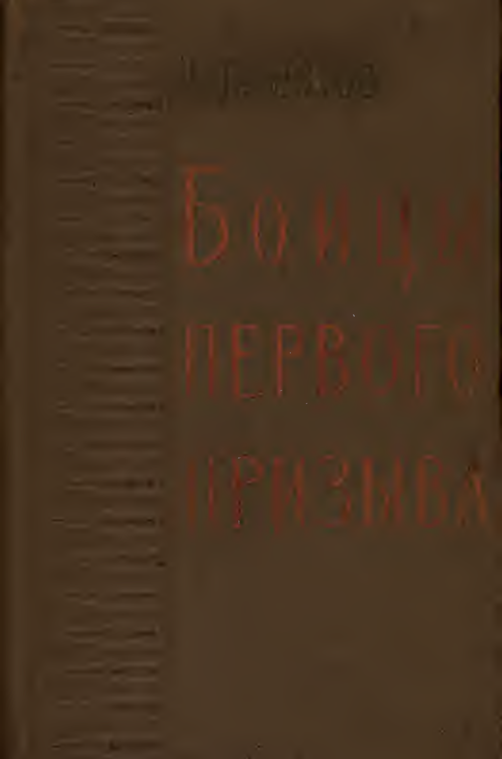

Бойцы
первого
призыва

П. П. БАЖОВ

БОЙЦЫ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

Свердловское Книжное Издательство
1958

БИБЛИОТЕЧКА
ИЗБРАННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ОБ УРАЛЕ

В ознаменование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции Свердловское Книжное Издательство выпускает библиотечку избранных художественных произведений, ряд книг, отображающих жизнь трудящихся на различных этапах истории. Издание рассчитано на 1957—1958 гг.

В библиотечку включены популярные сказы П. П. Бажова, исторический роман К. Боголюбова «Зарницы», повесть Е. Федорова «У горы Магнитной», повесть А. П. Бондина «Связчики», книга старого большевика А. Медведева «По долинам и по взгорьям», роман И. Панова «Урман», повесть О. Марковой «Варвара Потехина», роман Н. Поповой «Дело чести», повести И. Ликстанова и некоторые другие книги.

В этой же библиотечке выходит в свет литературно-художественный сборник «На Урале, в рабочем краю» — коллективный труд свердловских писателей, поэтов и художников.

В предлагаемых вниманию читателей очерках П. П. Бажова «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу» рассказывается о мужественной борьбе рабочего класса и крестьянства Урала с белогвардейцами и иностранными интервентами в период гражданской войны.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Все творчество П. П. Бажова неразрывно связано с историей родного края, с историей труда и трудящихся Урала. Историческими мотивами пронизаны бажовские сказы, реалистическая фантастика которых развертывается в конкретной обстановке века минувшего. Исторические интересы писателя отчетливо проявились и в его художественной публицистике, начиная с широко известных «Уральских былей».

Внимание Бажова-публициста в особенности привлекали периоды, поворотные в истории народа, времена наивысшего подъема борьбы рабочего класса. В средине 20-х годов появляются историко-публицистические очерки «К расчету!» о революционной борьбе уральских рабочих в годы первой русской революции. В 30-х годах Бажов опубликовал две книги, посвященные вооруженной борьбе рабочего класса и крестьянства Урала в период гражданской войны,— «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу».

Эти последние книги были задуманы П. П. Бажовым еще в годы гражданской войны. На его глазах происходило формирование вооруженных сил революции в Восточном Зауралье. Вместе с добровольцами, «бойцами первого призыва», писатель сражался против войск иностранных интервентов и белогвардейцев в рядах 29-й ди-

визии III Красной Армии Восточного фронта. Непосредственным поводом к оформлению Бажовым его впечатлений, воспоминаний и записей о периоде гражданской войны послужило, как об этом говорит сам писатель, задание Истпарта написать истории полков, организованных в ходе гражданской войны на Урале. Задание это Бажов и выполнил, использовав, наряду с собственными материалами и наблюдениями, также архивные документы из центральных и местных архивов.

Так создавались эти документальные очерки, имеющие большое познавательное и воспитательное значение, составившие существенную ступень в творческом развитии писателя.

С исключительной наглядностью очерки показывают, как в ходе революции складывался и укреплялся нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, как заодно с рабочими крестьянская беднота и середняки «закладывали головы» за Советскую власть. Со страниц книги перед читателями встают герои гражданской войны — рядовые бойцы и командиры — лучшие сыны народа — подлинного творца и двигателя истории.

Писатель вскрывает своеобразные условия победы и утверждения Советской власти в глухом земледельческом краю, удаленном от крупных промышленных центров.

Книги П. П. Бажова конкретно, предметно утверждают руководящую и направляющую силу Коммунистической партии — вождя социалистической революции и организатора всех сил трудящихся на вооруженную борьбу против интервентов и белогвардейцев.

Все эти достоинства и побудили издательство приурочить переиздание малоизвестных работ П. П. Бажова к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга предназначена для самых широких слоев читателей и прежде всего для нашей молодежи.

Рукописей очерков не обнаружено. Книга печатается по текстам вышедших в 1934 и 1936 годах изданий. В публикуемом тексте исправлены явные опечатки и другие погрешности технического порядка, а также опущены некоторые части, не имеющие прямого отношения к теме.

В подготовке книги к изданию приняли участие В. А. Бажова, Л. П. Неверов. Рецензент — научный сотрудник Института истории партии при Свердловском обкоме КПСС (Филиал ИМЛ при ЦК КПСС) В. Е. Бузунов. Фотоснимки, помещенные в книге, взяты из фондов Свердловского областного краеведческого музея.

ИСТОРИЯ БОЕВЫХ ПОЛКОВ

Переиздание очерков П. П. Бажова «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу» — дело весьма нужное и полезное. Писатель приложил много кропотливого труда к созданию своих очерков, собрал и изучил многочисленные воспоминания участников гражданской войны на Урале, исследовал большое количество архивных материалов. Книги эти не переиздавались при жизни писателя , они не лишены недостатков, но мы с чувством большой признательности принимаем эти книги такими, какими они вышли из-под пера П. П. Бажова, за то полезное и ценное, что они содержат.

Чем дальше в глубь истории отодвигаются события Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, тем большее значение приобретают личные воспоминания непосредственных участников борьбы за власть Советов. Они зачастую представляют единственный источник для восстановления подлинной картины событий, не зафиксированных в официальных документах, и всегда — ценнейшее дополнение к документальным архивным материалам.

Книги П. П. Бажова, естественно, не исчерпывают всех возможностей, которые заключены в личных воспоминаниях участников гражданской войны на Урале. Вместе с тем нельзя забывать, что ряды ветеранов редеют, у многих из них с годами сглаживаются в памяти бесценные детали событий. Все это сокращает возможности сбора воспоминаний, затрудняет его.

Выход в свет трудов П. П. Бажова, посвященных истории двух полков Красной Армии, напоминает военным

историкам и писателям, разрабатывающим темы гражданской войны, о необходимости шире использовать воспоминания ветеранов, усилить сбор и запись этих воспоминаний, их научное и художественное обобщение. Это та предварительная работа, без которой не может быть создана полноценная история гражданской войны в СССР. П. П. Бажов внес в нее посильный вклад.

Книги П. П. Бажова имеют положительное значение не только в военно-историческом, но и особенно в политико-воспитательном отношении. Они сыграют большую роль в деле воспитания нашей молодежи на боевых традициях советского народа, сложившихся в годы борьбы против белогвардейцев и иностранных интервентов.

В очерках рассматриваются факты, относящиеся к боевой истории 1-го Крестьянского коммунистического полка Красных Орлов и Камышловского полка 29-й стрелковой дивизии III армии Восточного фронта. В связи с ролью этих полков автор вторгается в глубь событий гражданской войны, происходивших на одном из важнейших для 1918 и начала 1919 годов операционных направлений — на Пермском направлении. Описываемые им боевые дела выходят за рамки местных событий и сливаются с общим ходом гражданской войны как на Урале, так и в стране в целом.

В истории полка Красных Орлов и Камышловского полка много общего. Можно сказать, что эти полки — буквально родные братья-близнецы. Формирование того и другого полка проходило в одной военно-политической обстановке, из одного контингента и в одном и том же географическом районе, под единым руководством.

Это было в мае-июле 1918 года. Военно-политическая обстановка в стране в то время была чрезвычайно острой и напряженной.

В конце мая 1918 года по указке иностранных империалистов с оружием в руках выступил против Советской власти возглавлявшийся контрреволюционным генералитетом чехословацкий корпус, возобновились восстания белого казачества на Южном Урале под главенством Дутова. В ряде волостей восточных уездов Пермской губернии и в примыкающих районах Западной Сибири вспыхивали кулацкие восстания, организованные контрреволюционным офицерством и эсеровскими элементами.

Оба полка формировались в Камышловском, Шадрин-

ском, Ирбитском и Алапаевском уездах Пермской губернии из уральских рабочих, крестьянской бедноты и батрачества, а также в довольно значительном количестве из середняков.

Основная часть личного состава этих полков состояла из добровольцев, представлявших советский актив того времени независимо от того, были эти люди коммунистами или беспартийными. Уральские заводы, каменноугольные копи, асбестовые рудники, железнодорожные депо и пути, механические мастерские, большие паровые мельницы и другие предприятия дали этим полкам сильное рабочее ядро, а красногвардейские отряды для многих подразделений названных полков стали основой их боевых организмов.

Многочисленная крестьянская беднота, исторически тесно связанная отходничеством с рабочими, хорошо знала рабочую жизнь и ясно понимала общность классовых интересов рабочих и крестьян. В деревнях богатого хлебного края, каким являлся район восточных уездов Пермской губернии, было много батраков, в основной своей массе сразу же прочно вставших на позиции Советской власти и Коммунистической партии.

С фронтов первой империалистической войны, в порядке стихийной демобилизации, в города и села к началу 1918 года возвратилось большое количество хорошо подготовленных в военном отношении и правильно ориентировавшихся в политических событиях солдат и унтер-офицеров старой армии с ярко выраженными революционными и большевистскими настроениями. Эта часть фронтовиков, явившаяся в деревне оплотом Советской власти, представляла собою и основную силу в добровольческих дружинах, которые по почину и под руководством партийных органов стали создаваться в ту пору на селе для защиты Советской власти.

Таковы были контингенты, общие для обоих полков. В дальнейшем их объединял и район боевых действий. Уже в первый, докадровый, период отряды, вошедшие впоследствии в полк Красных Орлов и в Камышловский полк, дрались на одних и тех же направлениях — на Шадринском, Тюменском, Ирбитском, в районе Багаряка — и нередко плечом к плечу. Рядовые бойцы полка Красных Орлов, не говоря уже о командном составе, знали многих бойцов и командиров Камышловского полка. В частности,

автор этих строк, тогда рядовой боец-пулеметчик полка Красных Орлов, лично знал многих воинов Камышловского полка: командира полка Бориса Швельниса, помощника командира полка Н. Н. Брюханова, комиссара полка Н. А. Удникова, агитатора Залмана Лобкова, партработника тов. Скляра; знал, как и весь наш полк, о героических подвигах Кангелари.

Залогом успеха многочисленных, но мелких, разрозненных и поначалу слабо оснащенных воинских формирований, дравшихся на местах за Советскую власть, было то, что руководство вооруженной борьбой против наседавшей контрреволюции сразу же взяла в свои руки Коммунистическая партия. На примере формирования полка Красных Орлов и Камышловского полка проявилось исключительное значение творческой революционной инициативы со стороны местных партийных организаций и Советов в создании вооруженных сил молодой республики Советов, целеустремленно направлявшихся Центральным Комитетом партии, В. И. Лениным.

Сильным было партийное руководство в городе Камышлове и Камышловском уезде, состоявшее из таких крепких большевиков, как председатель уездного комитета партии А. Е. Федоров, В. П. Осипов, В. Д. Жуков, П. Н. Подпорин, Д. И. Лещев, Г. Е. Куткин, Т. И. Сысков и другие. Это ядро к весне 1918 года получило сильное подкрепление в лице большевиков, находившихся в составе Управления 6-го Сибирского корпуса, прибывшего с фронта в Камышлов для расформирования.

Наиболее видным и крупным в деловом отношении работником этой группы военных был Макар Васильевич Васильев, из младших офицеров, избранный на фронте солдатами командиром корпуса. Прибыв в Камышлов, он вскоре стал уездным военным комиссаром и председателем уездного исполкома Совета.

Под руководством уездного комитета партии М. В. Васильев проделал огромную работу по выводу разрозненных отрядов из-под ударов врага в районы предстоящего формирования полка Красных Орлов, Камышловского полка, 4-го Уральского и ряда других, затем стал командиром первой бригады, а потом, в наиболее трудное время, и командиром 29-й стрелковой дивизии.

Очень правильно делает писатель, отмечая и конкретно показывая организующую роль партийных организаций в

деле создания, политического воспитания и обеспечения высокой боеспособности полка Красных Орлов и Камышловского полка. Характерной особенностью этих полков были сильные по составу партийные организации, крепкие и авторитетные партийные бюро и большая активность коммунистов.

История формирования полка Красных Орлов и Камышловского полка типична для возникновения не только частей, но и соединений, действовавших на Урале. Так, например, основой 29-стрелковой дивизии явились созданные на местах полки. III армия Восточного фронта в наиболее трудный период своей боевой деятельности — в конце 1918 года — состояла в основном из 29-й и 30-й стрелковых дивизий. А 30-я дивизия, первым командиром которой был В. К. Блюхер, по аналогии с 29-й была также создана из рабоче-крестьянских отрядов Южного и частично Среднего Урала, реорганизовавшихся в полки.

К сказанному следует добавить, что ядром полков воссозданной после потери Перми Особой бригады III армии также явились сильные добровольческие отряды из таких районов Северного Урала, как Кизеловские копи, Усолье, Березники, Чермозский завод и Соликамск. 21, 22 и 23-й полки этой бригады вскоре стали замечательными боевыми частями Красной Армии, а в дальнейшем вошли в состав знаменитой 51-й Перекопской стрелковой дивизии.

* * *

Спустя почти 40 лет, как и всегда, я испытываю любовь, восхищение и величайшее уважение к кадрам командиров и политических работников, которых выдвинули, воспитали и вырастили полк Красных Орлов и Камышловский полк.

Состоя из людей, имевших самое незначительное образование, не выходившее у подавляющего большинства за пределы начальной школы, и минимальную военную подготовку в объеме знаний солдата и учебной команды, готовившей младших унтер-офицеров, эти люди уверенно и смело стали во главе рот, батальонов, полков и бригад и повели свои подразделения и части по пути величайших испытаний, битв и подвигов гражданской войны.

Поражают их ранняя по возрасту военно-организатор-

ская и политическая зрелость, высокое чувство личной ответственности, подлинное отсутствие страха за себя лично, правильное понимание задач и обстановки, творческий подход к решению боевых задач, исключительная инициатива, огромные волевые качества. Основой и залогом их плодотворной деятельности явились высокая партийность и преданность до конца делу большевистской партии и пролетарской революции.

Очень характерны в этом смысле приведенные в книге писателя данные о командном составе полка Красных Орлов.

Из 17 человек (командир полка, его помощник, командиры батальонов и рот, начальники пулеметной команды и команды связи) семь вышли из унтер-офицеров, четверо — из фельдфебелей, трое — из прапорщиков, двое — из подпрапорщиков и один из рядовых солдат старой армии. 16 человек из 17 были членами Коммунистической партии. Из одиннадцати помощников командиров рот и команд 9 человек были из унтер-офицеров, один — рядовой и один — подпрапорщик. 10 человек из них были коммунистами, а один называл себя анархистом. В книге не приведены данные о командных кадрах Камышловского полка, но я хорошо знаю, что их лицо было таким же, как и в полку Красных Орлов.

Названные полки выделили из своей среды много крупных командиров как для самих себя, так и для других частей Красной Армии. В подтверждение достаточно сказать, что полком Красных Орлов последовательно с большим успехом командовали выдвинутые из среды его же комсостава тт. П. Н. Подпорин, Ф. Е. Акулов, ставший потом командиром 1-й бригады, И. А. Ослоповский, также назначенный потом командиром бригады, и А. И. Кобяков.

Ряд товарищей из полка Красных Орлов были назначены командирами других полков, как, например, С. Т. Окулов и И. В. Фомин. Я их знал лично. Все они были настоящими самородками в военном деле. Из них следует особо выделить Филиппа Егоровича Акулова — крестьянина Катайской волости Камышловского уезда, кавалера георгиевских крестов всех четырех степеней, человека мгновенных действий, неиссякаемого наступательного порыва, исключительной личной смелости, резкого и прямолинейного.

В книге П. П. Бажова названы многие из политических

работников этих полков: Г. А. Усиевич, А. Е. Федоров, Мендельсон, А. И. Юдин, И. А. Удников, Залман Лобков, А. И. Цейховский, М. Д. Ковригин, П. М. Тарских, Ф. И. Стриганов, А. А. Шаньгин. Однако не о всех из них сказано в меру их действительной роли. Мне бы хотелось дополнить автора, остановившись, в частности, на военном комиссаре полка Красных Орлов А. И. Юдине. Он был коммунистом с дооктябрьским партийным стажем. Его служба прошла в царском военно-морском флоте, в котором он был моторным унтер-офицером первой статьи. Отличительными чертами этого на вид угрюмого, сумрачного и замкнутого человека были высокая принципиальность, твердость характера, уравновешенность, всегдашняя близость к массам, особенно в дни неудач и трудностей, пренебрежение к личным удобствам и смелость в бою.

Товарища Юдина часто можно было видеть беседующим с солдатами и выступающим перед ними. Его любили за простоту, деловитость, прямоту и революционный подъем. А. И. Юдин, как комиссар полка, крепко поддерживал своего командира И. А. Ослоповского, тоже военного моряка, во многом помогал ему своими советами, сдерживая порывистый характер комполка и, когда это было необходимо, например, в ходе неудачных боев в районе ст. Чайковская (западнее Перми), предъявлял строгие требования к его выдержке.

В дальнейшем А. И. Юдин был выдвинут на пост военного комиссара 2-й бригады 29-й стрелковой дивизии и погиб в боях с колчаковцами на реке Тоболе в районе ст. Голышманово. Вместе с командиром бригады тов. Захаровым он был внезапно захвачен в плен и повешен. В последнюю минуту своей жизни он обратился к местным жителям с призывом усилить борьбу с врагами Советской власти.

Один из зачинателей полка Красных Орлов Михаил Дмитриевич Ковригин был родом из Катайской волости Камышловского уезда. Фельдшер по специальности, фронтовик, он был избран председателем полкового партийного бюро. Все мы его горячо любили и звали не иначе как Миша Ковригин за чуткость, доступность, простоту, скромность, за исключительный такт и сердечность во взаимоотношениях. Его авторитет в полку был совершенно непререкаемым.

В числе самых первых организаторов боевых отрядов в Камышловском уезде был Павел Мамонтович Тарских. Родом из села Зырянского Камышловского уезда, друг моего отца по организации Советской власти и партийной организации в Зырянской волости, фронтовик, унтер-офицер. Он был командиром 3-й роты полка Красных Орлов и отлично вел ее в многочисленных боях. Был членом полкового партийного бюро, а в дальнейшем стал и комиссаром полка.

На одном из этапов жизни полка председателем полкового партийного бюро полка Красных Орлов был Ф. И. Стриганов, родом из села Покровского, что недалеко от Режевского завода. Матрос Балтийского флота, человек со многими типичными свойствами революционного моряка, какими мы их представляем. Он прочно сохранился в памяти, как один из тех политработников, которых полк хорошо знал и очень ценил.

В очерках П. П. Бажова по достоинству уделено значительное место роли молодежи, составлявшей довольно большой процент среди бойцов того и другого полка. Многие пришли в их ряды моими сверстниками — несовершеннолетними подростками в возрасте 16—17 лет. Некоторые пришли со своими родителями и старшими братьями, как, например, семья Анчугова — крестьянина Верхтеченской волости Шадринского уезда, воевавшая в составе отца и четырех сыновей.

На всю жизнь мне запомнился один из таких подростков, о котором говорится в книге. Мы с ним дружили. Это был молодой рабочий из Салдинского завода, Никола Садчиков. За свою отчаянную смелость, за свой боевой характер и удивительную находчивость он, несмотря на малолетство, был поставлен во главе полковой лыжной команды пешей разведки. С честью он ею командовал и с честью погиб в бою западнее Перми.

Говоря об истории этих полков, нет надобности умалять и смягчать те огромные трудности, которые они перенесли, и те исключительные испытания, которые ими были выдержаны. Полки бессменно в течение 8—9 месяцев находились в непрерывных боях. Под натиском превосходящих сил врага им пришлось с боями отходить, неся серьезные потери. В тяжелую зимнюю пору, в условиях бездорожья, при глубоком снежном покрове, действуя в горнолесистой местности, они дрались, не имея лыж.

Длительное время личный состав полков был плохо обмундирован и снаряжен. Многие бойцы до января 1919 года воевали в своей гражданской одежде или имели смешанное обмундирование. В самый напряженный и опасный для всей 29-й стрелковой дивизии Кушвинский период боевых действий на протяжении длительного времени, в условиях тридцатиградусных морозов и недостатка теплых помещений очень плохо обстояло дело с питанием личного состава. В критические дни с 29 ноября по 3 декабря, да и позднее, полк Красных Орлов и другие части дивизии голодали, оставаясь по нескольку дней без пищи.

Были случаи, когда отдельные бойцы и даже подразделения оказывались на грани деморализации, пытались выйти из подчинения. Однако политическая преданность и стойкость командования, активность коммунистов и сознательность преобладающей массы бойцов оказывались сильнее всех испытаний и преодолевали их. Полки всегда находили в себе большие внутренние силы для немедленной ликвидации нарушений воинской дисциплины, а в некоторых случаях помогали в этом и другим частям.

Важно отметить, что тот и другой полки всегда устанавливали хорошие взаимоотношения с населением районов боевых действий. Строжайшим законом для всего личного состава полков было уважение к местным жителям, недопустимость самовольного изъятия от них чего бы то ни было в свою пользу. Малейшие попытки мародерства и воровства пресекались беспощадно и сурово карались вплоть до расстрела. Это проявление высоких морально-политических качеств, присущих рабоче-крестьянской Красной Армии, объясняет поразительную живучесть полка Красных Орлов и Камышловского полка, как, впрочем, и многих других частей армий Восточного фронта, комплектование которых происходило обычно за счет местного населения.

Было в жизни полков немало моментов, когда казалось, что эти части больше не смогут восстановить свою боеспособность. Но каждый раз, опираясь на ядро боевиков, полки восставали к жизни, как Феникс из пепла, поддержанные вливавшимися в их ряды добровольцами из числа отступавших с Урала рабочих, крестьянской бедноты и лишь частично — мобилизованными, быстро приобретавшими в боевом коллективе качества сознательных и умелых воинов.

* * *

Для лучшего восприятия того, что сказано в книге П. П. Бажова, читателю полезно ознакомиться со схемами районов, на территории которых проходили основные

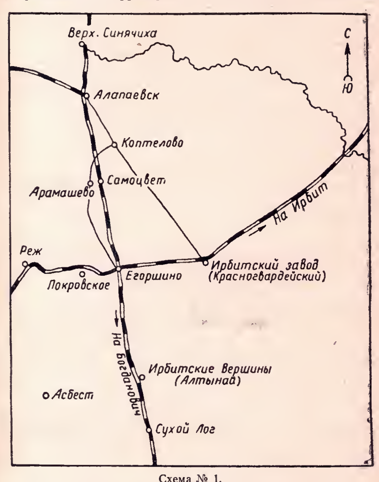

Схема № 1.

боевые действия полка Красных Орлов, Камышловского полка и всей 29-й дивизии.

Это прежде всего Егоршинский район с входящими в него Ирбитским заводом, Сухим Логом, Ирбитскими Вер-

шинами, Режевским заводом, селом Покровским, Алапаевским заводом, Верхней Синячихой, селом Коптелово, с железнодорожным узлом и станцией Егоршино в центре (схема № 1).

Далее — Кушвинский район, включающий в себя такие населенные пункты, как Баранчинский завод и Лая (оба пункта севернее Нижнего Тагила), Салда (восточнее Кушвы), станция Выя, Нижняя и Верхняя Тура, железнодорожные станции Азиатская, Европейская и Теплая Гора, а также находящийся несколько на отшибе Кыновский завод (схема № 2).

Основным направлением дальнейших действий главных сил 29-й дивизии и в особенности полка Красных Орлов была железнодорожная магистраль от ст. Теплая

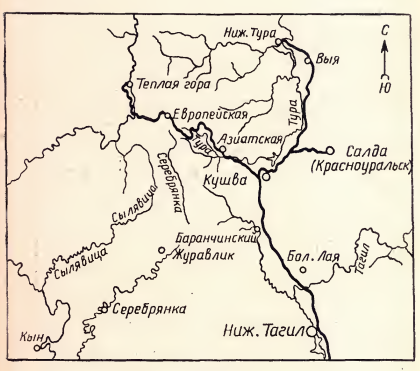

Схема № 2.

Гора на Чусовской завод, ст. Калино, ст. Сылва и далее на Пермь, ст. Чайковская и Глазов (схема № 3).

Необходимо подчеркнуть очень большое оперативное значение активных действий 29-й дивизии в Егоршинском и Кушвинском районах, а также дальнейших ее боев, развертывавшихся вдоль Горнозаводской линии от Чусовой.

В то время, когда белогвардейцы уже взяли город Екатеринбург (Свердловск) и начали наступательные операции по кратчайшей дороге через Кунгур в направлении Перми с целью ее скорейшего захвата, красноармейские отряды из районов Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов только начали стягиваться к Егоршино. Собравшиеся здесь силы, вошедшие впоследствии в состав 29-й дивизии, во взаимодействии с частями, дравшимися между Екатеринбургом и Нижним Тагилом, своими активными оборонительно-наступательными действиями создали весьма опасную помеху для наступления белых от Екатеринбурга на Пермь через Кунгур и приковали к Егоршинскому району крупные силы белогвардейцев и белочехов.

Колчаковское командование боялось за оперативный тыл своей Екатеринбургской группировки. Тревога эта особенно усилилась, когда полк Красных Орлов перешел в наступление от Егоршино в направлении железнодорожного узла Богданович и в ходе этого наступления быстро овладел Ирбитскими Вершинами и Сухим Логом. Вслед за тем Камышловский полк нанес белым сильное поражение под Ирбитским заводом и перешел в наступление в направлении города Ирбита, овладев Шмаковой и Якшиной.

Очень пугали белогвардейское командование активность наших частей в районе Режевского завода и небольшие наступательные попытки от этого завода в сторону Екатеринбурга, где в боях в направлении ст. Монетной особенно отличились воины под командованием известного героя гражданской войны матроса П. Д. Хохрякова.

Отход частей 29-й дивизии из Егоршинского района с переносом ее усилий к Нижнему Тагилу и в Кушвинский район не уменьшил оперативного значения ее боевых действий. Троекратное поражение белых, первое — под Нижним Тагилом, второе — между Кушвой и Нижним Тагилом и третье — в районе Кыновского завода и станции Кын, создало большую угрозу для колчаковских

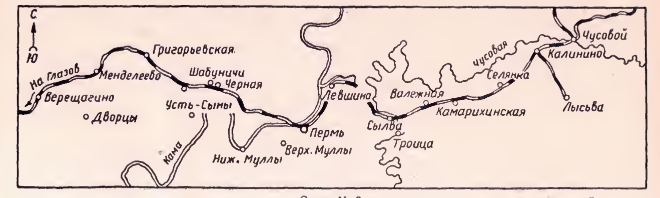

С
Ю
На Глазов
Верещагино
Менделеево
Григорьевская
Шабуничи
Черная
Дворцы
Усть-Сыны
Кама
Ниж. Муллы
Верх. Муллы
Пермь
Левшино
Сылва
Троица
Валежная
Камарихинская
Чусовая
Селянка
Калинино
Чусовой
Лысьва

Схема № 3.

войск, наступавших от Екатеринбурга на Кунгур—Пермь. Колчаку приходилось все время усиливать свои войска против нашей Кушвинской группировки, а это приводило к тому, что сил у белых для успешного наступления на Пермь не хватило, и оперативные расчеты их высшего командования были сорваны.

Для того чтобы представить себе объективное значение Кушвинской группировки в общей обстановке на главном направлении Восточного фронта в ноябре-декабре 1918 года, достаточно перечислить белогвардейские силы, сосредоточенные против наших сил в этом районе.

Против одного нашего полка Красных Орлов, оборонявшегося на участке Баранчинский завод — Лая — ст. Баранча, белые выставили свою 7-ю Уральскую пехотную дивизию четырехполкового состава. Против 1-го Рабоче-Крестьянского полка, дравшегося восточнее Кушвы, в районе дер. Салда белые имели два полка 4-й Сибирской пехотной дивизии. Против 17-го Петроградского и Камышловского полков с китайским батальоном, занимавших участок ст. Выя — Верхняя Тура, белые бросили 5-ю Сибирскую пехотную дивизию и половину 4-й Сибирской пехотной дивизии.

Цель белых состояла в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям окружить 29-ю дивизию в районе Кушвы и уничтожить ее по частям. Этот план белых провалился. В результате боев в районе Кушвы 29-я дивизия, отбивая атаки противника, отошла по Горнозаводской линии железной дороги к ст. Теплая Гора, избежав окружения.

Потерпела неудачу и попытка белых перехватить пути отхода 29-й дивизии. Колчаковское командование, не закончив полностью формирование своего 1-го Средне-Сибирского корпуса, вынуждено было бросить его основные силы в район Кыновского завода, ст. Кын и далее на Лысьву с целью наверняка разбить 29-ю дивизию. Для этого части 1-го Средне-Сибирского корпуса белых должны были захватить Чусовской завод, выйти в тыл 29-й дивизии, отрезать ей дорогу на Пермь, действуя совместно с 7-й, 4-й и 5-й дивизиями, окружить и уничтожить ее.

Ничего не вышло и из этого плана белых. Белогвардейское командование вынуждено было продолжать удерживать крупные силы на этом направлении, очень невыгодном для быстрого решения наступательных задач.

Упустив благоприятное время лета и сухой осени, белые только 25 декабря 1918 года заняли Пермь.

В конечном итоге, понеся огромные потери, белые вышли в район Перми с большим опозданием и упустили время для выполнения важной стратегической задачи — соединения колчаковского фронта с Северным фронтом белогвардейцев и интервентов в районе Вятки — Котельнича.

Приводимая ниже схема № 4 должна помочь уяснению высказанных положений. Из схемы № 4, в частности, видно, что направление наступления белых на Пермь от Богдановича на Егоршино, Алапаевск, Нижний Тагил, Кушву, Чусовской завод, не говоря уже об участке Верхотурье — Кушва, почти в два раза длиннее и несравненно труднее, нежели направление от Екатеринбурга через Кунгур.

Говоря о боевых действиях частей 29-й дивизии, хотелось бы подчеркнуть тесное боевое взаимодействие между полком Красных Орлов и Камышловским полком.

Так было, когда полк Красных Орлов дрался в районе Егоршино и вел наступление в направлении железнодорожного узла Богданович, а Камышловский полк в это время с успехом дрался в районе Ирбитского завода, приковав к себе довольно значительные силы белых.

Так было, когда полк Красных Орлов, обеспечивая действия главных сил дивизии, остался один на участке Егоршино, Алапаевск, ст. Салка, а Камышловский и 4-й Уральский полки были брошены к Нижнему Тагилу и здесь нанесли белым чувствительное поражение, отмеченное в приветственной телеграмме председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

Так было между Нижним Тагилом и Кушвой, когда объединенными усилиями наших полков белые получили сокрушительный удар на подступах к Кушве и были далеко отброшены в сторону Нижнего Тагила, понеся большие жертвы и побросав много пулеметов, винтовок, боеприпасов и снаряжения. Особо отличившийся 1-й Крестьянский коммунистический полк за это был награжден Красным Знаменем и с тех пор стал называться полком Красных Орлов.

Так было, когда Камышловский полк совершал свою героическую операцию в районе завода и станции Кын. Только прочное и надежное удержание полком Красных

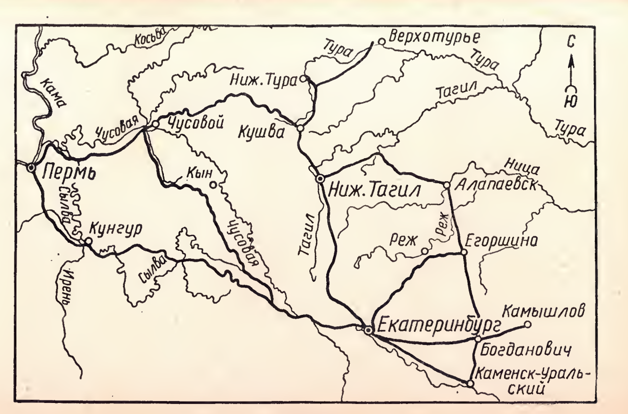

С
Ю
Косьва
Кама
Верхотурье
Тура
Тура
Тура
Ниж. Тура
Тагил
Чусовая
Чусовой
Кушва
Пермь
Кын
Ница
Алапаевск
Ниж. Тагил
Сылва
Кунгур
Чусовая
Тагил
Реж
Реж
Егоршина
Сылва
Ирень
Екатеринбург
Камышлов
Богданович
Каменск-Уральский

Схема № 4.

Орлов района Баранчинского завода позволило командованию 29-й дивизии осуществить свой смелый замысел силами Камышловского полка, а последнему уверенно и решительно нанести свой удар и развить его в весьма сложных и довольно рискованных условиях.

Так было и при разгроме белогвардейских частей в районе села Дворецкого (Дворцы) западнее Перми.

* * *

В дни исторического праздника 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в канун 40-летия вооруженных сил нашей Родины советский народ с благодарностью вспоминает о трудах и делах героических советских воинов, дравшихся в годы гражданской войны за победу трудящихся, за Советскую власть, за Советскую Родину, за торжество идей нашей Коммунистической партии, за победу и торжество дела Ленина.

Велики заслуги в этой борьбе, в частности, и тех рабочих, батраков, бедняков, крестьян-середняков и советских интеллигентов, которые составляли ряды полка Красных Орлов и Камышловского полка, истории которых посвящены очерки уральского писателя П. П. Бажова.

Много таких полков было в рядах молодой Красной Армии, дравшихся с врагами нашей Родины на обширных пространствах Урала и Сибири, как и на других театрах военных действий в годы гражданской войны.

Всем им вечная честь и слава!

Бывший рядовой боец-пулеметчик первого крестьянского коммунистического полка Красных Орлов, ныне генерал-полковник

Ф. И. Голиков

Бойцы первого призыва

К истории полка Красных Орлов

К ЧИТАТЕЛЯМ

У полка очень ответственное имя — Первый крестьянский коммунистический Красных Орлов.

К этому надо добавить, что полк является первым по СССР краснознаменным, что организовался он в то время, когда методы формирования Красной Армии еще не были освоены.

Все это заставляет подходить к истории полка с особой внимательностью.

Собранный материал,— главным образом в виде воспоминаний участников и выписок из документов,— далеко еще не достаточен, чтобы на основе только этого материала пытаться дать более или менее полную историю полка.

Из печатных источников по истории полка имеется лишь довольно большое количество статей в газетах (в шадринской — «Рабоче-крестьянская правда» и «Путь к коммуне»).

Однако материалы газет изображают организацию полка как явление чисто местное, районное, в отрыве от областного и партийного уездного руководства и почти вне влияния рабочих центров.

В действительности дело обстояло вовсе не так. Ведущая роль здесь, разумеется, принадлежала партийной организации, которая, опираясь в первую очередь на рабочих депо станций Камышлов, Каменского и Талицкого заводов, сумела правильно развернуть работу с деревенской беднотой.

Воспоминания участников, представляя материал огромной ценности, освещают вопрос тоже очень односто-

ронне. Они сосредоточиваются на отдельных, наиболее красочных эпизодах боевой жизни, на вопросах тактики и стратегии, на заметных именах военного руководства, но почти совсем не отмечают то основное, что сделало полк наиболее крепкой боевой единицей Уральского фронта в 1918 году.

Вполне понятно, что героизм бойцов и правильное военно-оперативное руководство имели большое значение, но основным все-таки являлась партийная работа.

Только последовательное проведение ленинской политики в отношении к крестьянству дало возможность пролетариату найти должную поддержку со стороны бедняцких слоев деревни и частично, в наиболее благоприятных условиях, повести за собой и середняка.

Под этим углом автор и дает исторический материал в виде отдельных очерков событий, как последние отложились в памяти современника и участника, работавшего в то время в уездном центре.

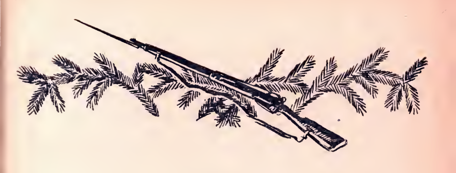
В силу этого в книжку вводится многое, что до этого времени не связывалось с историей полка. В то же время отдельные моменты воспоминаний, представляющие собой повторение или подтверждение уже рассказанного, значительно сокращены или вовсе опущены.

В частности, совсем опускается тот период, когда полк перешел полностью на положение регулярной части Красной Армии с централизованным снабжением и определенным порядком комплектования. Из этой полосы дается лишь краткая сводка наиболее значительных событий.

Ни объем работы, ни собранные материалы не позволяли автору расширять рамки показа полка, как отдельной боевой единицы III армии Уральского фронта.

Частично упоминаются соседние части и то лишь в случаях, когда их действия имели исключительное значение для операций полка. Это, разумеется, нельзя понимать как желание автора показать полк в отрыве от общей организованной борьбы рабочих за Урал.

Книжка ни в какой мере не претендует на полноту освещения первой стадии организации полка и первых шагов его славного боевого пути. Автор считал бы себя удовлетворенным, если бы его очерки подтолкнули когонибудь из историков-марксистов к более глубокому исследованию на этом историческом участке.

В КРАЮ КОРЕННОГО ЗЕМЛЕРОБА

Бассейн рек сибирского ската: Исети, Пышмы и Ницы, в границах прежних уездов Шадринского, Ирбитского и Камышловского с населением свыше 500 тысяч человек издавна считался чисто земледельческим.

По сюсюкающему говору квасных патриотов здесь жил «подлинный мужичок», «коренной землероб», «труженик и опора земли русской».

Этот именно край выбрал Мамин-Сибиряк для своего большого полотна «Хлеб», где дана картина начала крупно-капиталистической эксплуатации крестьянского населения через банковскую систему торговли хлебом.

В этот же район Мамин-Сибиряк в другом своем произведении «Приваловские миллионы» перенес деятельность одного из самых наглых капиталистических хищников Маляхинского-Пуцилло, наследники которого под их настоящей фамилией Поклевских-Козелл немало пакостили пролетариату после Февральской революции. От Октябрьской они предусмотрительно смылись, оставив на 65 комнат своего дома в Талице одного уже позеленевшего от старости деда.

Не был забыт Исетско-Пышминский край и в полосу «хождения в народ». В делах охранки нередки документы вроде следующего:

«В Стриганской волости, Ирбитского уезда, арестован неизвестный человек без всяких документов, назвавшийся кузнецом Студеным, при нем были найдены книга «Христианство и социализм», сочинение Августа Бебеля, и

письмо, начинающееся словами: «Матвей, будь добр, спрячь мой ящик с книгами»[1].

На затухавшей волне 1905 года были здесь и крестьянские восстания, но немного и с запозданием—в 1907 году. Наиболее заметно «Першинское дело» Стриганской волости, Ирбитского уезда. О значимости последнего можно судить по свирепому приговору военно-полевого суда. Из 75 арестованных 9 были приговорены к бессрочной каторге, дальше шла каторга от 15 до 20 лет и «самое мягкое» — для шестерых были исправительные роты от 2 до 3 лет.

Население Исетско-Пышминского района на первый взгляд казалось действительно довольно однородным крестьянским массивом, с общинным землепользованием.

Недаром скульптор Иванов-Шадр, получив задание разработать облик крестьянина времени начала революции, без большого раздумья поехал за натурой на родину — в Шадринский уезд. Там он слепил «червонного мужика» (фигура сеятеля на червонцах и облигациях первого крестьянского займа), там же изготовил и «марочного деда». Обоих по натуре из деревни Прыговой, бывшего Исетского района.

По этому поводу в журналах — еженедельниках 1925—1927 годов (из центральных — в «Прожекторе», «Красной ниве», из уральских — в «Колосе») не раз помещались очерки, где неизбежно отмечалось, что Исетско-Пышминский край — исключительно крестьянский, никогда не знавший помещика.

Внешне это так и было.В одном лишь Ирбитском уезде помещичьи земли имели кой-какое значение. В остальных они представляли совсем ничтожную величину.

В частности, например, по Шадринскому уезду положение с землей в 1917 году было таким[2].

Надельной крестьянской земли . .	1 427 615	десятин
Казенной лесной и оброчных статей .	226 418	»
Частновладельческих земель	4718	»
Церковных и монастырских	9512	»
Городских	9179	»
Всего	1 672 442	»

[1] Из материалов партархива.

[2] Цифры взяты из статьи «К вопросу о точном учете земледелия в Шадринском уезде», газета «Народная мысль», № 12 за 24 сентября 1917 года.

Таким образом, всех частновладельческих с церковными и городскими было не выше 1,5 процента к общей земельной площади.

Еще ниже был процент частновладельческих земель по Камышловскому уезду (10 380 десятин частновладельческих, церковных и городских на 900 390 десятин надельных крестьянских).

В Ирбитском уезде положение было иное. Там частновладельческие земли составляли около 5,8 процента по отношению к крестьянским надельным. Но здесь надо иметь в виду, что основную часть частновладельческих земель составляла дача Ирбитского завода, которая принадлежала по так называемому посессионному праву владельцам Алапаевского завода.

Во всех трех уездах были казенные земли, которые представляли дополнительный земельный фонд главным образом для сенокошения. Оброчные статьи сдавались с торгов и, как правило, попадали в руки кулацкой верхушки деревни.

Самая большая цифра казенных земель была в Камышловском уезде — это дача казенного Каменского завода (608 тысяч десятин).

Если брать средние цифры последней дореволюционной подворной переписи, то обеспеченность пахотой, лошадьми, крупным рогатым и мелким скотом крестьянства трех смежных уездов мало чем отличалась друг от друга.

На крестьянский двор в среднем приходилось:

	Бывший Ирбитский уезд	Бывший Шадринский уезд	Бывший Камышловский уезд
Лошадей	2,7	2,5	2,3
Крупного рогатого скота	почти 3	2,7	2,8
Овец	» 6	5,5	4,8

Обеспеченность пахотной землей в Шадринском уезде была около двух десятин «на душу», в Ирбитском и Камышловском — по 1,6 десятины. Но эти средние цифры имели большой порок. Они не отражали действительного положения деревни, а его затушевывали, приукрашали, сбивали с пути своим уравнительным видом.

В действительности было совсем другое, и прежде всего в самом землевладении.

Хотя, как уже говорилось выше, земельным фондом распоряжалась община, это ни в какой мере не гарантировало правильности распределения земли.

В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» с исчерпывающей полнотой показал как раз на уральском примере (на анализе цифр Красноуфимского уезда), что, несмотря на видимость уравнительности при общинном землевладении, получается положение, которое он так формулировал: «Чем самостоятельнее крестьянский двор, тем больше надельной земли приходится на одну душу населения».

Это положение имелось и здесь.

Всякому, кто помнит дореволюционную картину полей, известно, что лучшие — «удворные земли», «от поскотинной жерди» неизбежно принадлежали владельцам лучших домов деревни. И эти земельные куски всегда оказывались с каким-нибудь гаком против надельных норм. Об этих гаках все знали, но помалкивали — «уважали хорошему человеку». Иначе говоря, вынуждены были мириться с кулацким захватом и жульничеством. Наряду с таким захватом, «на уважение» широко практиковалась аренда земли у однообщественников, с оплатой натурой — «осьминничек с любого конца». Сюда же надо отнести систему отработок, аренду земли у казны, а в Шадринском уезде, кроме того, еще так называемое пользование башкирскими землями.

В результате таких «внутренних поправок», порой совсем не отражавшихся в цифрах, складывалось положение деревни вовсе не такое, каким оно казалось по средним цифрам.

Ярким показателем тяжелого положения деревенской бедноты может служить материал об отходничестве и кустарных промыслах.

Шадринский уезд, например, уже в довоенное время выделял ежегодно 18 000 отходников. Это значило, что каждый третий двор был не в состоянии прокормиться от земледельческих заработков и вынужден был отправлять одного из работоспособных членов двора куда-нибудь на сторону.

Положение с отходничеством в Камышловском уезде было примерно такое же, как в Шадринском, с той лишь

разницей, что цифры здесь показывали уже не сезонную, а постоянную связь крестьянских хозяйств с предприятиями Урала (углежжение, строительные работы, добыча руды, разработка асбеста и т. д.).

В переводе на разговорный язык это значило, что часть крестьянских семей уже не удовлетворялась выделением работников на сезон, а нуждалась в постоянной связи с предприятиями, так как без этого нельзя было прокормиться.

Ирбитский уезд выделял лишь 14 процентов отходников от общего числа дворов. Может быть, здесь сказывалась особенность северной части уезда, где крестьянская беднота в значительной мере промышляла охотой. Несомненно, сказывалась и ярмарка, обслуживание которой занимало немало крестьян в зимнее время, хотя это обслуживание пьяного купецкого торжища больше содействовало обогащению кулацкой части деревни.

Для примера можно привести цифры, характеризующие состояние одного из наиболее крупных «ямщицких» сел — Ляпуновского.

Здесь, по данным последней дореволюционной подворной переписи, из 306 хозяйств 56 были безлошадными.

Зато в этом же селе 58 хозяйств имели свыше 4 лошадей, 42 хозяйства имели постоянную наемную рабочую силу [1].

Очень показательны для характеристики деревни Исетско-Пышминского края и существовавшие здесь кустарные промыслы.

Было еще можно понять, почему, например, в Смолинской и Буткинской волостях усиленно превращали дерево в щепу, вырезая снеговые лопаты «с загребом» чуть не из целых кряжей. Тут все-таки была близость и доступность сырья. Никто не считал бедой, что 90 процентов работы уходило в щепу — на то и щепной товар называется.

Гораздо труднее понять, почему в такой забегаловке Шадринского уезда, как деревня Кукуевка, занимались выделкой гребней из коровьего рога.

Эта в высокой степени вредная для здоровья работа, очень сложная (до 20 процессов), с примитивным нареза-

---

[1] Материалы по оценке земель Пермской губернии, т. VI, вып. 2, стр. 51, 58, 59.

нием зубьев вручную свидетельствовала о таком положении «коренного землероба», по которому не только ему самому, но и всей его семье приходилось узнавать «почем сотня гребешков». Она — эта сотня — ценилась перекупщиками очень невысоко, зато вони от распаренного в чугунах рога на всех в избе хватало с избытком, роговой стружки от предварительной обработки выметалось каждый день из избы ведрами, а мельчайшая роговая пыль от шлифовки шла бесплатным приложением... для легких кустаря и его семьи.

К этому надо добавить, что заработок 6000 кустарей (щепников, гребенщиков, пимокатов и т. д.) определялся, по данным обследования 1903 года, в 200 000 рублей. По 33 рубля в год на человека.

Самая поразительная цифра все же не эта.

В приисетском крае «народная мудрость» создала нравоучительную пословицу: «Курица на седало — добрая жена за пряснипу».

Это вот занятие «доброй жены» как-то отразилось в цифрах обследования кустарных промыслов по Камышловскому уезду.

Было подсчитано, что за год (1903) изготовлено 692 000 аршин домотканного холста. Всего женского населения в уезде в то время было 131 000.

По уравнительным цифрам выходит, что на каждую женщину приходилось изготовить по пять с половиной аршин холста. И оценен был этот женский труд в 24 500 рублей, по три с половиной копейки за аршин.

В итоге «добрая жена» заработала 19 копеек в год. На каждую женскую душу!

В действительности, конечно, это было не совсем так. Не все пряли и ткали. Иные по ребячьему делу еще ревели в смрадной духоте избенок, другие, уже ослепшие, досиживали свой темный век на печи. Было немало и таких, которые работу принимали: пасмы считали, браковали, принимая заказ, да готовые трубы холста в сундуки складывали дочерям и даже внучкам дочерей в приданое.

Работали, разумеется, женщины и подростки бедняцких и середняцких семей, часто не оправдывая даже расхода на керосин. Для женской учебы это зимнее прядение было прямой зарез. В Шадринском уезде, например, по всем 40 земским школам училось в то время лишь 578 девочек, или 0,3 процента к общему числу женского населения.

Из этих цифр и фактов можно сделать один вывод: положение деревенской бедноты в этом чисто земледельческом краю было нелегким, хотя помещиков здесь и не было. Деревенский кулак умел крепко выжать соки. По отдельным селениям количество дворов, державших в своем распоряжении постоянную рабочую силу, почти совпадало с числом безлошадных дворов. Иначе говоря, кулак уже успел проглотить полностью по одному бедняцкому двору и, мирно мурлыкая о равенстве, подбирался к остальной бедноте.

В наиболее отдаленных от железных дорог углах кулак старался занять бедноту домашними ремеслами: овчинным, пимокатным, канатным, вплоть до щепы и гребешков.

В части района, прилегающей к заводской полосе, деревенская беднота предпочитала уходить «на сторону».

Усиленному отходничеству из этой западной полосы Исетско-Пышминского края, кроме близости предприятий, в значительной степени содействовало и то обстоятельство, что земли этой части района были значительно хуже, а в некоторых волостях их было и недостаточно.

Насколько пестро было распределение земли, можно судить хотя бы по сводной таблице 1917 года по Камышловскому уезду. Тогда как раз производился подсчет земли по эсеровским меркам (по трудовым нормам). Оказалось, что на 38 волостей 10 имели определенный избыток — 92 843 десятины, в остальных 28 волостях недоставало до норм 121 400 десятин.

Не менее пестро было и качество земель.

В силу этого и получилось, что в отдельных волостях недоставало хлеба, когда другие имели значительный избыток.

«В расчетных ведомостях» по Камышловскому уезду за 1913 год отмечен, например, недостаток хлеба и овса в волостях: Знаменской, Ирбитско-Вершинской, Каменской и Колчеданской.

Зато в таких волостях, как Рамыльская, Белаирская и Вновьюрмытская, хлебных излишков было свыше миллиона пудов (1 291 468).

Понятно, почему именно эти волости оказывали особо упорное сопротивление Советской власти и здесь вспыхнули первые кулацкие восстания.

Вообще, сравнивая сводные таблицы обеспеченности

землей и хлебом со сводкой по ноябрьским выборам в Учредительное собрание, можно заметить здесь некоторую связь. Многоземельные и хлебные волости в большинстве голосовали за эсеров — в малоземельных и бесхлебных волостях значительное количество голосов отдавалось большевикам.

Но это, конечно, далеко не всегда совпадало, и лучшим примером тому служит Катайская волость.

Эта волость, правда, отмечалась недостатком земли, но очень незначительным (285 десятин). По хлебной таблице она значилась при среднем урожае 1913 года с избытком почти в полмиллиона пудов (436 456). Тем не менее эта волость по августовским выборам 1917 года дала большевикам больше голосов, чем эсерам (1813 большевикам, 1610 эсерам). В то же время здесь в цифрах оказались заметны и кадеты (8 процентов) и «народно-церковная группа» (5 процентов).

Ясно, что здесь действовал целый ряд и других причин. В первую очередь, разумеется, влияла близость рабочего центра — Каменского завода, очевидно, сказывалось в какой-то мере местоположение Катайска возле железной дороги, сильно действовал большой хлебный рынок, неизбежно обостряющий классовые противоречия. Несомненно имела место и разница в обеспеченности землей отдельных селений. Недаром беднота деревень Савино и Черемисской стала вооружаться первой и даже одно время «отложилась» от своего волостного центра, пока он был в руках эсеров, объяснив, что подчиняется непосредственно Камышлову [1].

Говоря об экономике края, надо отметить и крайнюю распыленность землепользования. Одна деревня ездила пахать через ряд других, а у нее под боком пахали приезжие из-за десятка километров. Такой, с позволения сказать, «порядок», обездоливая бедноту, тяготил середняка, но был выгоден кулаку, который умело пользовался этой земельной неурядицей.

Поповские земли, составлявшие, как уже говорилось выше, не особенно большой процент, нарезались, как правило, в одном пласту, где-нибудь «на удворьи», вблизи селения. К тому же они часто обрабатывались помочами,

[1] Воспоминания тов. Григорьева В., командира 3-го батальона полка. Партархив, материалы по истории полка Красных Орлов.

что еще более раздражало население, так как в поповских помочах чувствовалась доля тех монастырских отработок, которые в свое время вызывали крестьянское движение, известное под названием «дубинщина».

Неудивительно поэтому, что почти каждый, вспоминающий о прошлом деревни, обязательно упоминает об этих поповских наделах. Но никто почти не говорит ни об отрубах, ни о больших кулацких хозяйствах, которые маскировались отработкой, арендой у казны, однообщественников и порой даже у попов, когда те «сами не обрабатывали».

Между тем отрубники, по данным той же статьи, из которой брались цифры по Шадринскому уезду, занимали почти такую же площадь, как и поповские наделы — 9132 десятины, но более мелкими кусками.

Если в Камышловском уезде, где имелось всего два помещичьих имения, зарытых в лесной полосе (162 десятины Амбрашкевича и 52 десятины Щуки), еще можно было не всем крестьянам знать о них, то в Шадринском этого уже нельзя было не заметить, особенно в юго-западной части уезда, вблизи волостей Песковской, Верхтеченской и Петропавловской. Там был довольно заметный куст помещиков. Около одного высохшего озера Акчакуль (озеро денег) осело их пятеро. Наследники купца Иванова имели 553 десятины земли, Медведчиков — 300 десятин, другой Медведчиков — 110 десятин, третий Медведчиков 91 десятину, купец Первушин — 200 десятин. Были помещики и в Усть-Караболке, Сушиной и около деревни Надыров Мост.

Этот именно район оказался одним из первых, где возникло кулацкое движение, связанное непосредственно с дутовщиной.

Кроме помещиков, в этом же углу было заметное гнездо монастырей: Далматовский мужской, Верхтеченский женский, Каменский мужской, Каменский женский, Колчеданская община. Все они имели пахоту и лес.

В этом же углу Исетско-Пышминского края особо остро стоял вопрос башкирского землевладения. Была огромная разница в размере налогов башкир-вотчинников, башкир-припущенников, татар-собственников, мещеряков-собственников, мещеряков-припущенников.

Этот необычно пестрый узор землевладения юго-западной части Шадринского уезда создавал часто громадную

разницу в обеспеченности землей между отдельными селами даже одной волости.

Какой-то поповский историк «картофельного бунта»[1] в Зауралье так говорил о Верхтече:

«Замечательно, что жители Верхтеченской слободы во все времена отличались готовностью к противлению властям, к возмущению, что особенно показали в 1773 году во время Пугачевского бунта. Они с особенным усердием, как хищные звери, устремились на разрушение тихой обители и здесь употребили все усилия, чтобы завладеть монастырем... Такое усердие было в 1756 году, во время бунта, известного под названием «дубинщины». Свое усердие показали они и в 1843 году».

Оказалось, что и в полосу гражданской войны эта «особенность» Верхтечи не исчезла. Эта волость оказала заметное содействие формированию частей Красной Армии. Отряд Анчугова из этой волости был первым, державшим защиту Шадринска. Организованные на территории Верхтеченской, Петропавловской и Песковской волостей отряды составляли основную боевую силу Четвертого Уральского полка, который по документам значится сформированным в Шадринске.

Вот объяснение революционной разницы отдельных селений:

«В деревне Борисовой, Зырянской волости, организовалась партия коммунистов-большевиков, в которую пока вошло 22 человека, считая в том числе и членов партии соседних селений. По примеру борисовцев начинается движение бедноты и в более отдаленных деревнях, исключая самого населенного пункта — села Зыряновского, где кулаки и мироеды свили теплое гнездо и чувствуют себя спокойно[2].

Неравномерность распределения земель в юго-западной части Шадринского уезда и наличие заметных площадей помещичьих, поповских и монастырских земель были тем экономическим фактором, который содействовал революционизированию деревенской бедноты этой части Исетско-Пышминского края.

В северо-западной части, в волостях Кочневской, Ирбитско-Вершинской, Знаменской, Ново-Пышминской, Ка-

[1] Из рукописи неизвестного автора. Партархив.
[2] «Известия» Камышловского Совдепа, № 79, 25 мая 1918 года.

шинской, Курьинской сильно действовали неродимые земли — белики (мергеля), а также близость промышленных предприятий.

В этой части велась разработка каолиновой глины, работали золотые прииски: на Икрянке (бывшая Малиновцева), на Безымянном логу (бывшая Подсосова-Стрижова), на Норке (бывшая Чернядьева); угольные копи «Клара и Лара» (в Ирбитско-Вершинской волости) и на Черемшанке; здесь же была писчебумажная фабрика (бывшая Ятеса), велись работы по постройке цементного завода (в селе Сухой лог). К этому надо добавить, что под боком были Егоршинские каменноугольные копи и асбестовый рудник.

Крестьянская беднота этих волостей и частью середняки были постоянно связаны с предприятиями и составляли ту группу деревенского населения, которая обычно называлась промысловым крестьянством.

Эти волости близко подходили к Ирбитскому заводу (бывшему Яковлева). Почти в центре полосы находился Каменский металлургический завод с населением свыше 10 тысяч.

Каменский завод, как рабочий и экономический центр, неизбежно оказывал влияние на ряд смежных с ним волостей. В 1918 году здесь даже был организован районный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В протоколе съезда председателей волостных Советов Камышловского уезда по этому поводу записано:

«Председатель Каменского волсовета заявляет, что на съезде волостных комиссаров Травянской, Щербаковской Шаблишской, Черемховской, Пироговской и Зыряновской волостей было высказано пожелание организовать Каменский районный Совет, мотивируя тем, что при Каменском заводе предполагается... открытие университета и по другим соображениям организационного характера.

Постановлено — объединению и организации Каменского районного Совета не препятствовать, а приветствовать» [1].

В восточной половине Исетско-Пышминского края было тоже два рабочих пункта, оба в бывшем Камышловском уезде. Это «винный городок» Поклевского в Талице

---

[1] Протокол от 26/VI 1918 года, опубликован в «Известиях» Камышловского Совдепа, № 84 от 31 мая.

с дрожжевым, пивоваренным и винокуренным заводами и Ертарский стекольный, тоже Поклевского.

Оба завода были в плотном кольце многоземельных хлебных волостей, реакционность которых усиливалась еще тем, что некоторые из них (Балаирская, Рамыльская) были почти сплошь старообрядческими. Деревенская беднота здесь не только крепко была зажата кулаками, но и с детства запугана толстенными книгами древней печати с хитрыми застежками, непонятными словами, из которых гладенькие «наставники» неизменно выводили одно: «всякое новшество — от антихриста».

Немногочисленному пролетариату Талицкого и Ертарского заводов в этих условиях трудно было вовлечь в революционное движение бедноту и раскачать середняка, зато этому пролетариату одному из первых в крае пришлось воочию убедиться в хитрости, ловкости и звериной злобе своего классового врага.

Административными центрами Исетско-Пышминского края были города: Шадринск, Камышлов и Ирбит.

Все эти города в основном мещанские, где незначительное количество рабочих тонуло в море мелких спекулянтов, перекупщиков, лавочников и просто обывателей, промышлявших чем придется: постоялым двором, извозом, конским барышничеством и т. д. Над всем этим мелкобуржуазным элементом главенствовали мукомолы, крупные хлеботорговцы и «сырьевики».

Заметная рабочая группа была лишь в Камышлове. Здесь издавна было железнодорожное депо; довольно большой по размерам того времени кожевенный алафузовский завод с производительностью 500 пар обуви в сутки и несколько мастерских, из которых одна, выпускавшая продукции (веялок, сортировок, молотилок и плугов) на 40 тысяч рублей, называлась уже фабрикой, с цехами кузнечным, деревообделочным, механическим и даже своей микроскопической электростанцией.

В 1917 году, когда большевики взяли в свои руки городскую управу, в городе была проведена перепись. Получились такие цифры:

Рабочих (с взрослыми членами семей)	1032	или	19	процентов
Служащих	1701	»	31	процент
Без определенных занятий (мещан)	2580	»	42	процента
Крупной буржуазии и ее агентуры	415	»	8	процентов

Из 5537 человек взрослого населения половина — представители наемного труда и половина — мелкой и крупной буржуазии и ее агентуры.

Примерно такое же соотношение было и до революции.

Цифры переписи в известной мере объясняют, почему работа РСДРП(б), начатая в 1905 году, нашла в Камышлове благоприятную почву.

«Уфимский рабочий» в статье о росте РСДРП(б) по Уральскому округу писал в ноябре 1906 года:

«В настоящее время считаются достаточно окрепшими следующие организации округа: богословская, приуральская (рудники по реке Туре), режевская, михайловская, камышловская и сысертская. Всего же в округе считается до 20 организаций» [1].

Группа РСДРП(б), опиравшаяся главным образом на рабочих депо станции Камышлов и торгово-промышленных предприятий Щербакова, была достаточно сильна. Она сумела организовать забастовку протеста против начавшейся реакции. Эта забастовка — с 9 по 21 декабря 1905 года,— остановившая движение между Екатеринбургом и Тюменью, вызвала громкое судебное дело, которое разбиралось Казанской судебной палатой под председательством сенатора Кривцова. Кончилось дело крепостью для шестерых участников — организаторов забастовки.

Но работа РСДРП(б) продолжалась и после ареста привлеченных по делу забастовки.

Отражение революционных событий 1905 года в центре и на юге России пришло в Камышлов в виде безыменной могилы матросов с броненосца «Потемкин».

История этой могилы несложна, но очень показательна.

Осужденных матросов провозили в Сибирь. На станции Юшала, уже за Камышловом, семеро осужденных пытались бежать. Их поймали и расстреляли. Дальше началась обычная для самодержавия гнусность — «воздействие трупами». Расстрелянных привезли обратно в Камышлов и начали возню с похоронами.

В первую очередь вызвали деповских рабочих под предлогом «расковать мертвецов».

---

[1] «Уфимский рабочий», № 6 от 22/XI 1906 года.

Старик-слесарь Орефков Н. О. так рассказывал об этом:

— По пяти рублей с кандалов обещал начальник выдать. Только никто из наших не согласился. Один, смелый такой парень, и сказал: «С живых с превеликим удовольствием, без одной копейки, а с мертвых — ни за какие коврижки». — Как заорет начальник: «Я,— говорит,— покажу вам, как живых преступников царя-отечества расковывать! Сами, видно, туда же смотрите!» Ну, все-таки, сколько ни кричал, ничего от нас не добился. Притащили какого-то кузнеца из деревни. Тому, видно, все равно, лишь бы деньги взять. Расковал, а денег ему не выдали. Обман и тут вышел. Потом народ согнали опознавать покойников, подвели такой предлог, чтобы узнать, кто из русских, кто из другой нации. Одного признали евреем и передали его тело погребать местным евреям. Их пять-шесть семей в городе было. Остальные шесть трупов велели похоронить по церковному обряду на кладбище. Это недалеко от железнодорожного депо.

Сначала на могиле поставили большой деревянный крест, выкрашенный черной краской, но скоро убрали, так как на кресте стали появляться расклеенные прокламации. Но и после того как крест был убран, могила раскованных после смерти борцов за революцию служила своего рода местом смотра революционных сил города. Понадобилось даже выгородить ее из общей площади кладбища, чтобы «не слышали православные у святых родительских могилок неподобные речи».

Работа РСДРП(б), декабрьская забастовка железнодорожников, собрание около матросской могилы — все это не на шутку испугало мещанина и встревожило представителей крупной буржуазии.

Испугом обывателя воспользовались ловкачи из кадетской партии. Они сумели доказать даже самым тупоголовым мещанам, что главная опасность для них — это объединение рабочих под руководством социал-демократической партии, что ему надо противопоставить свой единый фронт, не растекаясь по разным архангельским, истинно-русским, двуглавым союзам[1] и прочей черносотен-

[1] Имеются в виду черносотенные организации, созданные царским правительством для расправы с революционным движением. В числе этих организаций были «Союз Михаила архангела», «Союз русского народа», общество «Двуглавый орел» и другие (*ред.*).

ной мелочи всевозможных оттенков. И мещанин это понял. С первых же выборов в Государственную думу он дружно действовал по кадетской указке. Обманный блеск слов «партия народной свободы» сбивал с пути и некоторых служащих, даже рабочих, из тех, кто недавно пришел в город и не осознал еще своих классовых интересов.

Этот в основном мещанский город оказался чуть ли не единственным в губернии, где кадеты на выборах в Учредительное собрание в 1918 году вышли на первое место.

Отмечая этот необычный случай, «Уральский рабочий» писал: «Успех кадетов объяснить можно их усиленной агитацией, на которую они не жалели ни средств, ни времени» [1].

Это, конечно, верно. Была и агитация, были и темные махинации с повестками, но не это одно привело кадетов на первое место.

Успех кадетов в Камышлове явился, во-первых, своего рода отдачей на то наступление, которое вел здесь численно незначительный, но уже крепко спаянный и достаточно дисциплинированный пролетариат.

Во-вторых, кадетское руководство здесь имело за плечами годы работы, давно подчинив себе мелкобуржуазные элементы города.

При таком положении естественно, что город совсем не видел грубых, примитивных выступлений черной сотни, зато крепкие руки, хотя и в мягких перчатках, здесь чувствовались очень сильно и орудовали по-шулерски ловко.

Но при всей быстроте и ловкости рук кадеты не могли, конечно, остановить рост революционного движения среди рабочих.

Заглушенное в годы реакции, оно после Ленского расстрела снова начало быстро развиваться. Только подпольные собрания велись теперь не так откровенно, как прежде — не у братской могилы матросов, а в здании депо и по закоулкам алафузовского завода...

В конце 1916 года в депо была уже довольно значительная группа «подходящих ребят», как их называет в своих воспоминаниях приехавший в то время из Калаты

---

[1] «Уральский рабочий», № 57, от 10/XII 1917 года.

слесарь Осипов В. П. (один из первых командиров отрядов Красной гвардии). К числу таких «подходящих» относились слесарь Жуков В. Д., токарь по металлу Лещев Д. И., Куткин Г. Е., Давыдов, Ф. Дышаев и другие. С этой группой революционно настроенных рабочих соприкасались приказчики Сысков Т. И., Федоров А. Е., которые уже в то время определились как большевики и поддерживали связь с областным комитетом РСДРП(б).

Подпорин П. Н. работал в то время в обувной мастерской Козырицкого и был связан с рабочими алафузовского завода. Там же работал Удников Н. А.

Все эти люди потом вошли в ячейку РСДРП(б) в Камышлове и принимали ближайшее участие в организации сначала отрядов Красной гвардии в городе, а затем боевых дружин из крестьянской бедноты уезда.

Большинство из названных имен крепко вошли в историю полка Красных Орлов и часто встречаются в воспоминаниях. Реже упоминается тов. Федоров и совсем не отмечается тов. Сысков. Между тем значение работы этих двоих огромно, и их фамилии должны быть занесены в первую очередь в историю полка.

Оба эти товарища работали по организации в городе крепкого большевистского ядра, которое в конечном счете явилось силой, обеспечившей правильную работу с деревенской беднотой и середняком. А это в свою очередь привело к тому, что в районе действия именно этой партийной организации смогли организоваться крепкие боевые единицы, которые известны в истории вооруженной борьбы пролетариата, и оформившаяся после революции партийная организация преимущественно из рабочих депо и алафузовского завода твердо сказала:

— Мы — большевики, социал-демократы... Нам надо крепко и просто. Не мудрить, а делать. Чуть только размусоливать начнем, сейчас же эти ловкачи [1] воспользуются и через кого-нибудь еще больше туману напустят.

Этот вывод о простой и крепкой работе и осуществлял уездный комитет партии, председателем которого был тов. Федоров А. Е., впоследствии политработник полка Красных Орлов.

Тов. Сысков Т. И. тоже был политработником и погиб во время режевского восстания мобилизованных.

[1] Речь идет о меньшевиках. *(Ред.)*.

А ВИНТОВКУ В СЕРЕДИНУ

В первые дни после Февральской революции Камышлов жил, вероятно, той же жизнью, что и тысячи подобных ему городков.

Были крепко спрессованные «общегражданские» собрания, пахнувшие потом и сверкавшие беспричинными улыбками.

Редко кто тогда имел навык связно говорить, но желающих высказываться было без конца. Говорили о чем кому вздумается... О революции и Государственной думе, о политической каторге и правительстве, о прогнившем царизме и Гришке Распутине, о борьбе с проституцией и бесхозяйственных дровах у мельницы.

Особенно истекал словами тот бесформенный слой населения, который спустя неделю стал называть и даже искренно считать себя «давнишними убежденными» эсерами, энэсами, трудовиками, христианскими социалистами и т. д.[1] Большинство этих мартовских революционеров еще не знало ни программ, ни лозунгов партии, но стихийно обнаруживало мечту о «спокойной революции».

Строгая жизнь, однако, сразу оборвала эту болтовню и телячий восторг. На следующих же собраниях начались схватки представителей основных борющихся групп: труда и капитала.

Боем удалось вырвать рабочим места в президиуме и обеспечить себе вхождение в состав Комитета общественной безопасности.

В работе комитета рабочие принимали деятельное участие лишь первые дни. Особенно энергично подошли к вопросу оружия. Разоружая царскую полицию, искали в то же время пулеметы, но безуспешно. Зато револьверов, правда, в большинстве невысокого качества, слесарь железнодорожного депо тов. Жуков, входивший в состав комитета общественной безопасности, переправил в депо сотни две. Ушли в том числе и те, что хранились как «вещественные доказательства» того или другого дела в прошлом.

---

[1] Сокращенные названия буржуазных партий — с.-р.— социалистов-революционеров, н. с.— народных социалистов, «трудовой группы» депутатов Государственной думы, состоявшей из мелкобуржуазных демократов народнического толка *(ред.)*.

Захватив оружие, рабочие перестали интересоваться «безопасным комитетом».

— Пусть выболтаются пока,— резюмировал Федоров.— Не до них теперь. Надо хорошенько организоваться, по-партийному. Разобраться в людях, чтобы крепко было.

В кинематографе «Чудо», который в захватном порядке стал штабом большевистской организации, кипела жизнь. Наряду с рабочими, сюда ходили и солдаты 157-го полка. Наиболее заметными из солдатской группы были тогда трое: Шашкин М. Е., из рабочих Ярославского завода, Садофьев Илья, рабочий-электрик, впоследствии один из первых пролетарских поэтов, и Егоров М. И., кажется, с Нового Лесснера[1]. Сюда же ходили прапорщики Виноградов А. Д. и Каханов. Все они работали в ротных комитетах, но большинство там, как и в полковом комитете, было тогда за эсерами. Революционная перестройка полка только в том выразилась, что вместо палача-полковника избрали командиром «более мягкого» капитана. «Мягкий» оказался ловкачом первой статьи. Он сумел поднять страсти около распределения сахара, порядка выдачи обмундирования и других хозяйственных вопросов, которыми почти полностью загрузил повестки собраний ротных комитетов. Шуму получилось немало, а дело по существу сводилось к перемене каптеров[2].

В уезде в изобилии появились «культурники чистого вида», которые занимали главным образом подростков, организуя чтения, драматические кружки. Наряду с этими культурниками, преимущественно из учителей и учительниц, появились «беспокойные люди», которые усиленно стали толковать о народном праве с коротким и простым выводом: «что захотим, то и сделаем». Особенно выделился из этой группы мельник Старовский (бывший поп). Он разъезжал по деревням, собирал сходы и неизменно кричал:«Чего смотрите? Теперь наши права, крестьянские, наша большина. Видишь, что неладное — прекращай без разговору. Никто нам не указ».

Такое расколыхивание деревни к действию сначала многим казалось революционным, но результаты скоро

[1] «Новый Лесснер» — название одного из крупных металлообрабатывающих заводов Петрограда. *(Ред.)*

[2] Видоизмененный в бытовой речи военный термин, каптенармус —заведующий хозяйством воинского подразделения. *(Ред.)*

показали, что поп орудовал с точным учетом состояния деревни того времени. Основная масса мужского рабочего возраста была на фронте, дома оставались лишь старики и подростки. Последние тогда еще вовсе не имели навыков общественной жизни. Забитые и неграмотные старики из бедноты и батраков не могли и не смели поставить основных вопросов о земле и хлебе и легко пошли на поводу у кулаков, которые повели по известной дорожке: «Мне дай, а с меня не бери». Появились общественные приговоры вроде следующих: «Разделить городскую лесную дачу на началах полной народной справедливости, то есть по числу душ постоянных городских жителей и всего крестьянства ближних обществ»; «прекратить жалованье учителям за летнее время, как они то время отдыхают, когда труженик-крестьянин потом исходит».

Постановлений об отбирании земли у «легостаев» и «лентяков», как обычно кулачье называло бедноту, не было лишь потому, что в деревне остро чувствовался недостаток рабочей силы. Зато очень много стало разговоров о «справедливых ценах» на хлеб и мясо, поставлявшихся для армии. Приводились подсчеты, из которых всегда выходило, что «справедливые» — это и есть те, по которым продают на базаре.

Зашевелился деревенский кооператор по организации Крестьянского союза, определенно противопоставляя его организации рабочих в городе.

— Там партии, Советы, комитеты, то да се, а у нас все крестьяне заодно, в один союз.

— Тогда уж цену настоящую положим за хлебушко,— откровенно мечтали кулаки, хотя кооператоры, конечно, старались эту широко раскрытую кулацкую пасть стыдливо прикрыть разговорами о справедливости, об общенародном благе.

В Екатеринбурге на 22—23 марта было созвано совещание крестьян пяти уездов: Екатеринбургского, Камышловского, Ирбитского, Верхотурского и Красноуфимского. Это совещание, созванное кооператорами, шло под эсеровским влиянием. Оно избрало временный областной комитет крестьянского союза.

Это свидетельствовало о том, что эсеры начали работу по вовлечению под свое влияние широких крестьянских масс.

На одном из собраний камышловской большевистской партийной организации по докладу о недавнем съезде кооператоров в Екатеринбурге вышла острая перепалка по вопросу о расширении и усилении массовой работы в деревне.

Наряду с такими мерами, как посылка агитаторов, проведение массовых собраний в деревне, было предложено организовать общий Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Это предложение вызвало разногласие.

— Недопустимо растворять рабочих в крестьянской стихии,— говорили одни.

— Нельзя оставлять крестьян без руководства рабочих,— возражали другие.

Кончилось тем, что большинство собраний твердо заявило: «Организуем тройственный» [1].

С этим на следующий день и пошли в полковой комитет, чтобы предварительно договориться на общем солдатском собрании.

И здесь было немало сомнений и споров. Эсеры говорили, что везде организация идет отдельно: рабочие и солдатские депутаты — это одно, а крестьянские — другое. Указывали на невозможность организовать правильное представительство в селах, где вовсе нет рабочих. Но большевики указывали на довольно многочисленных деревенских батраков и крестьян-бедняков.

Те из эсеров, которые отчетливо видели перспективу дальнейшей работы, оказывали сильное сопротивление. Но было среди примыкавших к эсерам того времени немало солдат, сбитых с толку эсеровской фразой. Эти солдаты теперь охотно поддерживали предложение большевиков об организации «тройственного» Совета.

— Так и следует! Рабочий, солдат и крестьянин вместе. Никакого крестьянского союза!

Тов. Сысков, съездивший в Екатеринбург за разъяснением, привез оттуда ответ: «Можно испытать, но надо быть особо бдительными».

Зато областной эсеровский центр определенно протестовал по своей линии и настрого предложил кооператорам-эсерам организовать Совет крестьянских депутатов отдельно.

---

[1] То есть Совет рабочих, солдат и крестьян. (*Ред.*)

Во время подготовки к первому съезду и во время самого съезда много волновался обыватель, добиваясь включения депутатов от «трудовой интеллигенции».

Когда прошел съезд и был выделен исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, решено было специально послать в Ленинград делегата справиться, как должен строиться Совет в условиях крестьянских уездов. Это было во второй половине апреля, когда буржуазные газеты захлебывались от бешеного лая по адресу приехавшего из эмиграции В. И. Ленина, когда «Правда» задерживалась и в пути и на месте.

Одновременно с организацией Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов значительно была усилена работа партии на местах.

Чуть не весь наличный состав был брошен в деревню, где производились осведомительные собрания, главным образом освещавшие необходимость совместной работы крестьян с рабочими. Попутно на этих деревенских собраниях проводились и выборы делегатов на I уездный съезд Советов.

В дальнейшем эта массовая работа даже вызывала в городе необходимость организации специального отдела агитации и пропаганды, работающего главным образом в деревне.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

В промозглой сырости, которая расползалась в пространстве, что раньше звалось парадным залом женской гимназии, едва различишь серые фигуры.

Ярко освещен лишь стол, за которым сидит президиум.

Седой клинышек бороды надоедливо мотается сбоку стола.

Клинышек принадлежит бывшему директору бывшей гимназии, докладывающему о былых новгородских делах. Докладчик как-то хочет связать пыльную старину с тем новым, чего ждут и хотят люди, собравшиеся в этой серой промозглости. Но ничего не выходит. Сильней зудят рослые «полковые» блохи и чаще сверкают огненные точки вонючих цигарок. Слышней ворчливые реплики:

— Ишь, прост, а ведь к тому выведет, чтоб войну продолжать.

— Без этого не могут, вон их сколько зацепилось в тылу-то. Никому неохота ехать, вот и придумывают, кого бы другого послать.

— Дураков не осталось. Пусть сами идут, как новгородцы-то эти.

После бывшего директора говорит хорошо одетый юноша. Командный голос и ласковые слова о солнце социализма, о братстве народов. Вывод, разумеется, тот же: надо защищать революцию, не дать затоптать ее немецким сапогам. Дальше кивок в сторону тех, кто «помогает немцам в нашей стране». Имена не называются, но всем ясно, что идет разговор о Ленине и большевиках.

Неожиданно из глубины зала к президиуму направляется фигура. В светлом круге около стола появляется высокий, черный, угрюмого вида солдат.

Не дожидаясь конца речи, быстро говорит:

— Письмо, товарищи... Дозвольте прочитать... Из Питера, от нашего же солдата... Садофьева Ильи... Во второй роте он... помните, недавно его от Совета послали...

В президиуме смятение. Пытаются остановить солдата... Говорят о порядке выступлений.

Юноша-оратор обижен, докладчик — бывший директор — накислился.

— Им о вече, о народном праве, а они поклоны читать будут. Вот и поговори с такими...

Но из зала дружно и настойчиво предлагают:

— Читай, читай. Подождет остальное-то... Потом договорят, если надо. Не к спеху ведь старые-то дела разбирать.

Читает солдат спотыкливо. Из президиума предлагают свои услуги, но он крепко держит письмо, как будто боится, что его вырвут.

Из зала одобрительно подсказывают:

— Сам читай... Разберешь помаленьку...

И тот разбирает... Доходит до заветных слов, которые должны встревожить собрание.

— Видел и слушал товарища Ленина...

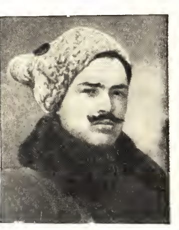
— Ну?— настороженно откликнулся зал, и сразу почувствовалось, что напряжение дошло до пределов.

— Он здесь устраивает Советы рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов.

Семья крестьян Анчуговых — отец и четверо его сыновей из села Верхтеченского, Шадринского уезда — добровольцы Красной Армии.

П. Н. Подпорин — первый командир полка Красных Орлов.

А. И. Кобяков — один из командиров полка Красных Орлов.

Последние слова сказаны с особой четкостью, но все же на них быстрый отклик.

— Как?

— Из батрацких депутатов,— повторил чтец.

— У нас, значит, правильно сделали,— делает кто-то вывод.

— Правильно, да не совсем,— отзывается другой и сейчас же поясняет.— Батраков-то деревенских забыли... а это самое и есть дело..

Люди от стола пытаются ослабить впечатление, начинают говорить об «измене», о германских деньгах, о пломбированном вагоне. Но из солдатской массы выходят один за другим и говорят свое:

— Как же это? На немецкие деньги, а батраков ко власти? Путанка тут выходит. Не верю, чтобы так-то было. Сплетня, видать, про вагон-то и прочее.

Другие определенно наступали.

— Кто вот из вас о батраках вспоминал? Мусолите тут о старинных дураках да будущих временах. А теперь-то что делать — об этом ни гу-гу...

— Вам сказки для малых ребят сказывать заместо старух, а он, Ленин-то, видишь, сразу за дело берется. Уж если батрака деревенского в Совет, так видно, что ему такие Советы нужны, в которых ни помещику, ни деревенскому богатею не бывать. Это и нам надо. Правильно, значит.

Выбежал к столу испитой, замызганный. Поспешно сбрасывает шинель и возбужденно кричит:

— За это за самое понимаю я товарища Ленина как правильного нашего вождя. Никому не поверю... ежели кто напротив скажет... Хоть бы и рабочий день... и фабрики чтобы под контроль... и земля трудящимся... Все это ведь надо взять... Взять надо... Не этими вон руками,— указал он на стол,— такое добывается. Тоже и про войну... Не написано там...

— Как не написано?— перебил читавший письмо.— У Ильи это очень даже хорошо рассказано.

— Так что же ты?

— Сам не даешь. Вишь, даже шинель снял, стараешься, а главного не дослушал, — улыбнулся чтец и снова принялся за письмо.

— Про войну товарищ Ленин сказал: «Большевики безусловно против империалистической войны вообще,

против всех буржуазных правительств, ведущих ее, против нашего Временного правительства в том числе, безусловно против «революционного» оборончества в России».

— Как это?

— А так вот, завоевывать нам другие страны не к чему — своей хватит... И оборонять своих буржуев тоже нет расчета. Пускай подыхают либо сами воюют, а мы не пойдем.

— Это вот да. Правильней не скажешь,— дружно откликнулся зал.

От стола истошный крик:

— Не допустим! Долой большевистских агитаторов!

Из зала встречный гул:

— Молчать... Сиди тихо, пока не выгнали. Пускай Шашкин все договорит.

Солдат, снявший шинель, закончил:

— Что же тут договаривать? Лучше не скажешь, как написано. Я вот тоже раньше батраком был, а потом на заводе работал. Вот и говорю — мне такое устройство нужно, чтобы вовсе хозяев не было. А насчет войны думаю: воюй, кому есть за что, а я не согласен. А за батрацких умру, ежели с хозяином воевать.

Отчаянные звонки и крик от стола прерывают оратора, и он, улыбаясь, жалуется:

— Вишь, рыпаются... За живое взяло.

В водворившейся на миг тишине черный солдат с письмом начинает неожиданно для всех разбирать.

— А еще был вопрос: полезно ли самоличное смещение начальства солдатами, так товарищ Ленин ответил: «Полезно и необходимо во всех отношениях».

— Вот мы и сметем сейчас,— откликнулись в группе, окружившей стол.

— Какой это комитет, который нам сказки рассказывает? Предлагаю переизбрать,— обращается один из подошедших к столу солдат.

Из зала начинают предлагать кандидатов в полковой комитет. Бывший директор уже успел слинять, исчез куда-то и хорошо одетый юноша.

К столу подходят и уверенно садятся другие люди. Из коридора поспешно вбежал в сопровождении группы «надежных» командир полка, но он уже запоздал. Во главе полкового комитета встали Егоров М. И., Шашкин М. Е. и читавший письмо. Все большевики.

ФРОНТОВИКИ ПРИШЛИ

После бурных июльских дней, очистивших партийную организацию от колеблющегося и недостаточно стойкого элемента, наступило некоторое затишье. Эсеры и меньшевики усиленно налегали на отправку маршевых рот на фронт, а большевики старались усилить и закрепить связь с основными революционными центрами: Каменским и Талицким заводами.

Значительно уменьшившаяся в числе большевистская партийная организация сумела в августе неплохо провести первые выборы в городскую управу и фактически захватила этот участок в свои руки, хотя большинство думского собрания составляли эсеры и кадеты.

В уездном земстве положение было иное. Рабочий орган — управа — был преимущественно из эсеров, но созыв уездных собраний был в руках большевиков. На одном из собраний, проходившем параллельно с уездным съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, удалось добиться постановления, чтобы съезды и совещания собирались председателем исполкома Совдепа «во избежание неурядицы с посылкой делегатов, из которых многие были одновременно членами Совета и гласными уездного земства».

Такое положение в известной мере развязывало руки большевикам, позволяя изолировать уездную управу от основной крестьянской массы, шедшей в то время в большинстве за эсерами.

Из железнодорожных рабочих стали организовываться вооруженные отряды под предлогом охраны железнодорожных сооружений. Частично они стали употребляться на «мелкие караулы, чтобы не перегружать нарядами армейские части».

Была проведена проверка действием влияния городской партийной организации на массы — забастовка 1 сентября. Эта однодневная забастовка проходила тогда под лозунгами: «Скорейшее окончание войны, передача власти в руки Советов, немедленная отмена смертной казни, арест всех явных контрреволюционеров, немедленное учреждение революционного контроля над торговлей и промышленностью». Забастовка, разумеется, встретила противодействие со стороны кадетских и земско-эсеровских групп, но была дружно поддержана рабочими желез-

ной дороги, кожевенного завода и сельскохозяйственных мастерских. Среди солдат забастовка тоже имела полную поддержку. Первая телеграмма о захвате власти была получена ночью в городской управе. Той же ночью было проведено партийное собрание в кинематографе «Чудо», и на следующий день телеграмма обсуждалась на широком собрании рабочих и солдат гарнизона. Возражений против перехода власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не было, но чувствовалась какая-то растерянность и неопределенность,— что же все-таки делать с существовавшими учреждениями, как земство и городская управа. По уезду были направлены агитаторы со специальным заданием — провести подготовку по селам и деревням.

Довольно легко оказалось перестроить городскую управу, устранив из думского собрания кадетов и заменив их избранными от предприятий рабочими. Но с уездом было плохо. Земская управа под шумок привела в действие свой аппарат, и из волостей, особенно восточной части уезда, начали поступать требования о созыве чрезвычайного уездного земского собрания. Особо здесь, как оказалось, постаралась инструкторская коллегия Уральского союза потребительских обществ, где тогда засела довольно сильная и активная группа контрреволюционно настроенных кооператоров.

В связи с тем противодействием, которое оказывал не сломанный еще аппарат старой государственной машины, информацию из областного центра приходилось добывать «оказией», то есть поездкой туда отдельных товарищей. Но и там не было четкости. Больше всего путал так называемый революционный комитет, назначение которого было неясно. Организовали все-таки такой же комитет в Камышлове и дали ему задание... бороться с мешочниками. Как работал этот не нужный никому комитет и когда он совсем отжил, так и забылось.

Положение усложнялось обилием всякого рода провокационных телеграмм и истерических воплей — воззваний комитетов: «Спасения Родины и революции», «Защиты Учредительного собрания», «Общеармейского комитета» и других новоявленных организаций. Правда, эта истерика твердо задерживалась председателем горсовета тов. Сысковым, но какая-то ее часть проскальзывала в город и уезд, будоражила массы.

В этом тумане получилось много несуразного со структурой власти.

Уездного комиссара Временного правительства убрали сейчас же, но рядом с Советом, даже в одном с ним здании, продолжала существовать земская управа, ставшая центром организации контрреволюционных сил.

Ко времени созыва уездного съезда Советов в город приехали и те гласные земского собрания, которые не были членами Совета. Конфликт был разрешен организацией какого-то информационно-осведомительного бюро, в состав которого вошли семь человек от Совета, три — от земского собрания и два — от горсовета.

Земцы выдвигали этот забавный орган на роль центра власти в городе и уезде, но когда определился его состав — девять большевиков и три эсера,— то это желание заглохло. После избрания бюро большевики определили назначение этого органа следующим образом: контролировать действия управы, пока окончательно не определилось ее положение.

Родился этот уродец 22 декабря 1917 года и умер как-то совсем незаметно.

Положение в селе к этому времени стало заметно изменяться. В деревнях начали появляться фронтовики.

Были среди них и такие, которые, придя домой, сразу впивались в свое разрушенное хозяйство, но большинство видело гораздо дальше. Им на фронте успели открыть глаза, и, вернувшись в свои деревни, они принимались в первую очередь за переустройство власти. Там, где были два-три таких фронтовика, положение в деревне быстро менялось. Старики из бедноты, а вместе с ними и бедняцкая молодежь чувствовали опору в пришедших и смелей начинали ставить волновавшие всех вопросы о войне, о продовольствии, о власти.

Многие из фронтовиков предварительно заходили в уездный город и первым делом спрашивали:

— Где тут комитет большевиков?

Обтрепанные, замызганные шинели окопников стали обычным явлением не только на партийных собраниях в кинематографе «Чудо», но и на широких крестьянских.

Таких партийно определившихся на фронте, прошедших практическую подготовку в комитетах войсковых

частей, участников разных съездов и политических выступлений шло тогда в деревню много. Некоторые из них принимали непосредственное участие в борьбе за власть, иные прошли краткосрочную политическую учебу.

Получая инструкции в областном, уездном или заводском партийных комитетах, эти возвращавшиеся с фронта большевики, активизировали деревенскую бедноту; в отдельных случаях фронтовикам приходилось начинать заново партийную работу в селах и деревнях.

Вот короткое сообщение из деревни Малопульниковой:

«Со времени возникновения (апрель месяц) местной коммунистической ячейки, состоящей главным образом из прибывших со службы солдат, взгляд на большевиков значительно изменился.

Коммунистическая ячейка начала энергичную борьбу, обложив местных кулаков единовременным налогом, и взяла в свои руки инициативу объединения сельского пролетариата (батраков)».

Там, где деревенские ячейки уже были, приход большевиков-фронтовиков значительно усилил и укрепил эти ячейки не только количественно, но и организационно. Фронтовики сейчас же поставили перед ячейками ряд практических боевых задач и установили постоянную связь с ближайшими партийными центрами.

Тов. Лескин, например, так рассказывает о работе по возвращении в свою (Ново-Пышминскую) волость:

«В Камышлове, в партийном комитете, мне сказали: — В первую очередь захватить власть, отстранив эсеровско-земское руководство.— На вопрос, с чего начинать, ответили: — Сам увидишь. Большевики там есть, с ними и договоришься».

Тов. Лескин не был новичком в революции. Он уже сидел на фронте в Минской военной тюрьме, был членом дивизионного комитета, участвовал в Ромашевском отряде Красной гвардии, работал по установлению Советской власти в бывшем Игумновском уезде [1], но все же задача захвата власти в Ново-Пышминском волостном пункте оказалась нелегкой. Большевики здесь были, но они не имели должного влияния на массы, и в руководстве во-

[1] Пос. Ромашково близ Кунцево под Москвой; Игумновский уезд, Московской губернии. (*Ред.*)

лости сидели эсеры, которые, прикрываясь революционными фразами, проводили кулацкую политику.

На собрании ячейки и было постановлено первым делом ввести большевиков под флагом представительства от демобилизованных в волостное земство и усилить практическую работу, которая бы привлекла широкие бедняцкие массы. Одновременно начали развертывать партийную работу по деревням.

В тех волостях, где к приходу большевиков с фронта имелись уже крепкие партийные ячейки, опиравшиеся на батраков и бедноту, влияние прибывших фронтовиков неизменно сказывалось в том, что сейчас же усиливалось наступление на кулака. Так, в Ильинской волости с приходом фронтовиков было вынесено постановление:

«Видя упорное сопротивление отдельных членов Совета постановлению общего собрания о налоге, обложить этих членов Совета контрибуцией» («Известия» Совдепа, № 83 от 30/V).

В других местах были случаи ареста комиссий по распределению налога.

Но главное, с приходом фронтовиков везде усилилась борьба за классовое проведение хлебозаготовок. Это не только давало возможность вывезти из уезда значительное количество хлебных излишков, задерживавшихся кулаками, но и укрепило положение деревенских ячеек, организовав вокруг них батраков и деревенскую бедноту.

Опираясь на рабочие центры, с помощью фронтовиков-большевиков в деревне, партийная организация сумела в феврале окончательно ликвидировать обломки земства в городе и уезде.

В марте стало известно, что в Камышлов едет на расформирование VI Сибирский корпус.

Эта новость вначале встревожила: корпус представлялся в виде тех беспорядочных эшелонов, которые ежедневно проходили в Сибирь. В действительности тревога оказалась напрасной. Никакого корпуса по существу тогда уже не было. В город приехала лишь его революционная головка, прибыла часть военного имущества и снаряжения.

При ближайшем ознакомлении оказалось, что в лице этой военной группы камышловская партийная организация получала крепкую поддержку. Военная группа четко ставила вопросы, имела военно-организационные навыки.

Расплывчатый тон всевозможных распоряжений с марта сменился стилем военного приказа.

Другой заслугой военной группы большевиков, особенно тов. Васильева М. В., было внимание к инвалидам империалистической войны.

Инвалиды, которых во многих местах, как известно, использовали контрреволюционеры, здесь, получив поддержку и почувствовав заботу Советской власти, в подавляющем большинстве стали сторонниками этой власти. Многие, не потерявшие боеспособности, влились потом в ряды Красной Армии и участвовали в боях.

Был разбит и вредный взгляд на военспецов. Несмотря на целый ряд директив и разъяснений, военспецов огулом считали активными контрреволюционерами и определенно отстраняли их от работы.

Здесь был сначала прямой бой с «левым» загибом.

— Ведь вот мы тоже, между прочим, военспецы,— говорил тов. Васильев.— А нам верят, в партии мы... Как же так?

— Вы — другое дело... Проверены революцией,— отвечали спецееды.

— Вот и нам надо проверять. Смотреть в оба, а к делу допускать по-настоящему. Почему, между прочим, думаешь, что какой-нибудь фельдфебель из крестьян, выслужившийся в прапорщики, не будет нам служить по совести? Не все, между прочим, на одну колодку. А смотреть надо. Об этом никто не спорит. Они, между прочим, наполовину слепые. Ты и покажи им дорогу. Увидишь измену — тогда другое. К стенке поставить недолго. Только сперва испытать. Знания военные нам, между прочим, очень нужны.

Крестьянин Псковской губернии тов. Васильев прошел тяжелую школу жизни. Был рабочим на судостроительном заводе, потом отметчиком, урывками получал образование. Дальше работал на Русско-Балтийском вагоностроительном заводе. Во время отбывания военной службы находился в учебной команде. С начала империалистической войны был призван из запаса и в 1915 году командирован в школу прапорщиков. По окончании школы командовал ротой в 53-ем Сибирском стрелковом полку.

В партии до революции не состоял, но был близок к партийным группам, работая членом больничной кассы Русско-Балтийского завода. Естественно поэтому, что с

начала Февральской революции он включился в активную революционную работу. Как человека прямого и твердого, его быстро заметили. Работая председателем полкового комитета, он был арестован кадровиками-офицерами, но по настоянию солдат освобожден. В мае 1917 года — новый арест за протест против объявленного Керенским наступления и призыв к гражданской войне. Полк освободил его и на этот раз. Во время Октябрьской революции тов. Васильев был председателем Военно-Революционного комитета 53-го стрелкового полка и потом на корпусном съезде заочно был избран командиром корпуса. Это заочное избрание, конечно,— показатель большой популярности, если припомнить, что VI Сибирский корпус, куда, кроме 14, 18 и 136-й дивизий, входила еще 5-я кавалерийская, представлял огромную махину, раскинутую на значительной территории.

Понятно, что человек, прошедший такой революционный путь, был находкой для Камышлова и с первых же дней стал работать военным комиссаром.

Как партиец-рабочий, тов. Васильев прекрасно понимал ведущую силу партии. У него не было той военной ограниченности, которая тогда довольно сильно была заметна у других военных работников. Это помогло поставить военную работу на правильные рельсы.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ДИКТАТУРА

— Петр Лазаревич Войков [1],— назвал председатель Совета вновь прибывшего из области товарища,— приехал к нам по самому трудному делу — по хлебу...

С первого взгляда приехавший кажется мало подходящим для такого дела. Отложной широкий воротник рубахи, чулки вместо сапог и весь аккуратный вид так не похожи на общую для того времени засаленную, обмызганную смесь военно-штатской одежды советского работника, что невольно думается: как он в таком виде с крестьянами разговаривать будет.

Но стоило ему заговорить, и первое впечатление сразу сгасло. Почувствовалась большая внутренняя сила этого

[1] Комиссар снабжения армии, впоследствии полномочный представитель СССР в Польше, убит 7 июля 1927 года белогвардейцем Ковердой на Варшавском вокзале.

молодого еще тогда человека, четкость мыслей и отчетливое знание дела.

— Вы, товарищи, тут под боком проглядели черное гнездо. По волостям у вас там и здесь выносят контрреволюционные постановления и все на один образец, даже слова одинаковые. Есть, значит, где-то центр, который заправляет делом. Где он? Думали об этом?

Потом, выждав момент, спросил:

— Какой у вас состав инструкторской коллегии Уральского союза потребительских обществ?

В ответ вяло начали припоминать фамилии, но Войков сам быстро подбил итог.

— Итак, три бывших попа, один председатель земской управы, остальные неопределенного вида кооператоры, а заправляет всей этой публикой кадет, умеющий орудовать фиговым листочком. Помните ведь, с кем он шел в Думу.

Получился большой конфуз для исполкома, действительно просмотревшего этот участок.

Положение с хлебом было тогда исключительно тяжелое. Декрет о продовольственной диктатуре не вошел еще полностью в жизнь. Настроение в деревнях было пестрое. Там, где беднота сумела крепко организоваться и вооружиться, нажим на кулака был достаточно силен и хлебные излишки сдавались. Но такие села и волости считались единицами, да они к тому же не имели больших излишков. В хлебных волостях положение было иное. Оттуда прежде всего шел вой: «Хлеба нет, чем сеять станем?» А когда уличали, что это неправда, начинались разговоры: «Может, и есть у кого, только как он повезет, коли ни ситца, ни железа не дают».

Эта товарообменная установка имела своих сторонников и в уездном Совдепе, особенно в отделах продовольствия и земледелия, где все еще держались эсеры, хоть и левые.

Разбить эту установку, дать хлебосдаче широкий размах и прибыл товарищ Войков. И надо сказать, он сделал это необычайно быстро и ловко, показав большевистский стиль работы.

Его «некрестьянский вид» не помешал ему сделать довольно широкий объезд уезда, преимущественно восточной части. Жуков и другие товарищи, ездившие с ним по уезду, качались от усталости и походя засыпали, а он, все

такой же подобранный, делал доклад на собранном за эти дни уездном съезде Советов.

Сначала это была агитация, описание тяжелого продовольственного положения городов и рабочих поселков. Потом, когда с места затянули обычную голосянку: «Хлеба нет, как его достанешь, если не дать мануфактуры», тов. Войков резко изменил позицию. Целым рядом фактов он доказал, что хлеб злостно задерживается, что добыть его по вольным ценам можно в огромном количестве. Поэтому надо подходить к хлебодержателям не с разговорами, а с твердым требованием по декрету от 13 мая[1].

— Не для того объявлена продовольственная диктатура, чтобы ее обсуждать. Надо ее осуществлять. Только тот, кто это понимает полностью и без оговорок — советский гражданин. Все остальные — враги или их прислужники.

Такая постановка вопроса резко расколола крестьянскую часть съезда. Левые эсеры по обычаю начали было сглаживать острые углы, доказывая, что хлебная диктатура должна применяться со всей беспощадностью, но...

Общий вывод из этих выступлений сделал Жуков, закончивший свой рассказ о поездке предложением:

— Надо действовать без левоэсеровского ноканья, а с обыкновенной трехлинейной винтовкой.

Крепко поддерживали рабочих делегаты Каменского, Талицкого заводов и северо-западных волостей: Знаменской, Ирбитско-Вершинской, Кочневской и Квашнинской.

Делегаты хлебных волостей продолжали доказывать, что хлеба недостаточно, что может не хватить на семена и продовольствие внутри волости. Но уж тон значительно понизили. Некоторые называли даже какую-нибудь пустяковую цифру хлеба, которую можно заготовить в волости. Только делегаты 4 волостей решили «воздержаться» от голосования по внесенной тов. Войковым резолюции, которая сформулирована была не особенно длинно, но вполне решительно:

«Советы на местах приступают немедленно к учету всего имеющегося хлеба и к подвозу его на ссыпные пункты. Не исполнившие это постановление Советы предаются

---

[1] Декрет о централизацни всего дела снабжеиия в органах народиого комиссариата продовольствня *(ред.)*.

военно-революционному суду. Лица, зарывающие или уничтожающие свой хлеб, расстреливаются на месте, весь запас хлеба у них отбирается бесплатно. Всякий, кто продает хлеб выше твердой цены, предается революционному суду с заключением в тюрьму на срок не менее одного года. Хлеб у него отбирается бесплатно. Постановление это вводится немедленно». (Из протокола съезда от 26 мая 1918 года).

Тогда же было вынесено и другое постановление:

«Оружие выдавать только истинно коммунистическим Советам, за которые поручится Камышловская партийная организация» (из того же протокола).

Об инструкторской коллегии, которая исподтишка орудовала против хлебосдачи, было опубликовано в газете:

«Областной комиссар снабжения тов. Войков, признавая деятельность камышловского отделения Уральского союза потребительских обществ идущей в разрез с постановлениями Советской власти как в политическом, так и в экономическом отношении, постановил: распустить инструкторскую коллегию камышловского отделения. Все инструктора в составе 10 человек обязаны в трехдневный срок выехать из Камышлова («Известия» Совдепа, № 84, 31/V 1918 года).

Этот «войковский съезд», как его называли в Камышлове, был переломным моментом в борьбе за хлеб.

Если до того деревенская беднота налагала на местах контрибуции, то там дело шло только о малоценных уже в то время денежных знаках. Теперь бедноте приходилось подходить к самому чувствительному месту — к хлебному амбару. Вопрос об оружии встал во весь рост, а с ним и другой — кому его давать. Необходимость четкого классового расслоения вытекала отсюда со всей своей неизбежностью.

Организация деревенской бедноты для содействия продовольственным органам в изъятии хлебных излишков и правильного распределения хлеба на местах и была конечным результатом съезда.

Соглашательские разговоры левых эсеров, открытое и скрытое противодействие отдельных делегатов были сигналом, что с составом Советов на местах далеко не благополучно. Поэтому решено было провести подготовку и в ближайшее время созвать новый съезд для переизбрания уездного исполкома.

КЛЯТВЕННЫЙ СЪЕЗД

Этот съезд подготовлялся старательнее, чем предыдущие. Из города, наряду с агитаторами, были направлены в восточную часть уезда отряды тт. Жукова и Подпорина для усиления хлебозаготовок и, конечно, для проверки и исправления классового состава сельсоветов. Западная часть еще на предыдущем съезде была выделена в самостоятельный район и подчинена Каменскому заводу. Оттуда же направлены были работники и рабочие отряды в волости, смежные с башкирскими землями, где наиболее сильно чувствовалась кулацкая рука. Катайская волость и северо-западная часть уезда считались уже тогда достаточно укрепленными, и там подготовка велась исключительно местными работниками. Усиленно работали и левые эсеры. Они хотели добиться переизбрания исполкома, из которого уже к этому времени были почти вытеснены.

Норма представительства была определена от 1 до 3 делегатов в зависимости от разряда волости и по одному представителю от фабрично-заводских комитетов, а где их нет — от делового совета, причем в таблицу разрядов волостей были внесены поправки «не столько по населенности, сколько по хлебосдаче, как главному признаку настоящей советской волости».

Съехались 131 делегат. Из них 77 коммунистов, 42 левых эсера, 1 анархист. Остальные 11 назвались беспартийными, но их «беспартийность» была вскоре обнаружена. На другой день съезда перед входом в зал делегатам предлагался листочек, на котором значилось:

«Я, член камышловского уездного съезда Советов (от такой-то волости или предприятия, такой-то), даю настоящую подписку в том, что я, как представитель беднейшего крестьянства и пролетариата Всероссийской советской федеративной республики, отдаю все свои силы, труды, имущество и знания на защиту революции от всех контрреволюционных попыток и сил, стремящихся низвергнуть ее и ослабить Советскую власть как извне, так и внутри, и обязуюсь по первому зову советских организаций встать для вооруженного сопротивления врагам пролетариата и беднейшего крестьянства. В случае невыполнения данной подписки я объявляюсь вне закона» [1].

[1] Цитаты в этой главе взяты из «Известий» Совдепа, № 102—104 от 22/VI 1918 года.

Подпишешь листочек — проходи, не подпишешь — нет тебе места на съезде.

Одиннадцать делегатов не решились перешагнуть этот порог, и председатель, открывая заседание, отметил под общие аплодисменты:

— Мы уже одержали одну победу на внутреннем фронте,— выгнали отсюда кулаков и заказали им путь на будущее время. И тут же предупредил: «Подписками нас тоже не проведешь. Мы настороже, смотрим по делам».

Под знаком классового размежевания и шел весь этот съезд. В выступлениях говорилось: «Уезд зажиточный. Северо-западная и западная части более бедны, но восточная и юго-восточная, где есть наделы до 20 десятин,— кулацкие. Беднота там зажата, середняк несознательно идет за кулаком».

«Кулаки боятся уравнения земли в пользу других волостей».

«Путем подпольной агитации объединили Тамакульскую и Зырянскую волости и послали делегатов к чехам, зовут их к себе».

По отчету исполкома ему ставилось в вину, что он не делал различия между беднейшими и кулацкими волостями (в области просвещения, здравоохранения и пр.), и рекомендовалось:

«В будущей деятельности необходимо изолировать эти саботирующие кулацкие волости... Нужно сломить их упорство, вскрыть этот кулацкий гнойник. В тысячу раз хуже промедление, шатание, неуверенность. Мы даем кулакам организоваться, а когда они сорганизуются, то окажут еще более сильное сопротивление».

Под этим же углом был поставлен и вопрос о распределении присланной в уезд мануфактуры, железа, соли.

«Мы должны дать все это только бедноте. Мы будем распределять через Советы, где они составлены из бедноты, через потребиловки под контролем партии, через особых инструкторов с вооруженной силой».

«Снабдить сейчас же мануфактурой те волости, которые, не имея своих излишков, помогут бедноте соседних кулацких волостей произвести конфискацию хлеба у кулаков. Кулакам и саботажникам ни одного аршина, ни одного фунта...»

Левые эсеры пытались свести вопросы классовой борь-

бы к критике отдельных неудачных распоряжений работников исполкома, но таким выступлениям сразу был дан резкий отпор.

Эсеры, как водится, «обиделись» и отказались совсем от участия в работе исполкома.

— Коза с воза — возу легче,— комментировал это Подпорин, вызвав беглый смех за столом президиума, где остались только большевики. В новый состав исполкома вошли только члены Коммунистической партии, в президиум было выделено четверо товарищей, прошедших военную школу.

Избрание в головку исполкома военных людей было вполне понятно: очень сильно чувствовалось приближение гражданской войны. Об этом говорил не только давно открывшийся фронт против Дутова, куда ушла часть рабочих депо и Каменского завода, но и вспыхивавшие в разных концах области кулацкие и офицерские восстания.

Председателем был избран Васильев М. В. Он и был основным руководителем формирующихся частей, а потом начдивом 29-й Уральской дивизии.

Товарищем председателя был избран Брюханов Н. Н. из крестьян Знаменской волости, где он был председателем Волсовета. На Брюханова только что было покушение со стороны озлобленных конфискацией хлеба кулаков. В избу была брошена бомба, взрывом которой тов. Брюханов был оглушен, а жена и дети сильно ранены. Впоследствии он был комбатом и потом командиром Камышловского полка.

Второй товарищ председателя Хорьков Василий Николаевич, по внешности очень скромный и малоразговорчивый человек, был тоже крепкой классовой закалки. Крестьянин Ирбитско-Вершинской волости, он смолоду работал на заводе. Семена большевизма, посеянные в армии, легли здесь на подготовленную почву и дали несгибаемого борца.

Запомнился случай. Ночное дежурство в исполкоме. Прибежали трое из Шадринска, через Тамакул. Обвешаны оружием до отказа, но вид — до крайности уставших людей. Рассказали о сдаче города и сейчас же поставили вопрос: «У вас как?».

Василий Николаевич спокойно ответил: — Завтра узнаешь, а пока складывай бомбы, снимай оружие и давай документы.— В ответ на протесты и уговоры вынул ре-

вольвер и пояснил: — Положение военное, разговоров не полагается.— Когда беглецы разоружились и положили на стол документы, тов. Хорьков отвел их вниз, запер в приспособленной для такого случая комнате и поставил караул. Возвратившись, он сказал:— Я бы таких расстреливал без всякой жалости. Самый вредный народишко! Сто верст продрали, сколько лишнего разговору по деревням из-за них пойдет.— Внимательно просмотрел документы: — Двое левых эсеров, а у этого ничего нет — беспартийный. Его еще можно оставить, а тех двоих обязательно в расход. Так завтра и буду говорить. Какие это союзники! Это враги, которым мы зачем-то оружие даем. Вон сколько на себе таскают, а для чего?

Сам Хорьков оружия много не носил, но умел им работать. Когда наши части отступали от Егоршино, он, тогда комиссар снабжения воинских частей, орудуя своим «Кольтом» и ручной гранатой, сумел еще вырвать у покровских кулаков эшелон хлеба. Погрузить второй не удалось. Кулаки, пользуясь прикрытием хлебных кладей, издали расстреляли Хорькова и долго потом издевались над трупом ненавистного им комиссара.

ЗАКОВАННЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Воз был запакован старательно, но в деревне уже многие знали, что́ везет председатель Ново-Пышминского волсовета тов. Лескин.

Бедняцкая молодежь деревни Спасской не удержалась, проговорилась на одном из волостных собраний.

— Погоди вот, добудем оружие — по-другому поговорим с вашим братом, которые хлеб прячут и от налогов лытают.

— Вот, граждане, слыхали, как люди похваляются. Оборужиться собрались. Мыслимое это дело в крестьянстве один против другого пойдет? — подхватили было кулацкие подголоски. Но успокоил какой-то старик:

— Кто-то им даст. До солдатчины еще не дошли, а тоже — оружие. В бабки им играть, а не про это разговаривать.

Но все-таки с той поры на «спасских ребят» стали смотреть с опаской.

— Кто их знает, может, и не зря похвалялись. Вон и в волости пошло не так, как раньше. Управу сместили,

Артиллерийская батарея полка Красных Орлов.

Командиый состав батальоиа китайских добровольцев, действовавшего совместио с полком Красных Орлов в нернод боев за Кушву.

фронтовиков поставили — Совет называют. Что-то он, Совет этот, круто берется за богатых. Через коленку переломить желает, а не так, чтобы добром человека усовестить.

Такие разговоры шли в середняцких семьях. Кулак, конечно, лучше понимал обстановку и старался использовать политическую слепоту деревни. Он усиленно подзуживал:

— Вот дождемся. Придут к тебе с винтовками и отберут, что вздумается. Всех и выровняют — не то что без хлеба, без штанов оставят. Допусти только. Вон он, Лескин-то Володька, что поговаривает: «Вези, говорит, хлеба сто пудов по твердой цене». Без этого, дескать, рабочие не могут прожить. А того не скажет, за что я их кормить должен? Что они мне дают? Нет, вот пусть привезут железка, да ситчиков, да других разных товаров, тогда с нашим удовольствием хоть двести пудов получи — не жалко. Хозяин ведь я хлебу-то, хочу — продам, хочу — нет.— На слабый протест середняка: «Война ведь, разор всем вышел. Надо в положение входить»,— кулак неизменно отвечал:—Разор, не спорю. Потому и надо работать, чтобы из-под ногтя кровь пошла, а не так, чтобы с ружьем хлеб отбирать. Это куда годится? Сегодня ко мне придут, завтра к тебе. Отберут до зерна, а дальше как? Чем сеять будем, чем питаться? — И, видя, что его слова оказывают действие, шептал: — За Лескиным-то посматривать надо. Он, верно говорят, в город собирался за оружием. Привезет, так отобрать надо, а то весь хлеб отберут, да увезут, а нас голодом оставят.

Кулацкая агитация действовала, и за Лескиным следили сотни глаз. Со сдачей хлеба стало совсем туго. На все призывы Совета слышался ответ: «Хлеба нет, самим не хватит обсеяться».

Для волсовета и партийной ячейки стало ясно — без оружия и решительных мер не сломить сопротивления кулака, и Лескин поехал в город.

Вернулся он на другой день вечером, заехав сначала в деревню Спасскую. Там уж его ждали, и он из тридцати привезенных винтовок половину роздал в этой деревне, где была наиболее сильная ячейка, главным образом из бедняцкой молодежи.

Когда Лескин приехал в Ново-Пышминское, там уже точно знали, сколько привезено винтовок и кому они роз-

даны в Спасской, но внешне все казалось спокойно. Беспрепятственно Лескин заехал в широкий пустой двор волсовета и выгрузил оставшиеся винтовки и патроны. Пять винтовок он роздал членам Ново-Пышминской ячейки, поговорил о делах и вскоре ушел спать. Между тем кулаки под руководством Колегова усиленно работали.

По всем деревням волости были разосланы кулацкие посланцы с призывом отобрать у волсовета оружие и судить председателя.

В деревне Спасской как раз большинство молодежи, получившей винтовки, было в тот вечер на партийном собрании в школе. Местные кулаки этим воспользовались и пошли по домам искать винтовки. Когда захватили несколько штук, то приперли выходы из школы бревнами, поставили людей с ружьями против окон и объявили ячейку арестованной.

Феклушин Сергей, потом убитый в бою под Ирбитскими Вершинами, один только не был на этом собрании и смог скрыться. Сначала бросился за поддержкой в Ново-Пышминское, но там оказалось не лучше, чем в Спасской. Тогда он метнулся на ближайшую станцию Богданович, чтобы оттуда добраться до Камышлова.

Между тем в Ново-Пышминское уже пробралось много приезжих деревенских кулаков. Одиннадцать человек — четверо с винтовками, остальные со стягами [1] — вели председателя волсовета «на суд». Захватили его сонного.

Перед волсоветом густая толпа народа. Седобородый Лев Колегов даже трясется от злости.

— Вот он где, вредный человечишко! Что на него смотреть? Бей!

Но в толпе, где немало середняков,— колебание:

— Разобрать, поди, надо.

— Чего тут разбирать, коли он винтовки привез? На кого эти винтовки? На тебя ведь! А ты — разобрать!

— Вот и пусть скажет, зачем оружие привез. Тогда и решим.

— Мусоль языком-то! Убить сукина сына, и дело с концом! Высокий голос Гани-сапожника покрывает все другие:

---

[1] Стяги — жерди, с помощью которых стягивают воз сена, длинные палки.

— Приговором надо. Кто решает убить, пусть подпишутся, чтобы другим за него не пострадать.

Начинается спор. Эти слова сапожника напоминали середнякам об ответственности, и они более настойчиво стали говорить о необходимости «разобрать дело», «оставить до утра».

— Он у тебя к утру-то сбежит, пожалуй.

— Зачем сбежит — стражу поставим.

— Заковать надо,— предлагает один из кулаков и напоминает: — в Совете-то у них кандалы на стенке висят. Вот его и заковать. В самый раз пригодятся.

Кто-то услужливый быстро побежал в волсовет и притащил кандалы, которые висели как памятка о прошлом режиме. Деревенский кузнец Степан Тимухин долго возится с непривычной работой, но заковывает «на-совесть», так, что следы остаются на руках и ногах на десяток лет.

Закованного председателя уводят в кутузку, а толпа продолжает шуметь. Из деревни все прибывают и прибывают. Струя сомнения — ладно ли это — становится сильнее, но кулаки, завладевши оружием, начинают уж грозить. Всё-таки мнение «обсудить дело» преобладает. Выбрали даже «председателя всенародного суда» — Даровских. Майская ночь (дело было 9 мая) не особенно длинна, и толпа шумела до рассвета. Вдруг крикнули:

— Из города приехали. Отряд!

Вдали за поскотиной двигались цепью какие-то люди.

Кулачье с винтовками пыталось ободрить толпу: «Пусть попробуют, сдачи получат...» Но большинство стало разбегаться по домам.

Откуда-то прилетел тревожный слух: «С пулеметом». И площадь после этого быстро опустела.

Сунувшиеся наутек по другим деревням быстро вернулись и стали прятаться по огородам и гумнам Ново-Пышминского, так как большинство дворов уж оказалось крепко запертыми.

Феклушин хорошо сделал свое дело. На станции Богданович он встретил вооруженный отряд и рассказал о событии. Отряд быстро направился в Ново-Пышминское, а Феклушину предложили ехать все-таки в Камышлов и то же сообщить там. Из железнодорожного депо направился второй отряд с пулеметом, человек в тридцать. Численность обоих отрядов была незначительной, но они

явились вовремя, когда еще кулаки не сумели подчинить своему влиянию колеблющихся, и кулацкое восстание было предупреждено, главари арестованы.

При этом выяснилось, что остальные члены волсовета не были арестованы, хотя двое из них преспокойно оставались дома.

В уездном комитете партии из этого дела сделали нужные выводы. Антип Федоров, обычно сдержанный, на этот раз кричал на своего большого личного друга Подпорина.

— Безответственно выдаешь винтовки. Не проверяешь на месте, кому их передадут. А теперь кричишь — расстрелять гадов.

— Смотреть, что ли, их привезли? Любоваться?

— Не смотреть, а разобрать надо: кто гад, кто подгадок, а кто чурбак с глазами. Ведь по-настоящему сами мы виноваты. Выдали винтовки неопытным ребятам да малостойким людям. Ребят захватили, а остальные в кусты. Не расстрелами такое дело поправишь. Надо смотреть, в какие руки винтовку даешь. С расстрелами тоже осторожно надо. Кроме вожаков, тут ведь есть и такие, которые по глупости да по темноте полезли. Одного такого расстреляешь — сотни других тебя бояться будут, за тобой не пойдут, Советской власти чураться станут. Разве это допустимо, когда они не кулаки?

В приговоре Революционного трибунала это было учтено. Объявлен вне закона один главный вдохновитель восстания Лев Колегов. Приговорены к общественным работам от 3 до 10 лет четверо, к выселению и денежному штрафу — трое. Кузнеца, заковывавшего тов. Лескина,— к 6 месяцам общественных работ при волости. «Остальных обвиняемых, как невольных участников преступления, от наказания освободить».

Выдачу оружия в деревне стал с этого времени производить уездный комитет партии непосредственно.

К ПОДПОРИНУ В ГОСТИ

— Федя, тебя в сборню звали... Спрячься... Убить собираются,— говорила старуха-мать, встретив возвратившегося из Катайска сына-«советчика», который вкатывал в ворота велосипед.

— Кто убьет? Руки не выросли,— самоуверенно гово-

рит одетый в военную форму человек и с ласковой улыбкой добавляет: — Слезу зря не пролей.

Отец, стоявший с топором под навесом около верстака-доски, хмуро сказал:

— Ты, Федор, не шути. Третий уж раз за тобой прибегали. Кричат, матерятся. Мы, говорят, им покажем, как оружие друг на друга подымать. Без оружия ребра выломаем. Пьяные. Остерегись. Мать-то правду говорит — уехать бы поскорее, либо схорониться где при доме. Верно, убить могут.

— Не испугался,— все так же уверенно отозвался сын, ставя велосипед около стенки амбара.— Пусть попробуют.— И он, старательно одернув гимнастерку, вытащил из широкой трещины бревна засунутую туда тряпку, обтер запыленные сапоги. Потом вынул из кармана наган, повернул барабан, проверил патроны. Еще раз одернул гимнастерку и, почему-то смутившись, как в детстве, сказал:

— Ну, так я пошел...

Мать заплакала, отец неодобрительно буркнул:

— Как знаешь. Умные стали... Стариков не слушаетесь.

Смущение сразу исчезло. Ответил со злобой:

— Что ж мне в солому прятаться? Не на то я в большевики записывался, чтобы кулаков ваших бояться. Никогда этому не бывать.

Поспешно направился к воротам, бросив на ходу: «Не плачь, мама, не бойся. Ничего не будет. Пошумят только...»

Но было жутковато. С уверенностью можно положиться в деревне человек на десять, только дома ли они? А остальные... Они туда и сюда... Некоторые, правда, в хлебозаготовках помогали, своих излишков не таили, но кто их знает.

Такие мысли ворочались в голове тов. Григорьева Ф. В., члена катайского волисполкома, когда он шел по своей деревне Черемисской.

Из-за угла навстречу уж шли человек пять односельчан и с угрозой приветствовали: «Иди-ка, иди. Расскажи обществу, кого тут вы убивать собрались с ячеешными своими. Посмотрим еще, кто убит будет...»

Деревенская сборня забита до отказа. Несусветный галдеж, из которого можно уловить только основные ли-

нии спора: «Убить без разговору». «Обсудить по правилам».

По каким «правилам»—этого, конечно, никто не смог бы объяснить, но криками о «правилах» прикрывали желание выручить «советчиков» — Григорьева и Полуяхтова. Поддержка была понятна, так как на собрании была и беднота. Здесь повторилась та же история, что и в Ново-Пышминске.

Ночью кулаки обошли по деревне и отобрали у бедноты полученное из Камышлова оружие.

Учтя эту разноголосицу собравшихся, Григорьев и Полуяхтов потребовали: «Пропусти к столу — тогда расскажем».

Толпа раздалась, и оба оказались у стола президиума, состоявшего на этот раз из особо авторитетных середняков. Сами организаторы ночного налета на бедноту стояли в стороне, подогревая своим ревом настроение собрания. Председательствовал солдат старой службы Буштухин, выставив свою бороду-лопату и поблескивая георгиевскими крестами и медалями.

Когда Григорьев встал перед толпой и попросил слова, кулачье заорало:

— Какого ему слова! Наговорился — будет. Бей его!

Но беднота кричала:

— Пусть говорит. Надо выслушать. Виноват ли он в чем?

— Убить всегда успеете,— говорил со своей стороны Григорьев.— Разберемся сначала, за что и кого бить.

— Не заговаривай зубы, — неслось в ответ со стороны кулаков.

Председатель Буштухин, позвякивая медальками, кричал свое: «Тише, гражда́на, тише, гражда́на».

Когда в сборне на миг установилась тишина, Григорьев начал говорить. Установку взял такую: можно ли было не слушаться, если из уезда приказали раздавать оружие? К этому короткий вывод: вы что, против Советской власти? Кого судить собрались? За что?

Это произвело свое действие на основную массу собрания — на середняков. Бедняцкая часть собрания получила таким образом заметное подкрепление.

— Кто говорит не слушаться? Разве мы против? Это вон они наговорили, что бить будто собираетесь нас всех. На то и ружья привезли.

Кулаки, однако, не унимались, кричали.

— Врет... Дураков ищет... Сами они придумали ячейкой своей, чтобы междоусобность сделать. Убить без разговору!

— Ну-ка попробуй!— навстречу кулацкому вою кричал глухой, но очень сильный крестьянин Пиньженин, дядя Григорьева.— Я те покажу убить. Рыло своротчу, а не дам в обиду!— И для убедительности совал в сторону противника свой мощный кулак.— Сунься на это место!

Это заскорузлое, похожее на добрую гирю «место» никого, однако, не привлекало сунуться. Все знали, что смолоду Пиньженина, этого тихого, угрюмого человека, возили за десятки верст «в башкиры» на борьбу, и не было случая, чтобы он когда погнулся под руками отборных борцов. И крики несколько стихли.

Григорьев, воспользовавшись этим, предложил:

— Вы пошлите к тов. Подпорину делегацию. Проверьте. Тогда и говорить будем. Не убежим ведь мы никуда.

— Это, пожалуй, правильно,— поддержали Григорьева.

Кулаки протестовали, но их уж было меньшинство.

«Этих вот в первую очередь арестовать надо»,— подумал Григорьев и вслух спросил:

— Теперь идти можно?

— Как, граждане? Увольнить их?— спросил председатель.

— Пусть идут. Зря вызывали,— откликнулась беднота.

Кулаки ворчали, но налететь при выходе не посмели.

Съездить в Камышлов, «разузнать обстоятельства» поручили президиуму.

Григорьев с Полуяхтовым тоже приняли меры — послали товарища предупредить Подпорина, что это за делегация.

Посланный в ночь уехал в город, а делегаты отправились лишь на следующий день.

Пробыли они в Камышлове недолго. Приехали через два дня. Поспешно вызывали всю бедноту и выдавали ей оружие, которое хранилось в сборне. При выдаче настойчиво предлагали: «Распишись, что получил в 8 часов».

Как видно, Подпорин нагнал холоду и дал жесткий срок выполнения. С той поры в Черемисской даже поговорка такая появилась:

— Может, к Подпорину в гости послать, сговорчивее

будешь,— говорили наиболее упорным держателям хлебных излишков.

Случай этот, как и новопышминский, имел и другие последствия. Он помог деревенским ячейкам проверить стойкость своих членов и на наглядном примере показал бедноте настоящее лицо кулаков. В значительной мере это заставило и середняка подумать, с кем же ему идти. В столкновении двух сил он увидел, что их примирить нельзя.

РУКИ ВРАГА

В деревню Рыбникову приехал солдат из расформировавшегося в Камышлове Лодейнопольского полка. Дело самое обыкновенное для тех дней, когда в деревню шли и ехали демобилизованные. Но этот солдат Алексей (фамилия так и забылась) обратил на себя особое внимание. Приехал он верхом на лошади, сидя вместе со своей женой, которая по-русски знала лишь несколько слов — из Финляндии была. Дома приехавший справился:

— Есть ли тут большевики?

И по деревне пошло:

— Алешка-то, слышь, с заграничной бабой приехал. Лошадь ему большевики выдали. Ничего, лошадь хорошая... буланый мерин. Добрая лошадь... С такой хозяйство подымать можно.

— Потому и выдали, что продался,— вставляли кулаки и добавляли:— Жениться на немке заставили, чтобы шпионства больше из нашей стороны было. Теперь она всяко место шпионить станет да по-заграничному описывать. Ты и не поймешь ни черта, а хлебушко-то ей подай.

— Это ты верно, Кузьма Провович, жрать-то все охочи.

— Подожди еще... Вот придут в деревню другие большевики, да каждый привезет по жене-немке... Взвоешь тогда, как их всех кормить придется.

— Неужели все на немках женются?

— Порядок такой, чтобы все языки смешать... Так и говорится, что международная революция. Она и есть, коли чужестранных в свою деревню привозят.

Кончились эти разговоры тем, что солдата и его жену зверски убили. Убили пьяные на какой-то деревенской

свадьбе. Но когда стали распутывать этот узел темной дичи, то оказалось, что ниточки ползли от достаточно грамотных людей: бывшего гласного земской управы, еще дореволюционного периода, и местного попа.

Поп, сокрушаясь об Алехиных грехах и распутстве, вооружал против солдата и его ни в чем неповинной жены главным образом женскую часть населения. Земец с своей стороны, пользуясь темнотой, выдвигал устрашающие перспективы перенаселения деревни «чужестранными». Изображал этот редкий брак обычным для большевиков. Убийство солдата, в котором принимали участие под пьяным угаром очень многие, задумывалось, очевидно, как своего рода база для более широкого контрреволюционного выступления.

Это сказалось, когда в деревню в конце января ночью приехал отряд из камышловских и каменских рабочих — человек сорок-пятьдесят под командой бывшего командира Лодейнопольского полка тов. Яковлева.

Как только отряд вышел на церковную площадь, на колокольне ударили в набат. Командир приказал остановить этот неурочный звон, но церковные двери оказались крепко запертыми. Сторож изнутри дергал веревку набатного колокола. Тогда решили перебить веревку пулями, хотя это было явно невозможно в ночной темноте даже для первоклассных стрелков, каких тогда у нас было очень мало.

Стрельба была большой ошибкой, так как показала, что в деревне отряд, и местное население не выразило своего отношения к набату. Так «проспала» деревня под набатный звон и стрельбу. Никто не поинтересовался, что где горит и кто стреляет. Даже огонечка нигде не показалось, кроме школы. В школе отряд и расположился до утра.

Утром «хорошо выспавшийся» поп по вызову начальника отряда явился в школу и «любезно» согласился прекратить набатный звон. Пришел даже в ужас от глупости церковного сторожа.

— Вот старый дурак! Что только придумают по темноте своей. Чистое наказанье с ними. А я-то сплю...

Этим он, конечно, выдал себя с концом. Земец оказался умнее,— ночью сумел удрать.

На общем собрании в школе сначала долго шло «запирательство всем миром».

— Все пьяные были. Алеха сам полез, выскочил в сен-

ки, кого-то стукиул... Ну и пошла потасовка. Жеиа-то, видно, хотела вытаскивать из драки, ее и истоптали по пьяиому делу. Самое даже обыкновеиное, и иикаких тут классов иету. Все дрались.— При этом для убедительиости показывали сияяки и кровоподтеки. Когда же бедияк, сообщивший об убийстве в Рыбииковой, иазвал двух главных виновников убийства, узелок сразу стал распутываться. Перекоряясь один с другим, открыли, что все происходило по предварительному сговору. Открыли и вдохиовителей убийства. Оказалось, что вскоре после убийства солдата была сходка, на которой говорилось, что также убьют всякого, кто проболтается. Тогда же условились, что по зову иабата выбегут как иа пожар с ломами, топорами, чтобы «отбиться от суда», если такой приедет.

Вскоре произошло коитрреволюционное выступлеиие в Ертарке, где был стекольиый завод, прииадлежавший Поклевскому-Козелл.

Место глухое. Завод небольшой, на две печи. Рабочие завода — в большинстве приезжие из Белоруссии, где у Поклевского было имеиие. Жили рабочие в бараках, вблизи печей.

На подвозке песка, извести, сульфита, иа транспортироваиии готовой продукции (бутылки для Талицкого пивовареииого и виноку реииого завода) работает местиое населеиие из села Ертарки. В большиистве зажиточные. У стекольиого завода есть свой иебольшой обоз.

Здесь же, около Ертарки, производились лесоразработки и был лесопильиый трехрамный завод. От иего и оттолкнулись кулаки, чтобы завоевать на свою сторону бедияка и середияка.

— Сколь ои жрет лесу-то. Год-два пройдет — полешка не увидишь. За сто верст поезжай.

— Земля — народу, земля — иароду... Вот те и народу... Тебя и ие спрашивают, зиай сводят лесок-то. Денежку загоняют за иаш счет. До какой поры это будет? По-хорошему если — так отобрать у иих лошадей и раздать бедиейшему иаселению бесплатио. Вот революция бы была, а ие разговор.

— Тоже и иа стекольиом — сколько лошадей стоит без пользы. Ни пахать, ии боронить, бутылки возить. Бедияк какой на этой лошадеике поработал бы, десятину-другую вздрал... Можно бы тогда и бутылку свезти, как время посвободиее.

Этим кулацким разговорам сначала противодействовали рабочие, но кулакам удалось отбить часть из них, соблазнив «своей лошадкой». Сопротивлялся и сельсовет, но слабо. Собственнические стремления в конце концов победили, и нерешительный Совет был переизбран. Во главу поставили «очень смелого человека», который до революции тут же урядником был, и дело пошло гладко. Обоз стекольного завода и лесничества в количестве 179 лошадей отобрали и распределили по обществу. Дали по лошаденке некоторым «самостоятельным» беднякам. Подкинули по лошадке середняку и дали той части несознательных рабочих, которые поддерживали дележку. У лесничего отобрали все имущество и тоже распределили «по самой дешевой цене», а лесничего выселили. И надо сказать, что сами инициаторы — руководители этой дележки — не проявили личной жадности, стараясь как можно сильнее «ввязать в дело» середняка.

Посланный туда для исправления положения тов. Куткин встретил упорное сопротивление со стороны большинства.

В протоколе уездного совдепа от 14/IV по докладу тов. Куткина записано:

«Лесопильный завод немедленно пустить, вернуть всех конфискованных лошадей, все распроданные за бесценок вещи лесничего отобрать у купивших, Совет Ертарский распустить и избрать новый. Для установления порядка командировать на место товарища Василевского с отрядом. Всех виновных предать суду».

Как в Рыбниковой, здесь также упорно укрывали инициаторов дележки. Относительно легко удалось изъять лишь «смелого человека» — урядника. Его, видимо, не щадили, как «несусветного пьянчугу», и даже старались свалить на него всю вину. «Несусветный» тогда перестал изображать из себя героя, который «добро народу хотел сделать», и откровенно сознался.

— Каюсь, деньги взял, чтобы эту самую дележку устроить, вот у них — и показал суду тех, кто его на это подбивал.

Там, где беднота сумела уже более крепко организоваться и выделила своих стойких работников, кулацкие выступления направлялись главным образом против этих выделившихся представителей бедноты.

Довольно часто практиковались нападения из-за угла.

Так было в Знаменке, где неизвестно кем была брошена бомба в избу председателя волсовета тов. Брюханова. В Катайском районе предательским выстрелом из соседней комнаты был убит спавший тов. Ведерников, один из первых организаторов боевых отрядов, из которых сформировался полк Красных Орлов.

Иногда, если это казалось безопасным, организаторы нападений старались подчеркнуть политическое значение этих выступлений. Например, на дорогу близ станции Ощепково были вытащены два трупа посланных в этот район агитаторами солдат. Один из них по фамилии Манченко, фамилия другого неизвестна. При трупах записка: «Пропали собаки, похороните, кому они родня».

Можно было установить, что один убит сзади каким-то тяжелым орудием. У другого прострелена грудь и нога; убит он был в другом месте.

Довольно часто эти нападения на советских работников в деревне организовывались так, чтобы вовлечь в это дело середняка. Легче всего это достигалось под прикрытием самогонных паров в праздничные дни. Пьяных под каким-нибудь предлогом собирали и начинали накаливать против кого-нибудь из советских работников с неизменным выводом «ребра выломать надо».

После этого устраивали вызов.

Комиссара по управлению Кочневской волости Семена Бекетова вызвали по случаю пьяной драки в противоположном конце деревни. В одном месте на дороге оказалась толпа около человека на запряженной в ходке лошади.

Когда Бекетов поравнялся с толпой, человек на лошади поехал в том же направлении, куда он шел. От толпы отделился пьяный и пошел тоже к Бекетову. Тот сказал: «Не подходи» и сделал предупреждающий выстрел. Человек на лошади в это время встал поперек улицы, а сзади выскочили вооруженные стягами, и Бекетов оказался окруженным. Тогда он стал стрелять уже всерьез. Ранил нападавшего на него пьяного и убил наповал человека на лошади. Только таким путем ему удалось проскочить в волисполком, откуда он и начал отстреливаться. Толпа окружила здание, но на выстрелы со всех концов деревни выбежали дружинники с винтовками, и главари были арестованы.

Чем ближе подходило время чехословацкого высту-

пления [1], тем чаще вспыхивали огоньки кулацких восстаний, причем заметно изменилось их направление: уже не только против отдельных партийно-советских работников, но и против бедноты вообще, так как беднота становилась уже оформившейся группой внутри деревни. Даже из таких волостей, где кулацкое влияние было особенно сильно, шли сообщения: «Кулаки постоянно внушали деревенской бедноте о вреде большевизма. Так продолжалось до передела земли. Когда же начался последний, тогда и самым несознательным гражданам стало ясно, насколько противоположны интересы кулака-буржуя и крестьянина-«землероба» [2].

Огромное значение в деле организации бедноты имело проведение в жизнь постановления уездного исполкома об обсеменении полей весной 1918 года.

В этом постановлении волостные и сельские Советы под угрозой ответственности перед революционным судом обязывались «стать посредниками по распределению семян, лошадей, инвентаря и пр. между бедными и богатыми, привлекая последних к помощи беднякам трудом, лошадьми и семенами, при этом волостные и сельские Советы могут по своему усмотрению давать вознаграждение после сбора хлеба, если будет урожай» [3].

Из села Тамакуль ввиду близости белых вывезли волостную кассу. Это уже в то время, когда Шадринск был занят и везде шел разговор о близости белочехов.

Около кассы разгорелась борьба. Кулаки, разумеется, противились, но сделать это открыто не посмели. Зато, когда кассу увезли и в направлении на Камышлов ушел отряд, сейчас же началась расправа с оставшимися бедняками. Их избили, некоторых до полусмерти, и заперли под караул.

Между тем отступавший с кассой отряд встретился с другим, шедшим из Камышлова. После соединения решили направиться обратно на Тамакуль, отправив с кассой несколько человек.

---

[1] Речь идет о контрреволюционном мятеже чехословацкого корпуса, организованном империалистами Антанты и охватившем районы Поволжья, Урала и Сибири, прилегающие к трассе Великого Сибирского пути, по которому на Дальний Восток следовали эшелоны чехословацких войск.

[2] «Известия» Совдепа, № 78, 24/VI.

[3] «Известия» Совдепа, № 70, от 14/V.

При таком обороте дела беднякн, захваченные кулаками, былн быстро освобождены.

После этого они уже больше не колебались, не раздумывалн, не боялись уйтн от поспевающего хлеба.

Все влнлись в отряд, который с трндцати семн вырос до трехсот с лишком человек.

О такой же прнмерно расправе кулаков с бедняками было нзвестно н по другим волостям.

Так, в селе Ильинском волостным военным комиссаром оказался не очень стойкий человек, хотя и бедняк.

Когда отряд отступал, его предупреждалн, что он может оказаться в плохом положении, если не пойдет с большевнкамн до конца. Но тот, как видно, понадеялся на близость свою с военспецом, работавшнм в волостн по обучению мобнлнзованных.

Так и сказал отряднникам:

— Вы — товарищи и те — друзья, не разберешь, кто ближе.

Такая полнтнка волостного комиссара оказала действне и на другнх бедняков. Некоторые нз них понадеялнсь тоже на «друзей» н осталнсь.

Результаты сказалнсь быстро.

Волостному комнссару-бедняку, надеявшемуся на колчаковскнх друзей, прежде всего выстрелнлн из дробовнка в глаза и уж потом долго таскалн его по улнцам села, волоча головой по земле. Давно уж человек умер, а забава все продолжалась. Не менее жестоко началн расправляться и с другими, оставшимися в селе. Зато те, кому удалось укрыться в коноплянннках и в других укромных уголках, постаралнсь пробраться к отступающнм отрядам и дрались они в полку Красных Орлов с беззаветной храбростью, окончательно став за Советскую власть.

В КОТЛЕ

Катайск — большой хлебный центр. Сюда, к линнн железной дорогн, свозились хлеб н другне продукты сельского хозяйства нз окружающнх волостей: Шутннской, Никитннской, Петропавловской н другнх.

Прн таком положеннн естественно, что здесь образовалась довольно снльная группа капиталнстов-хлеботорговцев н рядом с ннми выросли не менее значнтельные пред-

приятия. Был большой простор и мелкому хищнику-спекулянту, который торговал лошадьми, занимался перекупкой и всяким другим путем добывал себе кусок пожирнее за счет крестьянина.

Некоторые из катайской буржуазии имели «липкую руку» к земле. Вначале уж отмечалось, что здесь разными путями (арендой, покупкой у башкир, скупкой отрубных участков) начали сколачиваться довольно значительные земельные куски, которые уже назывались побольше — имениями, поменьше — заимками.

Все это, разумеется, могло идти не иначе как за счет разорения деревенской бедноты и вызывало соответствующее сопротивление.

Партийная работа в среде беднейших слоев населения проводилась здесь в благоприятной обстановке. Но, с другой стороны, были условия и для роста других партий. Недаром Катайский район в избирательных списках к Учредительному собранию выдвигал даже своего кандидата, который был принят энэсовской[1] группой по губернии (список № 11). Здесь же, что вообще редко для сельских местностей, имела некоторое влияние и кадетская группа. Поэтому классовая борьба развернулась в Катайске и остро определилась раньше, чем в других сельскохозяйственных районах.

Уже при выборах в Учредительное собрание Катайск, как отмечалось выше, удивил тем, что в этом сельскохозяйственном районе губернии большевики получили голосов больше, чем эсеры. Разница в количестве голосов, однако, была не особенно значительна, и это позволяло эсерам уездного центра рассчитывать здесь на определенную поддержку.

Когда в Камышлове была ликвидирована уездная управа, аппарат управы через своих агентов обратился в Катайский район за поддержкой. В волостном земском собрании председатель огласил эту просьбу камышловской уездной земской управы, где говорилось о необходимости созыва чрезвычайного собрания для решений вопроса о том, как относиться к «захвату власти большевиками».

Постановление получилось не в пользу аппарата

[1] Энэсы — сокращенное название контрреволюционной кулацкой партии народных социалистов *(ред.)*.

управы. В резолюции, напечатанной в «Уральском рабочем», № 54 от 19/XII 1917 года сказано:

«Революционный народ теперь и история в будущем по справедливости оценят поступок лакеев буржуазии — испуганной интеллигенции,— позволяющих себе бунтовать против народа и его революцию называть захватом.

Мы приветствуем правительство рабочих и крестьян, как завоеванное кровью наших сынов и братьев, и окажем ему всемерную поддержку в его борьбе с врагами народа и в установлении нового справедливого строя Республики Советов:

Вся власть — Советам крестьянских, рабочих, солдатских депутатов.

Учредительное собрание будет ценно для нас лишь тогда, когда оно явится выражением наших желаний о земле, воле и мире, а не будет оправдывать грехи проклятой коалиции и сколачивать новую, для чего и требуем исключения из списков учредительного собрания кадетов».

Эта резолюция, на которой сильно ожглись рассчитывавшие на поддержку в Катайске эсеры из уездного центра, показывает в то же время, что соотношение борющихся сил было почти одинаково. В резолюции отмечено, что она принята 20 голосами против 18 при одном воздержавшемся.

С января, когда в Катайский район стали группами возвращаться демобилизованные, неся с собой зарядку с фронта, положение значительно изменилось. И прежде всего в тех деревнях, которые наиболее были обворованы в земельном отношении. Первой из таких оказалась деревня Савина, где душевой надел по сравнению с другими селениями был значительно ниже.

Эта деревня и «отложилась» от волсовета, как это уже отмечалось выше. Беднота деревни связалась с уездом, постаралась добиться оружия и начала проводить ряд мероприятий по конфискации, контрибуции и хлебозаготовкам.

Другой очень заметной в революционном движении Катайского района оказалась деревня Черемисская, где появилась сразу довольно сильная группа возвратившихся с фронта солдат-большевиков.

Примерно такие же революционно настроенные люди появились и в других деревнях волости.

Только после этого начался сильный нажим на «пестрый» волсовет. Ликвидация волостной управы состоялась лишь в марте.

Любопытная деталь. Когда после собрания выходили в коридор, то четверо незнакомых раньше друг с другом людей пожали друг другу руки и решили сейчас же где-нибудь поговорить. Сблизило их выступление на том собрании, где решено было упразднить земство и избрать новый состав волсовета.

Эти четверо (Ковригин М. Д., Кобяков А. И., Григорьев Ф. В. и Зеленин Е.) — в военной форме — оказались большевиками.

Эта группа по существу и была организующим началом создания боевых отрядов в пределах Катайского района.

Толчком для усиления этого рода работы послужило кулацкое движение на башкирских землях, которое началось в полосу дутовщины.

Из Камышлова было предложено всем коммунистам мобилизоваться и принять непосредственное участие в борьбе. Мобилизационным пунктом назначен был Каменский завод, где происходило формирование отрядов, направляемых против Дутова.

Работники Катайского района, к тому времени уже успевшие сколотить довольно значительную партийную организацию и даже провести волостную конференцию, выделили на этот фронт 42 человека. Этот отряд под командой Григорьева Ф. В. вечером был отправлен в Каменск. Вместе с отрядом ушли в полном составе все работники волисполкома и волостного комитета партии.

В Каменске, конечно, не допустили такого оголения партийного фронта Катайского района, и большинство товарищей возвратилось в район с заданием продолжать мобилизацию, вовлекая в отряды беспартийную бедноту.

Вооруженные группы разделились и начали работать в разных волостях.

Григорьев направился на Далматов, на село Верхтечу, село Никитинское, Зырянское, Колчеданское, Шутиху, Петропавловское и Песковское.

Второй отряд был под командой Кобякова А. И.

Третий — под командой Тарских Павла Мамонтовича

сформировался из старых фронтовиков села Шутинского и главным образом деревни Озеро-Вавилово. Оперировал он в районе Шутинской и Тамакульской волостей.

Четвертый отряд Ослоповского И. А. сформировался из фронтовиков Песковской и Петропавловской волостей, где и оперировал сначала.

Все эти отряды не имели централизованного управления, действовали вразброд. Продовольствие получали за счет местного населения. Человек пять прикреплялось к определенным хозяйствам, которые и должны были готовить обед, ужин по числу людей. Уплата производилась командирами отрядов из сумм, поступавших от конфискации и контрибуции.

Такое положение, разумеется, не могло долго продолжаться. Тем более, что приближавшийся со стороны Башкирии, а также с восточной стороны фронт заставлял серьезно подумывать о правильном комплектовании отрядов, об их снабжении оружием и амуницией в более или менее плановом порядке.

Появление в Мясниковском селе для подавления кулацкого восстания товарища Подпорина с отрядом камышловских рабочих ускорило это дело.

Подпорин принял все меры к тому, чтобы разрозненные отряды как можно скорей объединить в более крупное войсковое соединение.

Это и было началом организации полка Красных Орлов.

НАД ПРИКАЗАМИ ПО ПОЛКУ

В большом доме купца Петрова разместился штаб формирующихся отрядов. Шум. Беспокойная беготня. Отдельные выкрики и тут же храп с присвистом. Измученные бессонными ночами люди сваливались, где приходилось.

Человек в синей рубахе, засаленный, грязный, с впавшими от длительной бессонницы глазами, сидит у стола с бумагами. На столе маузер, справа английская граната. Пишет.

— У, гадюка, не то слово... Все не то слово.

Это начальник отряда Подпорин.

Унтер-офицер старой армии Подпорин был разжалован за столкновение на улице с каким-то важным барином из бывших офицеров. Отбыв наказание, он с несколь-

кими крестьянами пошел громить усадьбу этого барина и, как солдат, оказался в дисциплииарном батальоне в Ташкенте. После «дисциплииарки» возвратиться на родину, в Сумский уезд, Харьковской губериии, ои не мог, так как въезд в Европейскую часть России — за Урал — ему был запрещеи. До солдатчииы Подпорин был рабочим обувного производства; частичио по этой же отрасли работал в мастерских «дисциплииарки». Эта профессия определила и выбор Подпориным для житья Камышлова, где при иаличии довольно большого по масштабам того времени алафузовского кожевениого завода имелись обувиые мастерские с машииным оборудоваиием кустариого типа.

Камышловская буржуазия потом усердно подчеркивала профессию Подпориа: «Член исполкома — сапожник Подпорин», «Комиссар управления — сапожник Подпории». Видимо, это казалось особо язвительным.

Когда же пора шуток сменилась суровыми действиями — контрибуциями и изъятиями, тогда судейская глиста добыла из Харькова и широко пустила по городу документы о судимости Подпорина. В этих документах иападеиие иа помещичью усадьбу квалифицировалось как покушение иа «священную собствеииость», как попытка открытого грабежа. Считая документ правильиым, его даже открыто представили в уездный исполком Совдепа. Но там о нем давио знали. При вступлеиии в РСДРП (большевиков) Подпорин сам представил этот документ и документы, подтверждающие связь его с революционными оргаиизациями Харькова, а также переписку с товарищами, отбывавшими иаказаиие в «дисциплинарке».

Подпории был массовик, энтузиаст классовой борьбы, у которого чувство ие всегда подчиилось рассудку. Ои едва ли мог предварительио взвешивать обстоятельства, ио зато умел передать свой порыв, свое иастроеиие широким массам. Как большинство подобиых людей, Подпорин легко переходил из одиого состояния в другое. Открытый раскатистый смех и ласковый разговор легко смеиялись свирепыми криками. Даже на лице у иего можно было видеть какой-то постояииый спор.

Глубокие складки иа лбу и энергичио выраженные надбровиые дуги были в прямом противоречии с мягкими очертаииями губ и подбородка. К добродушному — «порассейски» — носу мало подходили свислые «по-казачьи» усы.

Отрицательной чертой Подпорина была его излишняя доверчивость, из-за которой он нередко ошибался в выборе людей.

За всем тем Подпорин был преданнейший делу революции и партии человек.

С начала Февральской революции Подпорин находился на самых разнообразных постах, всегда очень ответственных и опасных.

Подпорин — организатор боевых дружин по селам и деревням, общественный обвинитель при разборе дел о саботаже, уездный комиссар управления.

Дальше начинается военная работа в связи с кулацким сопротивлением хлебозаготовкам. Отряд Подпорина, являясь достаточно крепкой и хорошо вооруженной группой, несомненно, активизировал имевшиеся на местах боевые дружины и содействовал оформлению их в более крупные воинские части.

Подпорин обычно сам писал приказы, обращения и воззвания.

Своим приказистом он определенно был недоволен. «Надо так писать, чтобы за живое брало. А то вот все распоряжения, да распоряжения, а объяснить не можем. Тут объяснить надо...» И Подпорин пытался объяснить, но сам был недоволен той смесью агитации и делового распорядка, какой у него получался. Часто он жаловался:

— Грамоты вот не хватает. Можно ведь так написать, чтобы действительно человека за живое взять. Говоришь как будто и ладно, а напишешь — не то, не так.

Эх, грамоты не хватает! А военные люди, они норовят по-старинке: назначается такой-то, снимается с довольствия другой. Неправильно это. Тут все надо разъяснить. Но разъяснять было просто некогда, и приказы писались обычным стилем.

СЕЛЬСКИЕ МЕРЩИКИ

Праздничный майский день. На бревнах, недалеко от школы, группа молодежи. Смех, шутки, повизгивание, песня. Все как полагается. Но вот из школы выбежал кругленький, подсадистый подросток и закричал, размахивая газетой:

— Ребята, кто хочет в город ехать учиться?

— Чему учиться-то,— равнодушно отозвался парень с гармошкой и добавил:— И без того все произошли, друг на друга, как собаки кидаются. Выучились.

— Не тебя спрашивают,— отмахнулся выбежавший из школы.

— А я, вишь, отзываюсь: потому, не гордый. Наш дом богатый считается, а я с вами тут якшаюсь. Правда ведь, Дуняша, не гордый я? — спросил он сидевшую недалеко от него девушку и пояснил свой вопрос так, что Дуняша покраснела до слез, а часть парней захохотала, но другая часть сейчас же дала отпор.

— Ну ты, придержи погань-то у себя во рту. Дай человеку доброе сказать.

— Супротив моего не скажешь,— пытался задержаться на своей шутовской позиции парень с гармошкой,— от его-то слов, может, голова заболит, а от моего разговору люди зубы моют да брюха растирают. Верно ведь?

Но подбадривающего ответа не было, и парень, прикрывая отступление, широко развел мехи своей щеголеватой венской гармошки с колокольчиками. Потом медленно поднялся и проговорил:

— Айда, девки, плясать. На кругу-то, поди, сколько уж народу собралось, а мы тут сидеть будем да умников слушать.

И он пошел под веселый перебор гармошки. Поднялись еще две пары.

— Этак-то лучше,— напутствовал его круглоголовый подросток и, обратившись к оставшимся, спросил:

— Зачем он к нам прилипать стал? Раньше-то этого не было... Своей компании держался, а тут, на поди,— все к нам прется.

— Не все равно, в который конец ходить. Ты лучше скажи, куда учиться зовешь?

— А вот,— и парень начал читать объявление:

«С восьмого мая открываются курсы сельских мерщиков. На курсы принимаются молодые люди из беднейших слоев населения, командированные волостными Советами с подготовкой городских училищ и не менее двухклассных школ, имеющие 16 лет от роду...» [1]

[1] «Известия» Камышловского Совдепа, № 64, 1 мая 1918 года.

— А больше ежели? — живо спросил один из слушателей.

— Не знаю,— уныло ответил читавший объявление, потом добавил.— Можно, я думаю. Как же без этого набрать людей с образованием, из беднейшего слоя. Немного ведь из нас училось хотя и в двухклассной школе, про городское не говоря.

— Что хоть там делать-то будут? Мерять-то что? — спросила одна из девушек.

— Тут так сказано: «Преподавание практическое». Это, значит, на деле, а не по книжкам только,— пояснил парень.— «Имеет целью подготовить землемеров-исполнителей».

— Землемеров? Из нашего брата, из крестьян? — перебил его другой.

— Так и должно быть при Советской власти, чтоб крестьяне сами землю распределили без обиды. Вон раньше-то... Слыхал от стариков, что делали землемеры? За взятки землю обрезали. Потому у нас и несправедливость такая, что в одной деревне больше земли на двор, в другой меньше. Кто задарил землемера, тот вот и пользуется.

— Ведь это здорово важно, ребята,— вмешался еще один.— Только сомнение у меня: не попасть на эти курсы крестьянину. Грамоты не хватит. Городские, поди, набьются.

— Здесь и об этом говорится,— отозвался парень с газетой: — «Кроме командированных волостными Советами, никто из посторонних приниматься не будет».

— Вот это хорошо,— обрадовался тот, что боялся конкуренции городских.— Так и надо. Только кого всетаки посылать-то? Шестнадцати лет, двухклассная школа и беднейшего слоя. Кто у нас подойдет?

Начали перебирать имена, и сразу наметилось разногласие. Бедняки больше налегали на слой, а середняцкая молодежь на возраст и образованность.

Из сидевших на бревнах подходили только двое, и то не совсем. Петруха, тот, что читал газету, и Санко Пинженин. Но первый был старше шестнадцати лет, а про второго сильно сомневались: «Отец-то у тебя по осеням скотом поторговывает. К бедняцкому слою отнести нельзя».

Санко доказывал, что это было только раз — бабуш-

ка попросила телушку свою продать, да овец пару, как ей лишние.

— То и есть, что у ней лишние, а туда надо беднейшего населения, у которых сроду лишних не бывало. В том и разница.

Петруху зато ободряли:

— Ты у нас маленький. Скажи — шестнадцать, мол, и вся недолга. Поверят.

— Бумажку ведь потребуют,— возражали из середняцкой молодежи. — Откроется обман, и ступай домой.

— Никакого тут обману,— горячились Петрухины сторонники,— виноват разве он, что годом раньше родился?

Сам Петруха стоял на прежней позиции.

— Я думаю, на это сильно обращать внимание не будут. Лишь бы не меньше шестнадцати, а семнадцати либо восемнадцати, это не повредит.

— Тогда бы так и написали...

Решили посоветоваться с председателем волисполкома. Тот заметно обрадовался, когда ребята стали говорить о подборе на курсы сельских мерщиков.

— Самое то дело, о котором сейчас думал: кого, дескать, послать? А вы и пришли. В самый раз. Касательно возрасту, так полагаю, что не велика беда, если постарше окажутся. Шестнадцати-то, по моему, сильно молодые. Не сгодятся, поди, для такого сурьезного дела. Постарше лучше.

Совместно с молодежью председатель стал делать наметку кандидатов на курсы. Некоторым из молодежи пришлось потом сходить или съездить в другие деревни, чтобы побеседовать там с ребятами и выяснить вопрос об отдельных кандидатах.

Затем молодые инициаторы отбора обсуждали список вместе с волостной ячейкой, и к восьмому мая в Камышлов поехало пять человек вместо намеченной от каждой волости тройки. Это была наиболее грамотная молодежь из деревенской бедноты. Возраст от шестнадцати до восемнадцати лет.

Напутствуя уезжающих, председатель волсовета говорил:

— Не забывай, ребята, что вы есть молодой цветок бедноты. Теперь вам полный ход дается. Только при Советской власти так могло сделаться. Дорожи этой властью больше, чем своей головой. Понятно?

— Не беспокойсь, Василь Степанович, не качнемся, не забудем бедняцкое положение.

В таком примерно виде пришло в деревню начало объединения бедняцкой молодежи.

В городах и заводских центрах к началу гражданской войны уже существовала организация Союз социалистической молодежи, но она еще не имела не только большого, а кой-где и вовсе никакого влияния в деревне. В лучшем случае там работали при школах разные кружки. Преобладающим направлением кружков была учеба и культурный отдых.

В этих условиях проведение отбора на курсы сельских мерщиков имело огромное значение для организации деревенской молодежи.

Это мероприятие не только дало нужные кадры в город, но и приблизило остальную бедняцкую молодежь к повседневной работе деревенских партийных ячеек. Те из подростков-бедняков, которые показали себя активными по отбору мерщиков, оказались первыми помощниками ячеек и в остальных видах работ. Нередко таких, еще совсем юных бедняков, можно было видеть и в рядах партии.

Самим сельским мерщикам пришлось немало-таки земли измерять, только не с цепью, а с винтовкой.

Камышловская, например, группа едва ли прозанималась даже месяц, так как близость гражданской войны ясно чувствовалась уже с июня. Молодежь, классово отобранная, горячо включалась в работу по подавлению контрреволюции и саботажа. Дальше уже ее видишь в войсковых частях в роли разведчиков, связистов, пулеметчиков, саперов.

То же и в Шадринской группе. В воспоминаниях отдельных товарищей встречаются такие фразы: «Нашу группу мерщиков направили на защиту моста»... Дальше начинается перечень боев Уральского и Сибирского фронтов, Гуляй-Поле, Сиваш. И еще отметка: «С этого времени началась моя служба в Красной Армии, так как призван мой год».

Как отдельные группы, сельские мерщики выступали разве в самом начале гражданской войны, потом они разбрелись по разным родам оружия; иные ушли на политработу, большинство из них стали комсомольцами, вступили в партию.

Началом их революционного пути было классовое проведение в жизнь положения о сельских мерщиках.

Оно же дало тот отбор бедняцкой молодежи, которая дорожила Советской властью больше, чем своей головой.

ПОД ДАЛМАТОВОМ

Сильно пахнет полынью. Этот пряный запах будоражит, волнует.

— Того и гляди, рожь поспеет, а тут война эта объявилась,— вздыхает бородатый дядя.— Сиди вот в кумовом огороде с винтовкой.

— Тебе бы, дядя Калистрат, все на сопках Манчжурии? Как в японскую?

— Там, брат, война настоящая была, а тут смехота одна... Посидим, посидим в огородах, да и айда дальше... Говорят, обошли... Кто обошел, откуда — ни лешего не разберешь... Стрелять если начнут, так сразу со всех сторон. Какая это война... По-нашему, по-солдатски, не так надо...

— Ну-ка, скажи, как?

— А вышел, например, так уж держись до краю... На смерть вышли, а не по огородам сидеть... Пробегаем этак до осени,— весь хлеб осыплется... жалко ведь, поди.

— Чудак ты, Калистрат, тут дело большое, а он про хлеб...

— Я разве говорю — маленькое? Если от страды пошел, значит, понимаю. Не про то я. Про другое. Что вот все отступаем без боя. Разве это война? В лоб надо бить, чья возьмет. Тогда дело сразу определится.

— Войско-то у нас пестрое. Тут тебе и старики, и мальчики. Совсем пестрое войско...

— Это как сказать,— возразил Калистрат.— Годы разные, а нутро одно — бедняцкое. Нет, войско у нас совсем наоборот даже... Правильное войско... Начальники только наши, видать, плохо в деле разбираются. Наладили одно — фланги подтягивать. Только и слышишь — с правого флангу обошли, с левого обошли. Тот оттянуть, тот выправить, а вот Шадринск-то и отдали, к Далматову подкатили.

— Сила ведь у них, Калистрат, у чехов-то. В Шадринске отряд анархистов был из Питера... С броневыми машинами... Ничего сделать не могли.

— Видал я анархистов этих, которые в Шадринске

были... Так это... Не то офицеры какие бывшие, не то интеллигенция. В брючках, в туфельках похаживают, а бомбами обвешаны. И матрос с ними из таких, который в брючине ширь пущает и орет для задору. Нет, не настоящий солдат... По базару таким разгуливать да с бабами разговоры разводить. Несурьезный мне показался народ... То и учесали, и машину с собой уперли.

— По распоряжению из области, говорят, ушли.

— Да уж подведут, коли туго пришлось.

Такой разговор вполголоса шел примерно в километре от станции Далматово, около изгороди, за которой начинались хлебные поля. Часов в двенадцать секрет, выдвинутый вперед, передал: «Идут. Много».

Командир отряда приказал: «Отступать к станции».

— Опять отступать,— ворчит Калистрат.— От Замараева отступали, надоело. Когда остановка будет? Когда наступать начнем?

Отступали тихо, стараясь не выдать себя противнику. На станции все было в боевом порядке.

На рассвете в юго-западной части началась перестрелка. По направлению к кладбищу, вдоль изгороди которого расположился взвод, видна была перебежка противника. Уже близко. Наши открывают ружейный и пулеметный огонь. Противник, однако, продолжает наступать. По отчаянной матерщине можно догадаться, что наступают пьяные. Пулемет строчит без перебоев. На изгороди повисли тела убитых, но это не останавливает пьяного противника. Один из пулеметов перестал работать — разогрелся. Стрелки дрогнули. Командир кричит: «Не волнуйся, товарищи! Товарищи, не волнуйтесь!»

В это время подошел наш блиндированный поезд и открыл огонь по противнику.

— Это вот так,— одобрил Калистрат.— На бой походит,— и ойкнул.— Хватило меня,— пояснил он,— пойти перевязаться.— И пошел на станцию.

Блиндированный поезд продержался недолго, так как в тылу у него появился противник, пытавшийся разобрать рельсы. Станция оказалась занятой противником, а там наши раненые. И Калистрат с ними.

Отряд поспешно отступает в лощину. Но не успел отойти четверти километра, как блиндированный поезд опять подкатил к станции и начал поливать.

Командир отряда кричит: «Вали, ребята, занимай

станцию. Ура!» И взвод, воодушевленный примером командира, бросившегося в сторону станции, с ружьями наперевес бежит туда же. Противник беспорядочно отступает, усердно провожаемый нашими пулями. Раненого Калистрата не удалось выручить. Труп его был исколот штыками. По показанию другого раненого, которому удалось спастись, дело произошло так.

Когда станция была занята противником, вошла группа офицеров, и один из них с усмешкой проговорил:

— Ну вот. Шадринск взял и Далматов взял. Не велика...

Дальше ему говорить не пришлось. Калистрат из-за мешков в углу выстрелил и убил хвастуна наповал. Сделал еще несколько выстрелов, одного ранил, после чего его самого убили.

При осмотре убитых и раненых оказалось, что среди них было немало чехов.

Вечером, часов около десяти, получен был приказ отступать к Катайску. Бойцы, ободренные дневной удачей, делают это неохотно.

— Жив бы был Калистрат, опять бы матерился,— говорит кто-то.

— Это, товарищи, нельзя так рассуждать. Ведь не в одиночку воюем. Надо согласовывать действия частей,— объясняет командир.— Калистрат, конечно, твердый боец и герой, а все-таки он этого не понимает. Не понимал то есть,— поправился командир.

— Изуродовали его,— сказал один из отрядников и погрозился: — Подожди, гады, рассчитаемся.

Это был первый бой около станции Далматово 11 июля 1918 г.[1].

ПО ЦЕРКОВНЫМ ОГРАДАМ

От Далматова до Богдановича отступление велось без больших боев. Мелкие стычки с контрреволюционными отрядами местного населения были, однако, довольно часты. Все время приходилось быть начеку.

Обычным местом остановок по селам были тогда церковные ограды. Во-первых, они давали собою прикрытие,

[1] В этом бою принимал участие 4-й Уральский полк под командой т. Анчугова *(ред.)*.

во-вторых, противник лишался возможности пользоваться сигнализацией — колокольным звоном, что тогда было в большом ходу. На главном направлении, откуда ожидался противник, выставляли пулемет, на второстепенные проходные пути высылали заставы, и отряд располагался на ночлег.

Дисциплина тогда еще не установилась. Много было необстрелянной, не привыкшей к боевой обстановке молодежи. Мешало и то, что война велась в непривычных условиях, приходилось искать врагов среди своих знакомых и родни. В силу этого первые шаги боевой жизни полка были порой забавны, но чаще всего тяжелы.

Вот коротенькое описание тов. Антроповым обстановки в селе Травяном, в шести километрах от Каменского завода.

В селе какой-то церковный праздник большого калибра, то есть с поголовным пьянством. Успели и кой-кому из красноармейцев «подсунуть стакашик», а еще больше того насовали всяких слухов и разговоров о приближении казаков.

— Не устоять нам, ребята. Изрубят в куски. Вон их, говорят, какая сила идет. И к войне привычные. Известно, казак, не наше крестьянское дело. Он брат, саблей махать с пеленок учился. Где же устоять?

Полупьяный ординарец храбрится, говорит много хвастливых слов, а потом приносит в отряд унылое настроение.

— Говорят, казаки со всех сторон. Как бы нас не окружили.

Командир отряда сделал ординарцу строгий выговор, пообещав на следующий раз применить к нему закон военного времени за пьянство и за распространение контрреволюционных слухов.

Ординарец не такой уж плохой парень. Ему обидно, что командир его назвал трусом и даже чуть не врагом Советской республики.

— Ежели я со знакомыми выпил маленько, так уж и враг. Я вот докажу завтра, почему я выпивал. Может, я их к нам перейти уговаривал. Вот те и враг. Завтра увидите.

Но до завтра в Травяном не пришлось оставаться. Был получен приказ занять ближайший железнодорожный разъезд, и отряд стал готовиться к выступлению.

Полупьяный ординарец, чтобы не оказаться брехунцом, решил «сбегать за ребятами», а когда те отказались, вступил с ними в словесную перепалку. Кончилась она выстрелами.

Выступивший в темноте отряд вообразил, что наступает противник и, укрывшись опять в церковной ограде, открыл огонь в сторону выстрелов. Только уж на рассвете положение выяснилось окончательно, но боевое задание выполнить запоздали. Разъезд был занят противником, а труп ординарца лежал около изгороди.

Тяжело было в эту пору и с вооружением.

Трехлинейка имелась далеко не у всех. В ходу были и «Гра»[1], и берданы, и даже дробовики. Еще хуже обстояло дело с пулеметами. Их было очень мало, а там, где удавалось раздобыть пулемет, не всегда были пулеметчики. Тот же тов. Антропов рассказывает, как ему пришлось обслуживать пулемет системы «Кольт».

Антропов умел наводить и стрелять. Другой товарищ, Нетунаев, мог разобрать и собрать пулемет. Их двух назначили к пулемету. В качестве обслуживающего прибавили татарина Камиллина. Эта тройка и была первыми пулеметчиками отряда. Один без другого не ходили, не обедали, если голодовать приходилось, то тоже всем вместе. В бою двое устанавливали, наводили и стреляли, а третий подавал. Так и звались в отряде «наша пулеметная тройка». Был у отряда и свой «бронепоезд». Этим громким именем назывался состав из четырех товарных вагонов и пяти площадок. На «бронепоезде» помещалась одна трехдюймовая пушка без прицела и передков. Брони на самом деле никакой не было. На площадках были мешки с песком, а в вагонах земляная прокладка между двойными стенками.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ КОЛЧЕДАНУ

— Муторно это, товарищи, от своих-то мест отступать.

— Еще что скажешь? За сердце берет, как подумаешь, а он: «Муторно отступать». Не знают без тебя?

Красноармеец, начавший разговор, вздохнул, помолчал минуту, неторопливо свернул цигарку, прикурил у ворчливого соседа и тем же тоном продолжал:

---

[1] Устаревшая даже к 1918 году винтовка, названная так по имени конструктора *(ред.)*.

— Что теперь у нас в Катайске делается?

— Заладил. Известно, что: на церквах колокола брякают, а по улицам людей убивают. Тут думать нечего. Как на ладошке видно.

— Кто у них за того попа будет, который звон ночью-то поднял? Которого расстреляли тогда...

— Тебе не все равно, какой водолаз[1] объявится? Осталось их довольно. Из других местностей понавезут. Пожива ведь. Поди, молебны служат день и ночь кулаки-то, которые в живых остались.

— Это ты, Евстигней, зря говоришь. На богомольство они, слова нет, люты, только... ярманку, либо торжок никогда из-за обедни не пропустят. Понимают, когда им молиться. Теперь не до этого. От всех печеней стараются: бедноту, которая осталась, бьют да армию свою ублаготворяют.

— А вы слыхали, товарищи, как они к встрече чужими руками готовятся? — спросил рыжеватый парень в шинели «на двоих таких». Не дожидаясь ответа на свой вопрос, парень стал рассказывать: — В Верхнем Яру это было. Мне из Григорьевского отряда рассказывал один товарищ. Забыл фамилию. Около пулемета он у них.

— Антропов?

— Он и есть. Высокий такой, сухощавый. Так вот, в разведку их Григорьев послал, в Верхний Яр. Человек пять. Пришли и видят — по улице старичонка на лошади едет; лошаденка худая, у самого зипунишко от дедушки, видно, в наследство достался. По всему видать — бедняк. Ходит по подокошкам, говорит там что-то, ему и выносят кто хлеба, кто огурцов, яиц тоже... Подошли, спрашивают:

— Попу, дед, собираешь?

— Нет,— говорит,— на армию. В Далматовом, слышь, добрая армия объявилась, так мне и велели по деревне объехать.

— Кто велел?

— А Трофим Степаныч... Старостой у нас ране-то служил... много годов... Как он у нас всех богаче, шибко самостоятельный мужик, в том вон дому живет.

[1] Распространенное в Зауралье прозвище служителей религиозного культа. См. «Про водолазов» в сб. П. П. Бажов, «Уральские были», Свердловск, 1951.

— Так ведь сброшеиный он. Почему его слушаешь?

— Должок у меия ему. То и слушаю, а то с чего бы поехал. Сын-то у меня опять с красиыми ушел... Вот и разберись тут.

Завериули, коиечио, разведчики лошадь и весь хлеб увезли к иашим. Старик теперь около Григорьевского отряда в обозе.

А этого, который его послал, не могли иайти. Спрятался либо убежал куда.

— Вот и пойми, как кулаки действуют. Сами, небось, в сторонке, а заставляют которых без созиания,— закончил свой рассказ рыжеватый парень.

— Это как придется,— вмешался командир взвода Устюжаиин.— В Никитиной у иас как раз наоборот вышло. Там, зиаешь, председатель Совета Отеческих. Пареиь решительиый. Вот ему поиадобилось куда-то ехать с иачальником дружииы, а лошадей иет. По праздничному дию в поле выгиали. Отеческих и послал к попу, чтобы предоставил лошадь с работииком. Поп говорит, что у него богомолье объявлеио. Отеческих, коиечио, попа тудырастуды. Какое, говорит, иам до этого дело. Подавай лошадь и все! Смотрят,— сам поп подъехал, во всем своем обмуидироваиии, волосы распустил, на козлах сидит кучером и говорит, будто кто его за горло давит: «Пожалуйте, товарищи». Нашим ребятам смешно показалось, что поп в полиой амуииции, одиако сели. Езжай, говорит, батя, иа Бурмиу. Поп и повез, ие говоря худого слова, а дорога мимо церкви. Подъезжают, а там богомольцев порядком собралось, сотии две либо три. Остаиовили... Поп им смириеиько так: «Не приходится, православиые.... Рад бы душой, да вот товарищи велят ехать по государствеиному делу».

— Вот гад!

— А ты думал иет? Наши оружьем пригрозили. Не подействовало... Вытащили богомольцы из коробка и давай мутузить. В каталажку посадили. Потом уж отряд их выручил, а поп тоже сбежал со всей семьей. Успел-таки, холера его задави.

— То и говорю, хитры очеиь. Пустяками заииматься не стаиут, богомольями-то разиыми. Это на другой раз оставят, а сами, небось, иаших захвачеииых мучат да добровольцев выискивают в свою-то армию. Самим иеохота идти, вот и подводят, чтобы другие шли.

— Чокнуть бы их сейчас. С броневика бы,— мечтательно сказал красноармеец, начавший разговор.

— Чокнуть и собираются,— отозвался Устюжанин и пояснил: — Говорил давеча Александр Иваныч, что с Подпориным об этом разговор был.

— Чем сидеть-то тут под заводом. Рабочих вон сколько записалось. Можно и наступление сделать, пока те в силу не вошли. Своих бы высвободили, которые захвачены...

В это время со стороны Каменска показались двое верховых на рысях.

— Кобяков будто,— сказал один из красноармейцев,— с ординарцем.

— Торопятся что-то. Видно, важное дело,— насторожилась рота.

— На Колчедан пойдем, товарищи! — крикнул Кобяков и, обратившись к Устюжанину, добавил: — Приготовь роту! — сам он поспешно ушел в здание станции.

На путях вскоре зашевелились, и через полчаса самодельный блиндированный поезд был готов. Быстро разместилась по вагонам рота. Шли медленно, посылая разведки по деревням вблизи железнодорожной линии. Когда вышли на линию села Колчедан, из леса выбежал человек в шинели и закричал издали:

— Белые там! Едва утек!

В выбежавшем из лесу узнали своего отставшего красноармейца и стали расспрашивать. Толком объяснить о числе белогвардейцев он не смог, и командир роты резко сказал:

— Какой ты Советской власти защитник, ежели глаза на сторону, уши за спину и дерешь по-заячьи, не видишь, не слышишь.

— Не одному же мне против их выходить,— оправдывался красноармеец, но Кобяков оборвал:

— Осмелел, как к своим-то выскочил. Заразговаривал! Брякнуть вот в лоб, чтоб другим неповадно было.

— Дядиньки, тамо стреляют, дядиньки, тамо стреляют!

Это кричала девочка лет семи, которая бежала по дороге к станции. Из расспросов узнали, что это Шура Рогачевских. Она убежала из дому, когда отца и мать увели занявшие Колчедан белые. Белых, по ее словам, много:

Ф. Е. Акулов (второй слева в первом ряду) — один из командиров полка Красных Орлов с сотрудниками штаба.

Командование полка Красных Орлов. Слева направо, в первом ряду: Д. И. Лещев, А. Е. Федоров, Г. Е. Куткин; во втором ряду: Л. В. Василевский, С. Т. Окулов, М. В. Васильев, Ф. Е. Акулов, Судаков.

«Всю улицу запрудили, с ружьями все... И одно ружье на колесках возят».

— Вон видишь, даром что малолеток, больше твоего увидела,— еще раз укорил красноармейца Кобяков.

— Наступать будем,— решил он и, приказав роте расположиться вдоль железнодорожной линии, поехал сам с разведкой к селу Колчедан. Команду передал Устюжанину.

Только что уехал Кобяков, Устюжанину передают с правого фланга: «Около железнодорожного моста появились люди, не подчиняются нашим сигналам». Устюжанин побежал узнать. Видит — вдали несколько человек с винтовками, кричат:

— Кто там?

— Колчеданские коммунисты,— кричат оттуда.

— Что мало? Собирайте остальных и в первый взвод,— крикнул Устюжанин и пошел обратно. Навстречу бежит председатель волостной партийной организации Тагильцев.

— Растерял своих-то,— укорил его Устюжанин.— Как тараканы, расползлись в разные стороны. Нет того, чтобы кучкой отступить. Иди вон туда. Там твои-то. Остальных подождите, а то под нашу пулю могут попасть. Ведь не знаем их.

Тагильцев побежал в указанном направлении, но скоро прибежал обратно, раненный в руку.

— Белые там вовсе. Мост заняли.

Началась стрельба. Командир роты Кобяков, услышав выстрелы, вернулся из разведки и помчался к месту боя с криком «ура».

Красноармейцы едва успели задержать лошадь и стащить с седла своего горячего командира. Перестрелка продолжалась около часа, и белые отступили, потеряв офицера и двух солдат. После занятия железнодорожного моста был занят и Колчедан, но автомашины белых успели уйти.

— Проворонили, куричье племя,— ругался Кобяков.— Пошли бы на ура-то — наши бы были машины.

— Расстреляли бы тебя только и всего,— возражали красноармейцы.

— Хоть бы и расстреляли. Не в этом сила. Машины бы, говорю, наши были, а это теперь дорого стоит. Заскочили бы к белякам подальше, сколько бедноты выручить

можно. За пяток-десяток убитых Советская власть сотни бы бойцов получила. Да и не всякая пуля убивает.

В Колчедане продержались три дня, высылая конные разведки по деревням в направлении к Катайску. Сообщения получали одинаковые: «Неприятель скопляется большими группами». Одна из разведок наткнулась на засаду и потеряла двух убитыми, в том числе председателя Шутинского волостного совета. На четвертый день противник повел наступление большими силами по железнодорожной линии и по тракту. Наступали Второй степной полк и отряд шадринских добровольцев под командой капитана Кнутарева.

Начальник блиндированного поезда, опасаясь взрыва моста в тылу, передвинул поезд от станции, и одна из застав под деревней Камышевкой осталась отрезанной.

Застава, однако, не растерялась и бросилась в атаку на цепь белых. Этот неожиданный удар четырнадцати решительных людей привел в замешательство белых, которые с пулеметом отступили в направлении своих главных сил.

Роте, конечно, невозможно было сдержать натиск полка противника, и она, получив приказ о соединении с первой ротой в селе Травяном, стала готовиться к отходу, стянувшись к блиндированному поезду. Не было лишь командира роты Кобякова.

— Где он?

Помощник командира, зная его пылкий характер, побежал под пулями к Колчедану, где недавно видели Кобякова.

Кобяков действительно оказался там. Стоял на открытом пригорке и по-своему прощался с белогвардейцами.

— Стреляй, свора! Возвратимся мы, возвратимся! Нас не убьешь. Из одного десяток вырастет. А вас мы возьмем к ногтю, сволочей. Помните это!

Таков был командир второй роты Александр Иванович Кобяков, крестьянин-середняк Троицко-Катайского села, унтер-офицер старой царской армии.

Ни стратегом, ни тактиком тов. Кобяков не был, но его исключительная храбрость и преданность делу революции, его острая ненависть к классовому врагу, решительность в действиях вскоре выдвинули его в старший командный состав полка.

После боев под селом Покровским в сентябре 1918 го-

да—он уже командир батальона, в ноябре, после боев под Кушвой,— помощник командира полка, а с 18 июля 1919 года — командир полка (приказ по дивизии № 198).

С Кобяковым полк ходил в Сибирь, с ним отправился и на юг.

Ранения не раз выводили тов. Кобякова из строя, но он опять возвращался в полк.

Смерть от молниеносной холеры, вырвавшая из своего полка только этого, правда, изрешеченного пулями, но все еще железного бойца, казалась невероятной. Среди красноармейцев даже создалась версия об отраве (воспоминания тов. Ковригина, Черноскутова и Сенокосова).

На пути к Александровскому в деревне Мокрой 10 июля 1920 года похоронен тов. Кобяков.

В КАМЕНСКОМ ЗАВОДЕ

«Среди населения Каменского завода идут сильные волнения ввиду расклеенных большевиками плакатов за подписью председателя Совета рабочих депутатов Каменского завода Я. П. Прокопьева. В приказах ясно говорится: «Долой Временное правительство, отдать власть в руки Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Не имея инструкции, как в данном случае поступить, и не желая быть подвергнутым за бездействие под суд, прошу вашего по данному вопросу распоряжения».

Такой любопытный документ начала ноября 1917 года сохранился в бумагах губернского комиссара Временного правительства.

Растерянный начальник милиции Каменского участка просил у своего начальства специальных инструкций... на случай Октябрьской революции.

Этот документ достаточно ясно показывает, что рабочие Каменского завода одними из первых поставили вопрос о власти.

Ведущая роль заводского центра в Камышловском уезде, и в частности в его западной части, была вполне понятна. По сути дела это был наиболее крупный в уезде рабочий центр, из которого шло и революционизирование деревни.

Один из старейших металлургических заводов Урала, Каменск, имеет свою революционную историю, которая

уходит в глубокую даль, когда еще завод был «железинским подворьем Далматовского монастыря». Тогда еще каменские «работные люди» принимали деятельное участие в восстании, известном под именем «дубинщины». Дальше — участие в Пугачевском движении и в «картофельном бунте» XIX столетия. Участие каменских рабочих под руководством РСДРП(б) в революционном движении 1905 года имеет свою историю.

Историческая особенность Каменского завода, который когда-то находился в монастырской кабале, сказалась в известной мере даже во время Октябрьской революции. Поповщина, опираясь на имевшийся в заводе монастырь, пыталась организовать открытое выступление против Советов.

Поводом служило требование возвратить из Совдепа отобранные у церквей метрические книги. Но эта попытка встретила такой отпор со стороны вооруженных рабочих, что больше попам уже не приходилось думать об открытом выступлении. В ответ на избиение толпой работника Совдепа Давыдова отрядом рабочих был открыт огонь по колокольне, на которой производился набатный звон. Организатор избиения поп Карелин был немедленно расстрелян. Было расстреляно вскоре и несколько других попов, принимавших участие в контрреволюционном выступлении.

Другой особенностью Каменского завода была его принадлежность казне и работа на оборону. В силу этого техническо-чиновная группа на заводе была довольно значительна и она пыталась сначала организовать здесь совместную работу большевиков с социал-демократическими интернационалистами в таком составе, при котором группа интернационалистов количественно была больше. Но рабочие завода при помощи старой большевички Долговой сейчас же разобрались, чем это грозит, и твердо стали на позицию большевиков, связавшись с Екатеринбургом. Туда стали платить взносы, туда же ездили на конференции и за инструктажем.

Эсеровская группа в условиях заводского населения не имела большой силы даже в полосу наибольшего подъема эсеровского движения. Кадеты во главе с Нечаевым и Соколовским, а также меньшевики во главе с Коровиным пытались сначала также развернуть широкую работу, но не нашли нужных им кадров. Совместные их уси-

лия направлялись к тому, чтобы всячески запугать несознательных рабочих расслоением деревни и развертыванием классовой борьбы, которые, дескать, только повредят государственному хозяйству.

Кадетский лидер Соколовский в первую полосу революции — до Октября — чуть не каждое свое выступление на общегражданских собраниях начинал неизбежной цитатой из басни Крылова: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет».

— Вот и надо, чтобы не было таких разношерстных товарищей. Если ты идешь с купцами, так с ними и иди, а нам, рабочим, надо особо идти. Вот тогда и не потянем врозь,— кричали ему из рабочих рядов.

К Октябрю в Каменске уже были крепкий партийный коллектив и вооруженные отряды рабочих. Этот коллектив вел работу и в ближайших деревнях, связавшись с деревенской беднотой. Здесь легко использовались и те связи, которые крестьянство этого района имело с заводским предприятием. Многие из деревень работали в заводе, лично знали многих рабочих.

В случаях каких-нибудь осложнений или прямых выступлений деревенского кулачества беднота обращалась за поддержкой в Каменск и оттуда, как правило, направлялся вооруженный отряд, который и разбирал дело, укрепляя Советскую власть в волостях.

С начала дутовского восстания каменские рабочие направили одними из первых свой отряд на фронт. Вскоре после этого для них открылись многочисленные фронты кулацких восстаний гораздо ближе. Чувствовался недостаток вооружения, и бывали случаи, как в Зырянке, что отряд оказывался в этом отношении в очень тяжелом положении. В силу этого каменцы ближе сомкнулись со своим уездным центром — Камышловом, и в тех случаях, когда ожидалось сильное сопротивление, выступали совместно.

Такова была, например, поездка каменцев и деповских рабочих Камышлова на фронт кулацкого восстания за пределами уезда, в Багарякском районе. Тогда этот отряд вынужден был вести настоящий бой с пулеметной стрельбой в деревне Тулята, где местные кулаки обезоружили и арестовали бедноту. После перестрелки отряд пошел в атаку и выбил из деревни казаков, приехавших на поддержку местного кулачья.

Когда в Каменск прибыл формирующийся полк Подпорина, который тогда назывался Крестьянским коммунистическим, рабочие Каменского завода со своей стороны полностью включились в дело организации этого полка.

К четырем ротам, имевшимся тогда в Каменске, присоединилось еще четыре. Кроме того, здесь была проведена мобилизация пяти возрастов, которые были направлены сразу на учебу в глубокий тыл. Все это могло происходить лишь потому, что к организованным уже крестьянским отрядам в заводе присоединились организованные рабочие дружины и твердо повели линию на расширение и укрепление Крестьянского полка.

Вначале предполагалось в Каменске сделать длительную остановку и организовать сопротивление главным образом по направлению на Шадринск. Но сдача Екатеринбурга и угроза захвата узловой станции Богданович поставили командный состав перед необходимостью ускорить эвакуацию Каменска.

НА БОГДАНОВИЧЕ

Военный комиссар Катайской волости, он же этапный комендант, назначен комендантом станции Синарская — Богданович. Пробует отказываться: «Не умею я по железнодорожному делу». Это не действует. «Должен эвакуировать все оборудование Каменского завода. Вот тебе сказ».

С 22 до 28 июля у тов. Истомина К. С. — страда.

Партийная организация Каменска, разумеется, ему помогает, бросив на этот участок все лучшие силы. Разборка машин, станков и оборудования, а также погрузка в вагоны производятся под руководством товарища Цикарева М. А. Военный комиссар Каменской волости в это время проводит мобилизацию трех молодых возрастов. Партийная организация призывает коммунистов и сочувствующих из рабочих завода в ряды войск.

Всю эту массу груза и людей надо как-то увезти в направлении на Егоршино. Туда же надо протолкнуть составы, оставшиеся на путях от Екатеринбурга и от Камышлова. Тут же еще путаются всевозможные подозрительные типы, которые пробираются на этот участок. Двадцать второго был захвачен известный катайский купец, кадет Дураков. Утром на следующий день поймали двух чехов.

Спать не приходится. Некогда, да и нельзя спать по другой причине. Вон Мальцев, помощник коменданта, заснул у телеграфного аппарата и получил сонный пулю в висок.

Как бы то ни было и Синарская, и Богданович были очищены полностью. В ночь на 29 июля уходит последним блиндированный поезд, эвакуируется околоток, и в четыре часа с отрядом Григорьева уходит с Богдановича последний советский состав.

Волвоенком тов. Истомин выполнил свою задачу.

ЕГОРШИНСКАЯ ТОЧКА

В Перми со сдачей эвакуированных из Камышлова ценностей пришлось задержаться.

Даже на такое, казалось, простое дело, как передача изъятых банковских бумаг миллионов на восемь, двухтрех сотен золотой валюты и нескольких ящиков с серебряной и медной монетой потребовалось два дня.

Тогдашний комиссар финансов Урала тов. Сыромолотов настаивал на исключительной тщательности и соблюдении всех формальностей.

— Чтобы никакого повода для разговоров.

Приученные долгими годами работы к «строгому обращению с копеечкой», счетчики контрольной палаты (она тогда еще существовала) пересчитывали медяки, полуистертые марки, переписывали номера и серии всех этих облигаций и займов, которые в простоте уездного понимания чуть не были уничтожены на месте, в Камышлове.

Только через два дня выдали, наконец, тов. Голомолзину И. Т. разбухший на несколько листов акт с полным перечнем и общим выводом о том, что сдача точно совпадает с документами казначейства и отделения Русско-Азиатского, Волжско-Камского и Городского общественного банков.

Восточный фронт в пермских газетах рисовался преувеличенно. Сообщалось о действиях целых армий с нашей стороны. Председатель Камышловского исполкома тов. Васильев, руководивший действиями отрядов, в одной из газет назывался «командующим армиями Восточного фронта».

Преувеличение понятно. На деле, как нам было известно, положение было совсем не такое.

Когда добрались до Алапаевска, там предупредили:

— Держись, ребята, начеку. Каждую минуту под обстрел справа и слева попасть можно.

Ехали в теплушках с земляной засыпкой стенок. Около станции Самоцвет были уж наши части (Липкинского отряда).

Уверенный и спокойный, как всегда, недавний председатель уездного исполкома, а теперь командующий еще не оформившейся частью — не то дивизией, не то бригадой — М. В. Васильев с коротким смешком объяснял:

— В эту сторону — до Боярки (нынешняя станция Талый Ключ), в эту — до Антрацита, сюда — до Режа, а там с уверенностью только до Самоцвета. Круг, между прочим. С радиусом... Честь честью... Хоть вычерчивай... А все-таки их держим. Да вот, гляди, попрем еще.

В центре круга — станция Егоршино. Народу не так-то много. Состав из шести классных вагонов, где размещаются и штаб и снабжение, стоит сегодня у водокачки. Как оказалось потом, место стоянки довольно часто меняется. Зависит это от направления белогвардейских снарядов.

Если близко начнут ложиться, состав перегоняется в противоположный конец — к пакгаузу. Начнут пристреливаться туда — опять к водокачке. Иногда остановка делается и против станционных зданий.

Надо сказать, что стрельба все-таки редка (чаще по утрам) и в большинстве никудышная. За все время егоршинского сидения убиты были вблизи штаба лишь несколько лошадей, контужен ординарец, да раз снаряд воткнулся под стенку вокзального здания, как раз против окна комнаты, где производилось распределение газет для фронта.

По этому поводу красноармейцы шутили:

— Вишь, соскучились по газетам. Посыльного направили. Давай побольше чешских-то. Переправим как-нибудь. Пусть не беспокоятся.

Переправа наших газет к белым при колеблющейся линии фронта между четырьмя основными пунктами проводилась довольно широко. Наши, отступая к какой-нибудь позиции, обычно оставляли пачки газет, в том числе на чешском, латышском и мадьярском языках. И не было случая, чтобы эти газеты находили даже тогда, когда позиция занималась вновь через самый короткий срок.

На Боярском направлении пришлось видеть, как из

внутренних карманов телогреек убитых вынули у одного «Правду», у другого латышскую газету «Борьба»... По внешнему виду оба убитые были типичные русские. Тот, что умер с «Борьбой», по документам значился крестьянином Тюменского уезда. Хранить газету для курева как будто не было смысла, так как у него в кармане оказались полновесный кисет с табаком и пачка курительной бумаги. Красноармейцы даже позавидовали.

— Удобство это с табачком-то воевать! И бумажка — с запасцем.

Случай этот, кстати сказать, послужил толчком к организации своей газеты.

— Надо, между прочим, организовать. Езжай в Алапаевск. Там у нас, между прочим, типография Шаравьевой загнана. Так вот нельзя ли, между прочим, наладить газету... Чтобы, знаешь, близкие места были и тут же общая информация,— оживленно говорил командир дивизии, пересыпая речь своим любимым «между прочим».

Мысль оказалась встречной. Заведующий политотделом дивизии Мумин В. М. в двух американских грузовых вагонах уже разместил типографию, разыскал человек шесть типографских рабочих и добыл целый вагон бумаги.

На предложение ответил обрадованно:

— Вот и хорошо. Приблизим к огню и начнем выпускать. Связь установим. Тут же при редакции будет информационный отдел дивизии.

Так рождалась «Окопная правда», которая стала органом 29-й дивизии.

Выпускать первые номера в Егоршино все-таки не решились. Уж очень ненадежной стала алапаевская рельсовая нитка.

Но Егоршинская точка продолжала держаться, сдерживая бешеный натиск офицерских рот со стороны Ирбита, заграждая путь со стороны Екатеринбурга и даже развивая наступательные действия в сторону Богдановича.

Окончательно оформилась 1-я бригада, когда на Егоршино вышел отряд тов. Жукова, пришли отряды из Тамакуля.

Последние были влиты в 4-й Уральский полк, а отряд Жукова был сформирован как 3-й батальон Крестьянского коммунистического полка, с назначением Жукова командиром этого батальона.

Командный состав полка определился в таком виде: командир полка — Акулов Ф. Е., его помощник — Окулов С. Т., адъютант — Дудин Л. А., командир 1-го батальона — Осколков, 2-го батальона—Ослоповский И. А., 3-го батальона — Жуков В. Д., командир 1-ой роты Григорьев Ф. В., 2-й роты — Кобяков А. И., 3-й роты — Ватагин В. К., 4-й роты—Маслаков, 5-й роты—Полуяхтов А. А., 6-й роты — Маркелов, 7-й роты — Басов, 8-й роты — Прокин, 9-й роты — Маркелов; казначей полка — Лещев Д. И., заведующий оружием — Куткин Т. Е., квартирмейстер — Зуев Иван, командир нестроевой роты — Дубовин Ф.

Бригаду от Подпорина, ехавшего на южный фронт, принял бывший председатель камышловского уездисполкома тов. Васильев М. В.

В бригаду входили тогда Крестьянский коммунистический полк, 4-й Уральский полк, 1-й Камышловский полк, 1-й Горный полк.

Сюда же входили отдельный кавалерийский дивизион под командой товарища Карякина и кавалерийские отряды, сформировавшиеся в районе Кочневской волости.

В распоряжении бригады была одна артиллерийская батарея. Кроме того, имелся один бронепоезд, выведенный с тюменского направления, и самодельный блиндированный поезд, приведенный с шадринского направления.

КРЕПКАЯ ПОЧВА

В районе станции Егоршино держались больше чем полтора месяца(с начала августа по 25 сентября), несмотря на усиленное наседание с трех сторон.

— Почва тут у нас крепкая,— шутил тов. Васильев.

— Это тебе не рамыльские пухлые пашни. Стоять тут твердо, хоть и пахано. Только вот мокренько маленько.

В этой шутке была правильная оценка плацдарма между Егоршино и Богдановичем с классовой стороны. Здесь как раз приходился кусок наиболее обездоленных в земельном отношении волостей Камышловского уезда. Тут, среди болот и лесов, нелегко было добывать хлеб из каменистых и беликовых пригорков. Большинство не только бедняков, но и середняков было связано с каким-нибудь производством. Работали на приисках, добывали

уголь, белую глину, работали на постройке цементного завода, на писчебумажной фабрике.

Словом, было больше связи с рабочими и меньше зависимости от деревенского кулака, чем в других волостях. Такие, например, праздники, как 1 Мая, проводились совместно с рабочими. Егоршинские железнодорожники приезжали в эти деревни. А из Ирбитских Вершин в свою очередь манифестация ходила на копи «Клара и Лара».

Отсюда довольно много поступило добровольцев в полк Красных Орлов.

Чехам и белогвардейцам в районе станции Егоршино приходилось действовать в лучшем случае в нейтральной среде, а это сильно облегчало положение наших частей, гарантируя их от всякого рода вредительства или шпионажа.

Пользуясь этим, наши части, заняв станцию Антрацит (нынешний Алтынай), Ирбитские Вершины и деревню Елкино, начали развертывать наступление на Сухой Лог и Знаменку.

Противник бросал сюда отборные части, но все усилия кончались полным провалом. Сколько военных хитростей ни применяли, пытаясь взять врасплох, оглушить неожиданным ударом, ничего не выходило.

На рассвете, в густых еще не сжатых хлебах, какое-то необычное колыхание, а наш наблюдатель уже сообщает: «Наступают. По хлебу прямо ползут».

— Выдержка, товарищи, выдержка. Без команды не стрелять,— говорит командир роты.— Пусть подползут поближе, тогда уж не зевать.

И когда цепи противника совсем близко, с опушки леса, где залегала рота,— дружный ружейный и пулеметный огонь. Наступающие поспешно отходят, теряя почти половину своего состава. Захвачены пленные.

— Не понравилось,— говорят красноармейцы. А комроты предлагает переменить позицию. Недоумевают: зачем это.

— А вот увидишь,— загадочно отвечает командир и отводит роту шагов на триста в глубь леса.

Белые не заставили себя долго ждать. В ту же ночь повели наступление под прикрытием бронепоезда, который сосредоточил ураганный огонь на том участке, где была раньше наша рота.

— Пусть позабавится, если у него снаряды лишние,— с торжеством говорит командир роты.

Лес обратили в щепу, а продвинуться дальше не смогли.

Другой раз белые пытались подобраться ночью по лесной поскотине. Чтобы отвлечь внимание, подходили с боталами, с какими обычно отпускают лошадей в ночную пастьбу.

Чуткий слух красноармейца-крестьянина уловил в этом привычном для него звуке какую-то особенность. Вовремя насторожились, и опять белые понесли немалый урон. Зато с нашей стороны даже «кухня воевала».

На рассвете как-то, когда еще глаз плохо различает предметы, повара по оплошке отпустили лошадей и походную кухню. Лошади, испугавшись какого-то неожиданного выстрела, бросились от позиций через поскотину, прямо к тому месту, где была неприятельская застава с пулеметом.

Командир полка Акулов кричит:

— Гони, ребята, поворачивай лошадей обратно, а то без каши останетесь.

Желающих, однако, нет. Все знают, что место находится под обстрелом противника.

Видя колебание, командир сам садится на лошадь и бросает на ходу:

— Разведчики, тоже! Таким разведчикам только знаешь где разведывать? — и поясняет так, что остальные красноармейцы хохочут. Когда командир поскакал за кухней, вслед за ним бросилась сконфуженная команда разведчиков. Доскакали вплоть до того места, где была застава белых, и поворотили лошадей.

Оказалось, что застава, приняв, очевидно, кухню за батарею, без выстрела бросила свои позиции и утекла.

«ШАНГО КОНТРАМИ»

Из лесу со стороны Ирбитских Вершин показались два человека. Какой-то своей особенностью они сразу привлекли внимание всего взвода, расположившегося по линии, пересекавшей дорогу на Рудянку. Рота была в резерве, скучала, прислушиваясь к редкой перестрелке. Появление неизвестных людей было развлечением, и сейчас же начался разговор.

— Кто это? Видать, не мужики... Ишь, гоголем идут, ровно скользят...

— Да, легко идут... Не по-крестьянски...

— И не по-солдатски тоже...

— Сроду не угадаешь, по-каковски они ходят,— откликнулся один из ирбитсковершинских красноармейцев,— хоть год думай, ничего не выйдет. А я знаю...

— Ну, хлопай, если ты такой грамотный...

— Мне хлопать нечего, когда я с ними на копях вместе робил. Китайцы это.

— Китайцы... Зачем они сюда прутся?

— Вот подойдут, так спросишь. Они мало-мало по-нашему маракуют. Обрусели уж. Одного-то зовут Вася Милюков, а другого Миша Гучков. Для смеху им эти фамилии дали.

— Нашли над чем смеяться,— укоризненно заметил командир взвода.— Может, они хорошие рабочие, а им самые буржуйские клички дали.

— Рабочие как рабочие,— ничего, а только китайцы они...

— Ну и что?

— Не нашей нации...

— Вот и поговори с дураком,— возмутился командир взвода.— За мировую революцию воевать пошел, а сам этакое говорит...

— Да я ведь ничего худого про них, — оправдывался сконфуженный красноармеец.

— Как это не говорил, коли ты свою нацию сверху поставил. Какой ты после этого коммунар? Если бы мы все так думали, то знаешь, куда бы мы ушли?

Пока продолжалась эта своеобразная политбеседа о великодержавном шовинизме, китайцы подошли.

Вблизи это оказались рослые худощавые, длинноногие и длиннорукие люди. Оба приветливо улыбались, у обоих за плечами было по небольшому узелку.

— Куда направились? — спросил командир взвода и сейчас же предупредил.— Дальше нельзя. Не пустим, стрелять будем.

— Кыласыная Алмия,— ответил один из китайцев на своем ломаном языке.

— К нам, что ли? В Красную Армию? — удивился командир взвода.

— Та-та-та,— быстро ответил китаец, и оба усердно

закачали головами, показывая в улыбке желтые от табака зубы.

— Не знаю, ребята, как вам сказать,— смущенно ответил командир.

— Других учишь, а сам не знаешь,— укорил командира красноармеец, который только что получил дурака за шовинизм.— Говорю же тебе,— рабочие. О чем думать? Принимай да и все.

— Не про то я. А что они знают?

— Спроси.

— Ружье умеешь? Стрелять ружье умеешь? — начал коверкать язык командир взвода, думая, что так понятнее.

Китайцы опять закивали головами, и оба показали, как стреляют с колена.

— Видать, бывало дело,— заключил один из красноармейцев.— Воевал ходя.

— Ходя ни... тьфу ходя,— сплюнул спрошенный, потом с силой ударил себя в грудь.— Китайса... лабоча...

— Не любят, как их ходями зовут. Вроде ругани считают,— пояснил ирбитсковершинский.

Из дальнейших разговоров на таком языке, где больше объяснялись жестами, узнали, что оба воевали в Китае, бежали оттуда, три года работают в угольных копях «Клара и Лара». Один женат, имеет детей. Оставил семью, пришел бить буржуев. Не поняли только о «машинке шанго контрами», несмотря на самую усиленную жестикуляцию китайцев, несмотря даже на то, что они ложились и приседали.

— Не понимаю,— категорически объявил командир взвода.— Вот тов. Сенокосову потом объясните. Он у нас командир роты. Берет из всяких языков людей, лишь бы подходили, классу чтобы пролетарского.

Последние слова оказались хорошо известны пришедшим, и они оба повторили, указывая на себя:

— Плолеталя!

— Ну, вот и договорились. Пролетаря, так, значит, дадим винтовку и будем буржуев бить.

Вечером комроты Сенокосов долго расспрашивал китайцев и, наконец, понял, что «машинка шанго контрами» означает пулемет.

— Пулеметом умеете? Вот и ладно,— закончил комроты.— Только к этой машинке сразу не ставим. Посмотрим сперва.

С этой поры в 6-й роте полка Красных Орлов стали бойцами первые два китайца-рабочих. Держались оии плотиой парой и в первых же боях показали себя стойкими и храбрыми людьми. Порой иа иих даже кричали: «Ложись, зря убьют». А китайцы, пристроив виитовку иа сук дерева у опушки, с неизменной улыбкой отвечали: «Шаиго».

Пулеметчик роты выбыл из строя, Сенокосов уж без колебаиия передал «машинку шанго коитрами» китайцам. В выдержке и хладнокровии этих бойцов к тому времени ои уже убедился и ие ошибся в выборе.

Китаец Вася, как его звали в роте, оказался не только стойким и храбрым, ио и умелым пулеметчиком. Ои, как выясиилось из расспросов, учился в Мукденской военной школе и хорошо разбирался во всех системах пулеметов.

В 6-й роте он работал иа «Кольте».

В боях под Ирбитскими Вершииами роте пришлось отступать по открытому месту. Наступлеиие противника сдерживал пулемет, и вот он замолк.

— Коичал Вася,— заключили в роте.— Погиб.

Через несколько миiут пулемет опять зататакал.

— Жив еще,— прислушивались красиоармейцы.

Опять смолк, и опять очередь. Как будто поближе уже слышио.

— Вытаскивают, видио. Ну только ие уйти. Пропали головы, и пулемет с иими.

В это время из-за кустов, иа середиие широкой поляиы, показалось что-то вроде большой черепахи.

— Смотри, товарищи, что делают! — закричал кто-то из дальнозорких.— Вытащили ведь пулемет! Молодцы! Ура!

— Подожди еще. Поддержать надо,— сказал командир и распорядился открыть огонь по иаступающим цепям противника.

Задержалась и «черепаха», выпуская очередь. Потом опять поползла к своим.

Теперь уже всем было видио, что пулемет был иа спиие одиого из пулеметчиков, который пятился иа карачках, другой тоже пятился перед иим. По временам оии останавливались и посылали очередь.

Таковы были два первых бойца-китайца в полку Красиых Орлов. Дальше по пути отступлеиия число китайцев-

рабочих в войсках значительно увеличилось. Из них сначала была сформирована отдельная рота, а потом китайский батальон.

Не все из них так хорошо и сразу умели владеть оружием, но никто не мог пожаловаться на недостаток стойкости и беззаветного мужества в китайских частях.

Недаром колчаковские газеты распускали о них столько злобной клеветы.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Разговоры о том, что во второй бригаде Чернобородова под Режевским заводом положение ненадежное, велись давно.

Брошенная туда рота из добровольцев Квашнинской и Кочевской волостей, Камышловского уезда, не раз сообщала: «Шибко плохо с мобилизованными. Рассупонились совсем. Того и гляди с фронта побегут».

Командированный туда как политработник, тов. Сысков рисовал не менее мрачную картину. По его словам выходило, что из всей бригады надежными были рота петроградских рабочих, кочневско-квашнинская рота добровольцев, китайская рота и алапаевский батальон, составленный из рабочих Алапаевского завода. Но батальон был численно незначителен.

Основной боевой единицей Режевского участка был Волынский полк. Этот хорошо известный в истории революции полк, вписавший потом немало славных боевых страниц в историю борьбы за Урал, был тогда только что укомплектован мобилизацией по Покровской и Режевской волостям. Мобилизация проводилась, как видно, без достаточно классовой бдительности, и в полк проникло немало кулацкого элемента.

Кадровики Волынского полка оказались буквально в полном окружении мобилизованных и не смогли быстро обработать эту крестьянскую массу, находившуюся частично под влиянием пришедших в полк кулаков. Между тем кулаки, действуя в своих волостях, имели постоянную поддержку со стороны кулацкого элемента этих волостей. Начались разговоры «родных и знакомых».

— Хлебушко-то осыпается, а вы по окопам сидеть будете!

— За что хоть воюют-то? Кому надо? Не надоело?

— Чем зимой жить-то будем?

Командный и политический состав полка Красных Орлов. Слева направо, в первом ряду: Ф. Е. Акулов, Ф. В. Григорьев; во втором ряду: С. Т. Окулов, И. А. Ослоповский, Пашкевич, А. А. Юдин, Судаков, А. А. Полуяхтов; в третьем ряду: Баженов, Григорьев, А. И. Кобяков, Реутов, Телегин, Н. И. Сенокосов, (неизвестный); Стафеев, Турыгин, Маркелов.

Знамя, которым ВЦИК наградил полк Красных Орлов за отличие в боях на Тагило-Кушвинском направлении.

Ф. Е. Акулов — один из командиров полка Красных Орлов.

Под влиянием этой кулацкой агитации извне и внутри полка мобилизованные стали быстро разлагаться. Этому, безусловно, содействовало и то, что как раз здесь, на территории Покровской и Режевской волостей, были расположены несколько наиболее зажиточных сел бывшего Ирбитского уезда. Кулак там имел гораздо больше влияния на середняцкие слои деревни, чем в промысловых деревнях под Егоршино.

В результате и получился прорыв. Большинство мобилизованных пошло за кулаками. Врасплох окружили верные Советской власти части и разоружили их, а сопротивлявшихся убили. Только двум ротам Волынского полка, где кадровики имели определенное влияние, удалось выбраться целиком из кольца восставших мобилизованных. Остальные кадровики-волынцы выбирались уже поодиночке. Сумели также выйти кочневцы и квашнинцы.

Фронт на протяжении восемнадцати километров был открыт, а сами мобилизованные были направлены белогвардейцами в наступление на Покровское и Егоршино.

Это был очень тяжелый удар, который по существу опрокидывал весь план нашего наступления и развертывания диверсионных действий по магистрали, соединявшей чехов с Сибирью.

Необходимо было принять срочные меры по ликвидации этого прорыва. Эти срочные меры и были выполнены двумя ротами Крестьянского полка под прикрытием бронепоезда. Но это было лишь временной задержкой, которая не могла предупредить полной перегруппировки линии фронта.

Борису Швельнису и Филиппу Акулову в связи с их резким выступлением против командования дивизии и особенно военкома был сделан выговор. Но в то же время было отмечено, что только благодаря их распорядительности, мужеству и беззаветной храбрости удалось своевременно ликвидировать прорыв на восемнадцати километрах и вывести части более или менее благополучно к Алапаевску.

СИНЯЧИХА—АЛАПАЕВСК

9 сентября 7-й ротой Крестьянского полка под командой тов. Басова начато было наступление в сторону Ирбита, в обход противника под Ирбитским заводом. Наступление развивалось очень успешно. С боями были за-

няты деревни Костромина, Лебедкина, Антоновская. В последней захватили 60 шестидюймовых снарядов, 4 ящика ручных гранат, кольтовский пулемет, винтовки, патроны. Здесь же захватили немало продовольствия, нужда в котором тогда уже очень остро ощущалась в наших частях.

На следующий день выдвинулись на рубеж деревни Неустроево — села Осинцево, здесь задержались на двое суток.

После сдачи мобилизованных под Режевским заводом 7-я рота была поставлена в крайне тяжелое положение. Пришлось с боем отступать обратно к станции Егоршино. Оттуда 21 сентября рота была направлена уже на защиту подступов к Алапаевску с северной стороны.

Для характеристики боевой обстановки того времени приводим рассказ пулеметчика 7-й роты тов. Берсенева З.

«Вечером подошли к Нижней Синячихе и окопались с западной стороны, не зная, есть или нет в селе противник.

Стали выяснять на следующий день. Пошел командир роты тов. Басов и с ним двое красноармейцев: Серебренников и один из интернационального батальона (фамилия его неизвестна).

Вошли в село и направились для разведки в разные стороны.

Красноармеец Серебренников набрел на дремавшего часового-белогвардейца и почему-то не просто приколол его штыком, а схватился врукопашную. Одолел, но потерял кончик уха, который ему белогвардеец откусил.

Интернационалиста постигла неудача. Его окружили, подстрелили, а потом раненого изрубили на куски.

Командир роты между тем спокойно дошел до центра села, но здесь его тоже окружили белые.

Делая вид, что это его ничуть не удивило, товарищ Басов сказал:

— Я ротный командир Крестьянского полка. Пришел договориться о сдаче своей роты. Надоело воевать, да и видим все, что с вами не сладить.

Басова, разумеется, сейчас же обезоружили, но выдумку о сдаче роты приняли за правду и направили с ним человек сорок, чтобы принять роту.

Утро было еще раннее. Большинство красноармейцев спали. Только у пулемета, установленного в сторону Си-

нячихи, дежурил первый номер. Заметив вдали какую-то толпу, он разбудил красноармейцев. Только положение выяснить все-таки не могли. Отчетливо стало видно, что идет человек сорок с винтовками, а впереди них командир роты тов. Басов.

Красноармейцы раздумывают вслух: «Кого это он подцепил? Наши, видно, в Синячихе».

Когда толпа была уже шагах в пятидесяти, Басов вдруг бросается вперед, прямо на пулемет, и кричит:

— Пулемет, огонь! Открывай огонь!

Первый номер начинает работать, но неудачно. После четырех выстрелов задержка. Басов уже кричит вне себя.

— Пулемет, огонь! Рота, огонь. Убью сволочей-пулеметчиков!

Наша растерянность помогла белым убежать без большого урона, а через час они, зная расположение нашей части, повели наступление так, что пришлось отступать в лес по направлению к Алапаевску.

Когда уже были на новых позициях, пришли 8-я, 9-я роты и весь батальон был введен в бой.

С поддержкой двух трехдюймовых повели под проливным дождем наступление на Синячиху. Бой был сильный, и к вечеру выбили белых, загнали в реку около моста. Раненых и убитых со стороны белых было немало, но и у нас потери были тяжелые. Командир роты тов. Басов, так удачно выведший 40 белогвардейцев, был тоже убит.

Задержаться в Синячихе, однако, не удалось. Переночевали и отступили к Алапаевску, так как тогда происходила перегруппировка частей, и уже два полка бригады были переброшены в Тагил».

СМЕРТЬ ЖУКОВА

В боях под Алапаевским заводом осколком снаряда был ранен командир батальона тов. Жуков В. Д.

Бой продолжался уже около семи часов. Весть о ранении Жукова быстро прошла по окопам, и это подействовало угнетающе.

У пулемета разговор:

— Ты бы, Агафонов, сходил — узнал, как там... Насмерть убило или только ранило?

Агафонов направляется в ту сторону, где был любимый батальоном командир. Возвращается довольно скоро.

— Хорошего мало. Перевязали его, только навряд ли выживет. Уж очень здорово стукнуло. Без памяти лежит,— и тут же утешает: — Не время горевать! Вон новый командир идет.

Вдоль линии, не сгибаясь под пулями, идет новый комбат Григорьев. Это подбодряет стрелков, и они говорят:

— Боевой парень. С этим тоже можно воевать.

И тут же снова говорят о Жукове.

Жуков Василий Данилович — слесарь Камышловского депо. С начала Февральской революции он работал не покладая рук: разоружал и «садил» царскую полицию, работал в Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С первых же дней революции стал членом РСДРП(б), был членом думской фракции РСДРП(б) [1], некоторое время был военным комиссаром.

Основная же работа Жукова была по формированию красногвардейских отрядов. С этими отрядами потом он ездил по уезду, как и Подпорин, на подавление кулацких восстаний.

Последний его выезд из Камышлова был двенадцатого июля на подавление восстаний в Белой Елани и на защиту мостов и сооружений от наступавших со стороны Тюмени чехов. Отряд имел в своем распоряжении четыре пулемета системы «Максим», один «Кольт» и один «Льюис».

В Белой Елани тогда орудовал генерал Киселев, разогнавший Совет. Тов. Жуков со своим отрядом ликвидировал восстание кулаков в Белой Елани, но возвратиться в Камышлов по железной дороге уже не мог, так как к этому времени город был занят чехами. От Талицкого завода Жукову пришлось отступать в направлении на Егоршино деревнями.

В своем обращении с крестьянами Жуков был крайне прост. Не растекался в словах, не обольщал широкими перспективами, а только рассказывал.

Его простой, серьезный разговор хорошо доходил не только до крестьянина-бедняка, но захватывал и середняка.

По пути отступления жуковский отряд настолько пополнился за счет крестьянства деревень и селений, что пришел в Егоршино уже в виде целого батальона.

[1] Камышловской городской думы.

Не имея военной подготовки, товарищ Жуков как-то сразу сумел войти в курс военной жизни и сделаться одиим из лучших комаидиров.

Секрет этого, вероятией всего, иадо искать в его необыкиовениой классовой чуткости. Еще в то время, когда он ие состоял в партии, у него имелись все основные черты большевика.

Ои как-то чутьем поимал интересы своего класса. Ненависть к классовому врагу у него была глубокой, сильиой и действеииой, ио «без размена на медяки». Он умел выделить главное, не путаясь в мелочах.

Эти черты его характера и создали ему то положение, что почти все, вспомииающие о полке Красных Орлов, неизмеиио говорят о командире 3-го батальоиа, товарище Жукове.

Росту этого сильиого человека мешала его малограмотность. Ои иеиавидел ее почти как классового врага и решил во что бы то ни стало победить свою неграмотиость, победить теперь же, не откладывая дела в долгий ящик.

До революции он читал такие киижки, которые, как потом устаиовил, были только тратой времени, оии не давали иастоящего. Поэтому теперь Жуков хотел читать только «самих» — Леииа, Маркса, Эигельса. Даже в тяжелой фроитовой обстаиовке его можио было видеть склоиившимся над сереңькой книжкой «Империализм как последний этап капитализма».

— Трудно,— жалуется Жуков,— ио я все-таки пойму. Десять раз прочитаю, а добьюсь, добьюсь своего!

С этой киижкой в кармаие ои и был ранен смертельно.

Похороиили его в Бисере.

Когда отступили, белогвардейцы вырыли труп, издевались, насколько хватило погаиой фантазии.

САН-ДОНАТО

Северо-восточиая Уральская железиая дорога через стаицию Сан-Доиато, километрах в восьми от Тагила, имеет выход иа Горнозаводскую лиииию, по которой расположеиы заводы Нижиий Тагил, Лая, Баранча, Кушва и другие.

Противиик развивал здесь усиленные действия и уже оттесиил заиимавшие это направлеиие части к Тагилу.

Создалась угроза остаться отрезанной всей 1-й бригаде со всеми ее грузами и подвижным составом дороги.

Чтобы выправить положение, были сняты из 1-й бригады два полка и переброшены к Тагилу. Крестьянский коммунистический полк, оставшийся один в районе северо-восточной дороги, вел усиленные бои в разных направлениях по существу лишь для того, чтобы прикрыть переброску остальных полков. В то же время полк старался протолкнуть продовольственные и другие грузы на Горнозаводскую линию.

Здесь, в районе от Алапаевска до Сан-Донато, полк получил второе рабочее пополнение. На станции Ясашная влился в него отряд тов. Павлова из рабочих Алапаевского завода.

Бедняцкой крестьянской молодежи в полку было много, но организованной группой рабочая молодежь влилась только здесь. С павловским отрядом вступили также члены алапаевского отряда Социалистического союза рабочей молодежи. Эта группа при всей своей военной неподготовленности принесла струю молодежной отваги, пылкого энтузиазма и некоторых организационных навыков, которые помогли потом усилить и укрепить политико-просветительную работу среди остальной молодежи.

Героический путь этой рабочей молодежи, влившейся на пополнение сильно поредевшего после боев под Алапаевском и Синячихой 3-го батальона, заслуживает специального исследования.

Усвоив боевые навыки и стойкость закаленных боями фронтовиков-большевиков, рабочая молодежь не только боролась плечом к плечу с этими бойцами, но быстро росла, выходила в командный и политический состав. Вместе с 29-й дивизией рабочая молодежь прошла весь ее славный исторический путь. В рядах второй бригады била Деникина, дралась под Варшавой, с первой бригадой брала Перекоп.

Смертью храбрых пали на фронте одни из первых организаторов алапаевского отряда рабочей молодежи: Петр Левин, Кабаков, Щекотов, Гаврилов, Есин и другие. Командир отделения Иван Булычев настолько подорвал свои силы, что умер вскоре после возвращения в Алапаевск. Та же участь постигла Сергея Никонова.

Переброшенные полки Камышловский и 4-й Уральский вначале имели серьезный успех. Штыковой атакой

двадцать второго сентября они опрокинули противника, захватили бронепоезд, подбили другой и отбросили противника почти на двадцать верст от Тагила, захватив немало пулеметов и военного снаряжения.

Председатель ВЦИК тов. Свердлов, отмечая значение этой победы, послал в адрес сражавшихся под Тагилом частей специальную телеграмму.

Однако закрепить и развить эту победу нашим частям на тагильском направлении не удалось.

Сказался разрыв между высокими качествами преданных революции бойцов и очень низким уровнем их военно-стратегических навыков. Начальник боевого участка, расположив свои части, меньше всего обратил внимания на основной участок — станцию Сан-Донато, которая охранялась лишь численно ничтожным отрядом железнодорожной охраны. Противник воспользовался этой оплошностью и в ночь на четвертое октября захватил Сан-Донато обходным движением.

Дальше сказался второй недостаток не изжитой еще партизанщины — действия вразброд. Полки стали передвигаться, как им вздумается, и Горный полк, которому было поручено вести наступление на Сан-Донато, не смог выполнить приказ. Создалось очень тяжелое положение для 4-го Уральского полка, остатки которого едва смогли выбраться вдоль тракта Нижняя Лая — Кушва.

С захватом Сан-Донато Крестьянский полк оказался отрезанным. Противник сосредоточил на станции Сан-Донато большой кулак и выдвинул на северо-восточную ветку бронепоезд.

Положение отрезанного полка усложнялось еще тем, что он совершенно не имел сведений, где находятся наши части.

Дерзкая попытка комбата Григорьева выскочить на дрезине в расположение белых и захватить там «языка» не удалась. Не удались и попытки разведчиков незаметно подобраться к заставам противника.

Что делать?

Решили все-таки прощупать хорошенько, насколько крепко защищена противником захваченная станция.

Командир полка Акулов дал распоряжение тов. Кобякову:

— Ты, Александр Иванович, займи эту самую Сан-Донату и бузуй там, пока мы от Салки все составы не

вытащим, а Ослоповский со вторым батальоном будет по дороге на Тагил наступать, чтобы беляков с толку сбить.

Но и эта попытка оказалась безуспешной. Бронеплощадка 1-го батальона, встреченная артиллерийским огнем, не смогла заскочить даже на ближайший от Салки железнодорожный разъезд. Демонстрация по тагильской дороге вызвала лишь большой урон в китайской роте и показала, что противник сильно укрепился в этом направлении.

Оставалось одно — лесами отступать на Кушву, где предполагался штаб дивизии. Предварительно надо было уничтожить подвижной состав дороги и то имущество, которое невозможно было вывезти.

Тот же этапный комендант Истомин, который вырывал из рук у чехов составы и гнал их с Богдановича на северо-восточную дорогу, теперь с двумя подрывниками поехал готовить могилу для паровозов и вагонов. Подобравшись чуть не к самой заставе противника, подрывники заложили динамит под середину трубы моста через речку Черную. Минут через пятнадцать работы мост был взорван, и в этот провал с разгону стали направлять с Салки паровозы с составами.

Грохот, огонь и обломки, надолго задержавшие движение белогвардейцев по линии железной дороги на Салку—Алапаевск,— вот все, что осталось от подвижного состава.

РЕЗЕРВ МУЖЕСТВА

В приказе по армии от 22 октября Крестьянский полк назван последним резервом дивизии. Это, конечно, название условное для полка, который без передышки был уже четыре месяца в боях. Бойцы не только оборвались, обросли, месяцами не бывали в бане, но и по целым неделям не раздевались.

Товарищ Ослоповский (тогда еще комбат) в своих воспоминаниях рассказывает, как он однажды явился в Егоршино в штаб бригады с предложением одной военной операции. Тов. Васильев, взглянув на комбата, сказал: «Если твой батальон так же устал, как ты, то лучше не затевать», и направил Ослоповского в санитарный вагон выспаться. Попутно приказал к вечеру сшить ему новые сапоги. Когда в «санитарке» Ослоповский стал снимать свои сапоги, то оказалось, что они совсем сгнили

на ногах: головки оторвались от иструхших голенищ. Проведенный в постели отдых был столь необычным, что комбат, проснувшись поздно вечером, даже стал себя проверять: не ранен ли?

Таково было действительное положение полка, но все же он был неистощимым резервом мужества, стойкости и преданности Советской власти.

Все эти качества, много раз доказанные, с особой выпуклостью выступили, когда полку пришлось отступать от Салки.

Густой дремучий лес, и полная неизвестность впереди.

Старик-проводник обещает дня через 3—4 вывести лесными тропами к Кушве.

— А может быть, и она занята белыми? — бросает кто-то робкий вопрос.

— Все-таки туда будем правиться,— отзываются на это замечание и поясняют: — Не может быть, чтоб большой завод сразу им сдался. Под Кушвой где-нибудь беляки сидят. Еще зубы там обломают.

— Мы вот выйдем, тоже пособим. Лишь бы боеприпасы вывезти все.

— Не оставлять же станем. В первую очередь вытащим. Лошади есть.

— А вон видишь, на лошадях-то что,— показывает красноармеец на какую-то подводу салкинского железнодорожника, загруженную домашним скарбом.

— Непорядок это. Мы это прекратим сейчас,— живо откликается один из красноармейцев и кричит женщине, шагающей рядом с телегой: — Тетушка, ты это сбрось. Свое-то. Под другое лошадь пригодится. Живы будем,— наживешь и подушки, и кадушки, а теперь ни к чему они. Снаряды повезем, либо под орудию подпряжем твою лошадку. Дельнее так-то будет.

Женщине жаль расстаться со своими пожитками, и она пытается уговорить красноармейцев.

— Ребятишки у меня. Того-сего больше требуется. Нельзя же им без окутки в лесу спать.

— Верно это, тетка, только лошадка твоя все-таки под другое нужна,— отвечает красноармеец и советует: — Ты возьми ребятам-то сколько унести сможешь, а остатки сбрось. Ну, одень их потеплее.

— Как это сбрось,— возмущается женщина.— Так белякам вот и оставить?

— Зачем оставлять? Сжечь можно. Нехитрое это дело.

Вскоре около воза — толпа женщин и мужчин из отступающих с полком салкинцев.

Сначала спор, уговоры, женские слезы, но потом дружное решение:

— Кому жаль со своим барахлом расставаться, тот пусть тут и сидит, белых дожидается, а мы пойдем.

И собирающиеся в путь с остервенением начинают уничтожать свое имущество.

Все лошади поступают под военные грузы. В числе их не только патроны и снаряды, но и орудия. В том числе две шестидюймовки.

Красноармейцы до отказа нагружены патронами, но все же еще много приходится уничтожать их на станции.

Каждый взрыв болью отзывается в сердце отступающих.

Добывали, голов не жалели, а теперь взрывать.

Дорога невозможная. Верней, ее совсем нет. Сразу запарившиеся лошаденки едва вытаскивают артиллерию. С первого же километра становится ясным — не довезут. Но подпрягаются люди, и артиллерия кое-как тащится по лесным трущобам и болотам.

В размытой длительным ненастьем глине взгорий пудовыми становятся ноги. Выше колен уходят они потом в холодную болотную воду, но тащится военный груз. С криком, с матерком по адресу белых гадов, богородицы и всех святых идет артиллерия. Напряженно строги лица у среднего возрастного состава, но молодежь и тут шутит.

Какой-то алапаевский комсомолец, с трудом выворачивая ноги из размятой глины, девичьим голосом распевает:

Я калошн нзносила
Пятый номер «Проводник».

И указывает на свои густо облепленные глиной сапоги. Шутка так неожиданна, что ближайшие смеются.

— Верно! Как раз на женскую ногу! Хо-хо-хо-хо!

Парень, поощренный смехом, «собирошничает» дальше:

Из болота на угор,
А с угора в топи
Мужнкн тащат коней,
Кони — батарен.

Так и было. Людям приходилось вместе с военными грузами тащить и совсем измотанных лошаденок.

Временами, когда выбившаяся из сил лошадь начинала уже качаться, несмотря на усиленную помощь людей, вставал вопрос: что сбросить? Искали лишнего, но такого не находили и начинали разгружать по рукам.

— Эй, ты, певун! — кричали комсомольцу.— Возьми снарядиков парочку. Леском-то за милую душу дотащишь в своих калошах.

Снаряды несут и члены семей отступающих с полком салкинских рабочих.

Кто-то предлагает сбросить ящик с варежками, но на него обрушиваются со всех сторон.

— Получил сам две пары! О других ему и заботушки нет! А время-то какое? Зима скоро. Варежки теперь — первый военный груз, а он — сбросить надо!

Чтобы перетащить батарею через болото, наспех устраивали стлани из жердняка; через маленькие речушки набрасывали мосты. Все это делалось головным батальоном.

— К Кушве все саперами станем,— говорили по этому случаю красноармейцы.

— Саперами — не саперами, а лес валить натореем.

— Не рубливал, что ли?

— Такого не рубливал. У нас под Катайском мутовник больше. Замахнешься, а ударить и не по чему. Не то, что здесь.

— Да, тут лесное место. Будто и заводов близко нет. Вроде тавдинских боров,— одобрительно говорит пожилой красноармеец из деревни Елкиной и начинает рассказывать, как ему до германской войны каждую зиму приходилось работать на тавдинских подрядчиков, плоты готовить.

— Плоты, значит, умеешь плотить? — спросил подъехавший в это время комбат и закричал роте: — Товарищи! Кто на сплаве работал, выходи. Через Тагил батарею на плотах придется.

В роте нашлось человек десять, которые, бросив работу по настилу мостика, быстро ушли вперед.

Тагил — неширокая, но довольно глубокая речка. От длительного ненастья она сильно поднялась, а бродов нигде не находили. Настлать упрощенный мост тоже было нельзя, и вопрос о переправе через Тагил орудий сильно беспокоил головной батальон.

Привал решили сделать до переправы.

Необычную картину представлял полк на этой свежепрорубленной дороге в лесной глуши.

Измученные тяжелым переходом красноармейцы располагались по пригоркам и, отдышавшись немного, запаливали костры, чтобы обсушиться. Мясо на этот раз было, так как пришлось приколоть несколько безнадежно обессилевших лошадей.

— Ешь мяско-то, не жалуйся, что за лошадь отвечать приходится,— шутит заросший до самых глаз дядя и хитро прищуривается в сторону молодежи, усердно работающей ложками.

Тем это кажется почему-то обидным, и вспыхивает одна из тех перебранок, какие бывают лишь среди сильно изнервничавшихся людей. На шум подходит Федоров и начинает обычным своим полувопросом:

— Не дошло, говоришь, до драки? А может дойти. Очень просто, если так без толку перекоряться будете.

— Да ведь вот он,— жалуется молодежь.

— А что я?

Когда начинают распутывать клубок, то, оказывается, в середине ничего нет, кроме безобидной шутки.

У другого костра Залман Лобков, хрупкий, маленький, рассказывает окружающим его красноармейцам о годах, проведенных им в Тобольской каторжной тюрьме.

Говорит негромко, не делает никаких выводов, просто рассказывает, но слушатели ловят каждое слово своего любимого «полкового агитатора». Выводы делают сами.

— За одну принадлежность к партии уконопатили на девять лет... А? Понимали гады, в чем штука. Заранее раскусили.

— Хитры ведь.

— И все-таки мы их к ногтю возьмем.

— Ясно дело, возьмем. Сколь ни хорохорятся, тут будут,— и красноармеец сделал выразительный знак пальцами.

Веселый парень Суханкин в своей роте действует гармошкой и балагурством.

Борис Мендельсон и неразлучный с ним петроградский рабочий Абрамов заводят хоровую песню.

Усталость, однако, берет свое. Около костров уж начинают похрапывать «скороспелики на сон». Рядом с ними

сваливаются другие и, тесно прижавшись один к другому, засыпают. Спит лагерь, чтобы завтра с утра продолжать свой поход в неизвестность.

В лесной тишине слышится лишь всхрапывание пасущихся лошадей.

Только командному и политическому составу нет даже этой короткой передышки. Они проверяют выставленные заставы, секреты. Не спят и плотовщики, готовя при свете костров на берегу Тагила плоты, чтобы завтра не вышло задержки с переправой военного имущества.

— Надежно ли, ребята? — спрашивает комбат Кобяков.

— Да кто его знает,— откровенно сознаются плотовщики,— не бывало у рук-то, не переваживали пушек.

С утра плоты-паромы работали, и переправа военных грузов была довольно успешной. С батареей, однако, вышла неудача. Две пушки затонули, и бревенчатый помост плота под ними лишь мешал вытянуть их с помощью веревок. Полезли в воду разбирать плот и подкладывать катки. Эту ванну октябрьской температуры берет вместе с красноармейцами и командир полка Акулов. В результате всех этих усилий пушки были вытянуты и потащились дальше.

Через три дня этой дорожной му́ки стали подходить к Кушве. Выяснилось, что там наши части и штаб дивизии. По рядам истомленных бойцов пронеслось веселое слово — отдых. Он уже давно был обещан полку, и Кушва была назначена местом отдыха.

Бойцы даже знали, что политработники полка и члены полкового бюро, делавшие с ними поход, теперь уехали вперед, чтобы организовать встречу бойцов с кушвинскими рабочими. Знали, что в Кушве считали полк погибшим. Поэтому встреча ожидалась особенно радостной, теплой и приятной.

Праздник в кушвинском клубе, однако, удался лишь наполовину. Не успели закончить взаимные приветствия, как стало известно, что наши части под Кушвой не выдержали натиска противника и начали отступать.

И этот же Лобков, который устраивал торжественную встречу, заговорил:

— Вы, товарищи рабочие и крестьяне-бедняки, в беспрерывных боях доказавшие свою преданность революции...

В рядах красноармейцев улыбка. Они уже знают, к чему ведет такое начало, и подают реплики.

— Да говори прямо, товарищ Лобков.

— Без поклонов пиши, не стесняйся! Знаем друг друга. Попривыкли.

Лобков улыбается в ответ:

— Надо же похвалить-то хоть немножко. Вон какой поход выдержали. Разве это не проверка? Разве это можно сделать без преданности Советской власти со стороны каждого отдельного бойца? Ведь этот поход надо большими буквами писать в истории полка. Верно?

— Сам тянул, сам знаешь, как его записывать: большими ли, малыми ли. Ты грамотный и запиши, как надо.

— Препятствовать не станем, если и большими запишешь. Сладко ведь всем пришлось. Убитых нет, а наполовину живых много.

— Вот я и хочу сказать,— продолжал Лобков,— хоть все мы устали, но наполовинку живы, как сказал товарищ, а наш боевой дух только закалился. С этой боевой закалкой мы и усталые сможем показать пример другим частям и свежему пополнению, как надо бороться с наймитами империализма.

Поднялся один из красноармейцев и заговорил горячо:

— Товарищ Лобков вроде как убеждал нас. Это не надо. Мы уже кой-что слышали о положении дела и все как один...

— За других не говори! — крикнул кто-то из задних рядов.

На миг в многолюдном собрании стала жуткая тишина, потом послышались возня и выкрики.

— Чего хватаешься? Слово сказать нельзя!

— А вот увидим, можно ли. Откуда ворона залетела?

— Кто это? — спросил председатель.

— Да вот этот. Какой-то не нашей роты,— отозвались красноармейцы, крепко ухвативши крикуна за обе руки.

— И не нашей тоже,— отзывались из других рот.

— Ишь, чистяк. Шинель на нем с иголочки, шапка новехонька.

— Неохота, видно, по окопам портить их.

Оказалось, что это один из мобилизованных — писарь сформировавшегося в Кушве полка. Еще перед открытием собрания он пытался говорить с группой красноармейцев

полка о силе белых, о нашей голодухе, о неумении наших командиров, но получил отпор.

— Мало, товарищи, отпор на словах дать,— говорил военком Юдин.— Надо таких субчиков сразу за жабры брать.

— Мы, вишь, и взяли,— отзываются красноармейцы, встряхивая для убедительности писаря. Тот, не видя ни одного сочувствующего взгляда, бормочет: «Товарищи... товарищи, так ведь я...»

— Заткни ему глотку варежкой, Степан. Какие мы ему товарищи,— шумит собрание.

— Сдать подгадыша в Особый отдел. Разберут там, ребята, кому он товарищ. Может, их, таких-то, несколько.

Председатель, улыбнувшись в сторону неокончившего своей горячей речи красноармейца, проговорил:

— Не придется, видно, Басаргин, говорить-то,— потом обратился к собранию и пояснил: — Приказ есть о выступлении.

— Да знаем уж мы,— откликнулись из зала.— Ничего не поделаешь, приходится передышку отставить.

— Показать, какая у белых в пятках сила. Куда отлетят.

И полк в ту же ночь выступил на позиции.

ГРЕБЕШКИ — ГОРА ВЫСОКАЯ

— Птицей надо быть, так возьмешь ее. Засели, сволочи, и поливают из пулемета. Попробуй, сунься!

Такими словами объяснили наши отступавшие части свою неудачу под горой Гребешки.

Позиция белых тут была выбрана очень удачно. С отвесных скал, расположенных километрах в десяти от Кушвы, белым хорошо видно было передвижение наших частей, и они могли, как только им казалось нужным, направлять убийственный для наступающих орудийный и пулеметный огонь.

Положение наступающих было тяжелое, но не для краснoорлянцев, которые выступили сюда в составе батальона, батареи из двух пушек и кавалерийского взвода.

Обругали отступающих всякими обидными именами: зайцы, лягушки, трусы.

Те в свою очередь пророчили:

— Посмотрим, как вы полетите. Вон их там сколько засело.

— Сотня, поди? — язвительно спрашивали из наших рядов.

— Сосчитаешь потом, как бегом побежишь,— откликались отступавшие.

— Ну, вам виднее! Раз по-заячьи удираете, так вам нивесть что кажется...

Расположились в лесу, примерно в двух километрах от Гребешков, и стали искать обхода. Первую ночь рота не могла найти путей и так измоталась, что, когда вышла к своим, не могла дотащиться до кухни. Пришлось им ужин подвозить.

— Ишь, баре, чуть не в рот вам вливать приходится. Пошевелиться не могут,— шутили вокруг них.

На другую ночь опять пошли в обход. Начальник пулеметной команды Таланкин на этот раз обрядился в борчатку и шапку офицерского типа, прицепил саблю с белым темляком и в таком виде вышел навстречу белым, которые спускались с горы. Белогвардейцы оказались простоваты и начали охотно отвечать на вопросы, где удобнее провести подкрепление. Указали и место заставы и кратчайший путь к позициям.

Вопрос был решен, и через связь было дано знать стоявшим против Гребешков: «Начинай».

По Гребешкам был открыт орудийный и пулеметный огонь. Белые стали усердно отвечать, перегоняя нашу батарею с места на место. В это время обходная рота сделала свое дело: без выстрела взяла заставу противника и ударила в тыл.

В беспорядочном отступлении белые не успели даже столкнуть со скал свои пулеметы, чтобы привести их в негодность.

Смотря сверху, как наш кавалерийский отряд гнал противника к деревне Лая, красноармейцы даже удивлялись:

— Как просто вышло. Вишь, какого чёсу задали белякам. А говорили — не подняться. Крылья, дескать, надо приростить. Ничего, без крыльев начешем.

Операции в направлении на Лаю развивались молниеносно.

Встречный бой, который был принят другими батальонами полка, развернулся в нашу пользу. Противник был

разбит вдребезги. Бросал все, вплоть до ботинок и обмоток. Путь отступления был завален винтовками, снарядами, обмундированием. Офицеры, прижатые к заводу Лая, не находили себе другого выхода, как бросаться в пруд. Некоторые поднимали руки, крестились, молили о пощаде.

По ходу наступления командиры батальона принимали свои решения, не предусмотренные планом.

Командир бригады тов. Акулов и сам был не большой специалист в стратегии и тактике. Когда командир полка тов. Ослоповский показывал ему свой разработанный план наступления, он мог сказать только:

— Что ты своих красных петушков рисуешь? Бей белых гадов — и никаких.

Примерно этот же лозунг был и у командиров батальонов. Комбат Кобяков никак не соглашался прекратить наступление, хотя части с боем уже прошли около двадцати верст.

Было даже специальное совещание, которое формулировало очень кратко:

— Занять Тагил, а дальше видно будет.

Только специальным распоряжением по дивизии удалось приостановить этот заскок, который грозил создать отрыв от всей группы, так как по параллельной линии белогвардейцами был занят уже к тому времени Кыновской завод, находившийся в нашем тылу.

ПОБЕДНЫЕ ДНИ

В приказе по III армии от 22/X 1918 года № 334-а четко записана славнейшая страница истории полка Красных Орлов.

«В последних боях на Тагильском направлении, когда яростные атаки противника, значительно превосходящего нас в силах, были направлены к прорыву нашего фронта, положение дивизии, защищавшей этот участок, становилось критическим. Части, ведшие уже до того жестокие бои с противником, лишенные смены, почти без поддержки, истекали кровью, а наседавший в превосходящих силах противник не давал возможности привестись в порядок и перегруппироваться. Наши части под влиянием этих причин надламывались морально, и уже имелись и признаки

утраты боеспособности. В это критическое время начальником дивизии был брошен его последний резерв — 1-й Крестьянский коммунистический стрелковый полк. От стойкости и мужества этого полка зависела участь этой дивизии, а с нею и фронта. 1-й Крестьянский коммунистический стрелковый полк, получив боевую задачу, принял на свои плечи всю тяжесть боевой обстановки этого участка. Стремительным ударом он бросился на врага, соединив разумное свое командование с храбростью истинных сынов революции, рядовых своих бойцов, разбил наголову противника и, не дав ему оправиться, энергично его преследовал.

Днем и ночью полк не знал отдыха, не знал и остановки: он гнал врага, брал трофеи и восстановлял тактическое положение. Результатом беспримерной доблести 1-го Крестьянского коммунистического полка было то, что за полтора дня мы отвоевали у противника двадцать верст, обильно залитых его кровью и в тактическом отношении дающих нам самое выгодное положение; мы взяли у врага двадцать пулеметов, обоз, много амуниции и других трофеев, не считая пленных. Но главный результат, главная заслуга полка та, что примером своего сознательного долга, примером исключительного мужества и храбрости полк восстановил надломленные моральные силы своей дивизии, вселил в нее сознание своей непобедимости и вдохновил на соревнование, каковое уже и имеет место в частях этой дивизии, а противнику он показал, что молодая Красная Армия, спаянная революционной дисциплиной и сознанием важности ответственного момента, не даст возможности торжествовать врагу народа и свободы.

В воздаяние воинских заслуг, мужества и храбрости, проявленных на поле сражения 1-м Крестьянским коммунистическим стрелковым полком, Центральный Исполнительный Комитет на заседании своем постановил: наградить этот полк Красным знаменем — символом выдающихся заслуг перед пролетарской революцией.

Объявляя о сем по войскам III армии, я счастлив тем, что в ее рядах на поле боя драгоценной своей кровью куются пролетарские силы, на долю которых выпала грозная и почетная задача — грудью измученного народа отстоять его свободу. Уверен, что славная история Крестьянского коммунистического стрелкового полка по-

служит ярким примером и соревнованием для других частей армии. Мир праху погибших товарищей, кровью своей заслуживших награду полку, слава живущим, защищающим дело народа **под первым революционным знаменем — высшей боевой наградой**».

Отмечая исключительную значимость победы под Кушвой, ВЦИК послал на фронт специального уполномоченного для вручения полку Почетного знамени.

Вручалось знамя при торжественной обстановке в Кушве 27 октября. Принял знамя командир первой бригады Акулов Ф. Е. и передал командиру полка Ослоповскому И. А. Тот в свою очередь передал знамя выделенному полком за выдающуюся стойкость в знаменщики тов. Овсянникову Я. Е. После тяжелого ранения под Баранчой тов. Овсянникова знамя было передано его брату Овсянникову А. Е. Они с честью пронесли боевое знамя до конца исторической жизни полка, не раз обливая его своей кровью.

Командующий III армией в своей речи при вручении знамени отметил особое значение боевой награды:

— Всероссийский Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, посылая почетное знамя, хочет подчеркнуть, что Первый Крестьянский коммунистический полк — сверхгерой.

Политкомиссар III армии тов. Голощекин говорил:

— Товарищи! Областной комитет партии коммунистов шлет вам, герои, сражающиеся за освобождение человечества, привет и партийное спасибо. Мы горды тем, что вы получили знамя, которое никогда и никто не получал, ибо это знамя завоевывалось сотнями лет и путь к нему усеян тысячами трупов борцов за освобождение трудящихся.

Военком полка матрос Юдин, отвечая на приветствие, дал такую оценку полку:

— Наш полк удостоился получить великую награду. Мы, бойцы Крестьянского коммунистического полка, знаем, что она заслужена. Этот наш орлиный полк совершил много славных и действительно героических подвигов. Этот наш полк своею кровью обильно полил поля

сражений и не раз спасал положение всего фронта, грудью своей избавляя от гибели другие части. Первый Коммунистический крестьянский полк с первого дня вооруженной борьбы на Урале боролся с неослабевающим мужеством и храбростью и до сих пор не имеет ни одного темного пятна.

В этой оценке не было преувеличения. Полк, действительно, по тому времени являлся одной из самых крепких боевых единиц Уральского фронта.

Полк с самого начала не имел поражений. Отступление происходило лишь в силу тяжелого или невыгодного положения соседних частей.

В районе Егоршино полк не только прорвал фронт и разбил группу полковника Смолина, но и позволил на довольно значительный срок своими действиями подменить всю бригаду: два других полка были переброшены под Тагил и здесь решили участь дивизии генерал-майора Войцеховского.

В районе Баранчинского и Лайского заводов полк играл ведущую и решающую роль в разгроме 7-й дивизии генерал-лейтенанта князя Голицына, а также 3-й и 4-й сибирских стрелковых дивизий.

Но это не все. Успешные операции полка Красных Орлов на этот раз позволили командованию снять с участка Лая—Баранча два полка, которые были переброшены в направлении завода Кын. Здесь полки выяснили положение по линии Лысьва—Бердяуш и нанесли первый сильный удар корпусу генерала Пепеляева, который до того времени был совсем еще нами не разведан.

Таким образом, гордая фраза военкома, что полк не раз спасал положение всего фронта, ни в какой степени не была преувеличением. К этому надо добавить, что ни длительное вынужденное отступление, которое обычно деморализует части, ни тяжелое положение с продовольствием не смогли сломить боевой дух полка.

Показателен самый факт того, как Крестьянский полк отнесся к вручению ему Почетного знамени.

Сознавая огромное значение этой боевой награды, полк, однако, хотел, чтобы торжество вручения знамени было использовано как вызов на социалистическое соревнование других частей армии.

В силу этого при торжественном вручении знамени присутствовали в Кушве другие части армии, а полк оста-

вался на занятых позициях, выделив для получения боевой награды 1-й батальон.

Это, конечно, говорит не только о сознательности бойцов, но и о крайней напряженности боевой обстановки. В этот кушвинский период в целях укрепления руководства отдельных частей III армии были произведены изменения в командовании армией.

Командир первой бригады тов. Васильев М. В. был назначен командиром 29-й дивизии.

Командир Крестьянского полка Акулов Ф. Е. получил первую бригаду; его помощник Окулов С. Т. был назначен командиром Волынского полка.

Командование полком Красных Орлов было передано командиру 2-го батальона Ослоповскому И. А., а на его место был назначен комроты — батрак Полуяхтов А. А.

Товарищ Федоров, бывший председатель Камышловской уездной организации РКП(б), боец полка и организатор, говорил по этому поводу:

— Гляди, наши мужики-то в большие командиры выходят. Без обману тут. Не сдрейфят, не рассыропятся, не качнутся. Головы свои за Советскую власть заложили. Знаний вот только нехватка.

— Бьем генералов, конечно, а спорее бы пошло, кабы побольше знали, этих самых военных-то наук хлебнули бы.

— Наживем, говоришь? Это верно. Только вот теперь бы это надо, на сегодняшний день.

Коммунисты-фронтовики были самым крепким командным составом, который не только гарантировал от измены, но и мог обеспечить близость с крестьянскими массами, мог в самых тяжелых условиях увлечь эти массы на подвиг беспримерной храбрости.

В истории полка этого периода не было случаев ни «отставаний», ни измены.

Но там, где приходилось оперировать крупными соединениями, комсостав не всегда обеспечивал правильность и согласованность действий.

Зато примеров личной храбрости, необычной стойкости, беззаветной отваги, редкой изворотливости и рискованных выдумок было сколько угодно.

Рядовые бойцы полка в этом не отставали от своего командного состава.

СРЕДИ ГОЛОДА И ХОЛОДА

На баранчинских позициях полк Красных Орлов держался до третьего декабря.

Последний бой с большими потерями для нас все же имел благоприятный исход, и баранчинская позиция осталась за полком Красных Орлов. Отступление, однако, было совершенно необходимо, так как противник с севера подходил уже от станции Выя к станции Кушва. Находившиеся тут части, крайне усталые, были отброшены.

С китайским батальоном погиб тов. Швельнис. Раненный в обе ноги и руку, он смог все-таки взорвать себя бомбой. Неудачей под Кушвой и определился отход полка Красных Орлов от Баранчи, которая была южнее станции Кушва.

Этот путь полка был самым тяжелым. Его нельзя даже сравнить с той мукой, которую терпел полк, пробираясь по трущобам и болотам от Салки.

Здесь выступили против полка холод, голод и полная деморализованность многих отступавших частей.

Снег в ту зиму выпал на редкость глубокий, и сразу же начались крепкие морозы. Дело доходило до того, что уставшие красноармейцы не могли дальше двигаться, садились на снег и засыпали навсегда.

Продовольственное положение было уже давно плохим. Ко дню первого праздника Октябрьской революции не смогли дать ничего, кроме одной четверти фунта овсяного колючего хлеба и какого-то ничтожного количества растительного масла. Но это был все-таки еще праздник. Дальше положение все больше ухудшалось. Бывали дни, когда красноармейцы вовсе не имели возможности поесть. Товарищ Берсенев в своих записках вспоминает, что в его роте был случай, когда в разбитом вагоне нашли два мешка отрубей.

— Разделили на роту, и вышло у нас большое пиршество. До того показалось хорошо это кушанье из заваренных кипятком отрубей!

К голодухе надо прибавить еще то, что среди отступающих соседних частей началось определенное разложение.

Потребовалось принять решительные меры против многочисленных агитаторов за сдачу в плен, появившихся

в Лесновско-Выборгском полку. Шестьдесят девять таких агитаторов пришлось изъять, остальных здесь же расформировать по другим частям.

Централизованное управление операциями в этот период было почти совсем утрачено. Но Крестьянский коммунистический полк даже и в этих совершенно невозможных условиях не один раз сумел себя показать.

В приказе по армии от 18 декабря 1918 года № 537 говорится об успешных боях под станцией Селянка:

«13 декабря, когда противник прорвал фронт в Лысьвенском направлении, с выходом на станцию Калино положение стало критическим. Первая группа перешла к станции Селянка. Противник поставил себе задачей окончательное уничтожение этих уставших частей.

В этих условиях комбриг Акулов, собрав Путиловский эскадрон и остатки полка, находившиеся в деревнях, произвел отход от деревни Кутамышской. Здесь он уничтожил почти полностью 3-й Барнаульский полк при двух 48-миллиметровых орудиях, захватил три исправных пулемета «Максим», оба орудия, 160 человек пленных и много снаряжения и оборудования.

Из захваченных орудий был открыт огонь в тыл частям, наступавшим на Селянку, и по резервам, подходившим на выручку барнаульцам со стороны Лысьвенского завода.

Благодаря столь удачному бою в частях противника, наступавшего на Селянку, произошла паника, и они в беспорядке стали отходить, бросая на своем пути винтовки и снаряжение.

Военный совет III армии приносит им (Акулову и Прокопьеву) сердечную благодарность за лихие действия и товарищескую выручку.

Начдиву Васильеву предлагает представить отличившихся к наградам».

Так описывается в приказе один из арьергардных боев.

Видны здесь главным образом фигуры комсостава: тт. Акулова и Прокопьева.

Вот другое описание этого же боя, уже с точки зрения рядового красноармейца.

«Гусев Никита, молодой доброволец из села Покровского, ложась спать, как всегда, положил возле себя бомбу и говорит:

— Это у меня на закуску. Только не белым, а себе. Живой в плен никогда не сдамся.

Так оно и вышло. Часов около 11, когда уже все начали засыпать, слышим выстрелы. Один, два, потом залп. Выскакиваем с винтовками, с пулеметом. Бежим по улице деревнешки Новоселки. Деревнешка небольшая. Стоит нас тут около трех рот.

Залегли в свои мало-мальские снежные окопишки, около деревни, у самой огородной изгороди. Слышим, у белых команда: «В атаку, ура!»

У нас на правом фланге встречная команда: «Даешь белую банду! Вперед!»

Все кидаемся вперед, но, отбежав шагов на пятьдесят, видим, что цепь сильно поредела. Белые косят вовсю из пулеметов и винтовок. Залегаем и мы. По цепи передают, что командный состав у нас выбит. Некому руководить. Нашему пулемету пуля попала в кожух. Ранены и убиты пулеметчики, ствол сильно разогрелся, и пулемет перестал работать.

Отступаем. Нет возможности взять с собой раненых. Не закончили еще отход до старых окопов, как слышим взрыв бомбы в том месте, где стоял наш пулемет. Это раненый Гусев Никита взорвал себя. Не рассчитал парень, думал, что мы уж вовсе отступили и он оказался в плену.

Но бой опять завязался. Редеют наши ряды, но действует наш огонь. Слышим, со стороны противника стрельба становится реже, потом вовсе перестает. Оказывается, белые отступили, оставив больше сотни убитых и раненых.

Особая смелость белых объяснялась тем, что многие шли в бой пьяными. На шапках у них были зеленые веточки.

Из нашей роты тогда выбыли из комсостава товарищи Стафеев, Рябов, Мошков, Нестеров, Гусев, Поторочин. Ранены Брызгалов, Шумков, Филинков, Кунников, Дьячков, Брагин, Куклин, много рядовых красноармейцев убито и ранено.

После окончания боя собрали всех наших раненых и убитых и отправили на станцию Комариху, а часов около девяти нам сообщают, что она уж занята белыми, наши раненые и убитые оказались у них в руках. Оказывается, и мы сами почти в плену.

Отступаем непроходимым бором по глубокому снегу. Сначала идем все-таки на Комариху, но потом, выяснив действительное положение, плетемся снегами к станции Валежной.

Горы стали вовсе непроходимыми из-за снегов. Тащить по ним пулеметы совершенно невозможно. Сняли со станков и только стволы смогли дотащить до железной дороги. Там оказался наш броневик, в который мы и погрузились. Однако сейчас же поднялся вопрос, а как станки? Не оставлять же их, когда броневик под боком. Пошли все-таки, вытащили и уж тогда отправились на станцию Валежную» (Из воспоминаний тов. Берсенева).

Командир роты тов. Устюжанин рассказывает, как ему пришлось с остатками роты биться на этом же участке.

«Силы были вовсе не равны.

На каждого красноармейца приходилось, может быть, больше двадцати белых.

На роту двигался белогвардейский батальон с пулеметом, который был поставлен на салазки.

Заняв очень выгодную позицию, батальон начал обстреливать остатки нашей роты из пулеметов. Положение роты тяжелое. Пулемет у них с артиллерийским щитом. Снять пулеметчиков не так-то просто, да и поставлен пулемет очень ловко.

Красноармеец Отеческих (он длинный такой, выше всех) выручил. Благодаря своему росту он сумел выследить, где пулемет, и пополз снегом в обход. Когда пробрался во фланг так, что щит ему не мешал, Отеческих ссадил пулеметчиков и этим облегчил наше положение. Мы бросились на врага, и батальон был сбит.

Тогда же, в этом же бою, погиб и Отеческих. Тот самый, которого выручали в Никитиной из рук взбудораженной попом толпы.

Отеческих, конечно, был убит, но мы имели большой успех. Тогда было взято тридцать восемь пленных, около семи возов набралось всякого военного имущества. У разбитой белогвардейской части были какие-то особые шинели — черные, немного седа. Вроде морских. Какая это часть — так и не знаю».

Таких рассказов об исключительном героизме отдельных бойцов в этих арьергардных боях можно привести много. Все они показывают, что даже и в эти тяжелые дни бойцы полка не падали духом, не бежали, как многие

другие части, а старались организовать сопротивление. Действовали разрозненно, но все же временами еще имели успех.

В приказе по армии № 339 отмечалось:

«Передайте Крестьянскому коммунистическому полку глубокую благодарность за стойкость и доблесть, проявленную верными сынами революции в тяжелых боях. Истомленные, измученные, голодные армейцы Коммунистического полка, не выпустив оружия из рук, отбивались и наносили удары наступающему врагу. С тревогой мы следили за боевой деятельностью полка и с гордостью читали в каждой сводке о славных подвигах».

К Перми полк подошел уже в то время, когда она чуть не полностью была захвачена местной буржуазией, сумевшей организовать восстание мобилизованных. И здесь полк принял деятельное участие, чтобы частично отбить грузы.

В приказе по войскам от 31 декабря 1918 года опять упоминаются имена комсостава полка, которые вместе с другими частями помогли задержать сдачу станции Пермь II почти до ночи и помогли вывезти около пятнадцати эшелонов военного груза.

Эти стойкость и мужество полка Красных Орлов были, разумеется, хорошо известны врагу.

Не раз командиру полка Ослоповскому по телефону передавались угрозы, что его повесят.

В случае захвата пленных белогвардейцы первым же делом пытались узнать: коммунист, из полка Красных Орлов? И для коммуниста и для рядового бойца Крестьянского коммунистического полка одинаково была мучительная смерть с издевкой и надругательством над трупом.

Знали об этом и бойцы полка, но в плен они не сдавались. Все же по лесам, в направлении от Левшино до Перми белогвардейцами было расставлено немало раздетых догола трупов в самых диких положениях с надписями: «Вот как летят Красные Орлы».

Не все, конечно, из этих расстрелянных и замученных принадлежали к этому полку. И другие части имели вполне достаточно стойких и преданных делу революции людей, которые шли до конца. Тем не менее враг ставил знак равенства: коммунист — красноармеец полка Красных Орлов.

РАЗВЕРНУТАЯ ЗАМЕТКА

В армейской газете «Красный набат» от 22 октября 1918 года имеется коротенькая корреспонденция.

«Незаметные герои. В 3-м батальоне Н-ского крестьянского полка есть сестра милосердия тов. Быстрова, пользующаяся большой любовью и уважением в среде красноармейцев. Во всех наступлениях тов. Быстрова бывает в передовой цепи, ободряя солдат словами и своим примером. Несмотря на ожесточенный бой, она не прерывает работы — перевязывает раненых красноармейцев. То же самое можно сказать о тов. Даниловой — сестре Волынского полка».

Примерно такие же коротенькие заметки изредка можно найти во фронтовой печати о сестре Орловой и об «Анне Ивановне». Фамилию последней (Касла) редко кто знает, и обычно в конце заметок поясняется:

— Латышка она. Все ее хорошо у нас знают. Сухощавая такая. Высокая. Уже пожилая.

Этот пример показывает, что по печатным источникам не всегда можно установить даже имена тех женщин, которые вместе с полком участвовали в вооруженной борьбе за Урал. Редко упоминаются женщины и в воспоминаниях участников полка. Это большой пробел, требующий дополнительной разработки, так как многие женщины-работницы и крестьянки-беднячки боролись против колчаковцев с неменьшим упорством, чем все остальные бойцы.

Тов. Истомин упоминает, что при отступлении первых отрядов женщины села Троицкого шли вместе с бойцами. Особенно запомнилась ему крестьянка Рогачевских, которая участвовала в боях вместе со своей взрослой дочерью Марией и сыном. Таких женщин-бойцов было немало, особенно в первой стадии формирования полка, но имена их остались неизвестными.

Заметки, вроде приведенной вначале, лишь в ничтожной степени отражают ту самоотверженную работу, которую вела женщина на фронте в качестве красной сестры.

Попытаемся здесь, на примере тов. Быстровой, несколько развернуть приведенную о ней заметку:

Быстрова М. И. — дочь рабочего железнодорожника. С девяти лет осталась сиротой и с этого возраста вы-

нуждена была работать по найму. С четырнадцатилетнего возраста Быстрова уже сиделка в больнице, а с 1914 года — сестра госпиталя Красного Креста.

Рабочее происхождение и тяжелая школа жизни определили путь тов. Быстровой. С октября 1917 года она уже член Камышловской организации РСДРП(б), одна из первых женщин, вступивших в красногвардейский отряд тов. Жукова.

При отряде она организует санитарный околоток и с 12 июня 1918 года с жуковским отрядом отправляется на Тюмень для подавления кулацкого восстания в селе Белая Елань.

С этого времени сестра Быстрова работала на фронте до 1920 года. Она была назначена сестрой 3-го батальона и с ним проделала весь поход, став хорошо известной красноармейцам не только батальона, но и всего полка.

В бою под селом Покровским, когда сестра Быстрова перевязывала раненых, ее ранило в ногу навылет. Артиллеристы батареи тов. Лашкевича привезли сестру на лафете, и она не ушла с места боя, пока не осмотрела всех раненых и не оказала помощь кому сколько могла. Только после этого отправилась в Синячиху.

Было уж совсем темно, можно было попасть под пули заставы, так как никакого пропуска Быстрова не знала. Оставаться до света она все же не стала, так как положение раненых требовало немедленной помощи из завода. Помогло лишь то, что Быстрову хорошо знали даже по голосу. В заставе нашлись люди, недавно бывшие в околотке, и Быстрова беспрепятственно прошла в Синячиху. Там она сейчас же подняла большой шум по поводу оставленных раненых. Спешно организовала транспорт, реквизировала из поповского дома матрацы, перины, половики и ночью на восьми подводах поехала за ранеными.

В алапаевском бою Быстрову вновь ранило осколком снаряда в ногу, но сестра не покинула своего боевого поста. Передвигаясь ползком, она оказывала помощь раненым, пока сама окончательно не свалилась.

Под Баранчой эта деятельная сестра ухитрилась устроить даже свой бронированный... шесточными плитами из Баранчинского завода околоток. Эта самодельная броня, может быть, и не была особенно надежно ук-

реплена, но позволяла тов. Быстровой выносить свой бронированный шестками околоток чуть не на самую линию огня.

В тяжелых условиях зимнего похода работала тов. Быстрова во время отступления за Пермью. В одном из переходов обморозила ноги. Оправилась от болезни лишь через два месяца и снова приняла участие в действиях Красной Армии.

Вот какую длинную цепь неисчерпаемого героизма, несгибаемой стойкости и самоотверженной преданности революции содержит иногда пятистрочная заметка о незаметных героях.

А сколько таких незаметных было во время всей боевой жизни полка!

ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ

После захвата белыми Перми положение наших частей стало совсем тяжелым, так как, кроме больших потерь в арьергардных боях, в Перми и по Горнозаводской линии до станции Левшино было оставлено огромное количество грузов.

Колчаковцы торжествовали. Кричали в своих газетах о полном разгроме Красной Армии, о близком падении Советской власти.

Остатки полка Красных Орлов время от времени еще отбивались в мелких стычках, отступая на Глазов.

ЦК партии было принято решение назначить партийно-следственную комиссию в составе тт. Сталина и Дзержинского «для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на Уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления».

Меры, принятые комиссией по усилению армии надежным пополнением, а также по укреплению тыла, сказались в ближайшем же времени.

Не только было приостановлено движение противника, но в январе уже начались наступательные действия III армии.

Полк Красных Орлов за это время имел возможность получить передышку в Глазове на одиннадцать дней и снова был брошен на линию боев, но уже со значительным пополнением.

Задачей оставшихся бойцов полка было теперь в первую очередь воспитать стойкость и мужество, которые приобрел полк в непрерывных боях за Урал. И это боевое воспитание шло успешно. В приказах по армии опять появилось имя полка Красных Орлов.

«Доблестные волынцы и Красные Орлы, перейдя в решительное наступление, заняли деревни Соснята, Нижние и Верхние Купеты и Федулино. Благодарю комбрига Акулова и вверенные ему славные полки за их отличную работу. Приказываю полк Красных Орлов во что бы то ни стало выдвинуть до разъезда 31 и, заняв таковой и установив тесную связь с Камским полком, охранять разрыв между вами и второй бригадой».

Дальше в приказе идет вызов на соревнование:

«Надеюсь, что вторая бригада выполнит так же успешно ее боевую задачу, как и первая».

«Доношу, что на участке 2-го батальона моего полка (деревни Ларионова и Четкова, Петрунята, Анютята) противник большими силами ведет наступление. Роты геройски отражают противника, несмотря на то, что несут поражение. Противник неоднократно бросался на «ура», но каждый раз с потерями был отбит».

«Доношу, что приказ ваш № 0819 выполнен в точности. Полк занял следующие пункты: 1-й батальон — деревню Палом двумя ротами, резервная рота — деревню Каваляр» и т. д.

После перечня пунктов нового расположения полка командир тов. Ослоповский добавляет:

«По пути следования производили мобилизацию. Результаты таковы: 184 человека, которые отправлены в бригаду к коменданту. Затем собраны всех полков отсталые люди, которые направлены по своим частям».

В этом добавлении явственно выступает роль полка как организатора пополнений.

Бойцы прилагали все усилия к обработке новых кадров. Можно привести огромное количество примеров, показывающих, с каким старанием и энтузиазмом проводилась эта обработка.

В воспоминаниях об этом периоде жизни полка имеется немало красочных эпизодов учебы в боевой обстановке.

В виде примера ниже приводим лишь один случай из жизни команды лыжников полка.

ПОД ПРИКРЫТИЕМ МЕТЕЛИ

В глубоких снегах рассыпанных вятских деревень-починков дорожка — большое дело. Перерезал ее или захватил высоту над нею, и противник, превосходящий тебя силами, в твоих руках.

В этих условиях лыжные команды могут сделать очень многое, особенно когда они состоят из беззаветно преданных делу людей.

Молодой красивый парень Коля Садчиков из рабочих Лысьвенского завода — начальник лыжной команды полка.

Команда невелика — всего семь человек, но подобрана хорошо. Туда взяты храбрые из храбрых, которые не боятся страшных слов: «отрезаны», «обойдены», «окружены».

В районе севернее станции Верещагино командир одной роты оплошал — выбрал крайне неудачную позицию в деревне, расположенной в котловине. Колчаковцы воспользовались ошибкой. Они заняли возвышенность с восточной стороны деревни и установили тут пулеметы. Получилось гиблое дело для роты. Пулеметы противника снимали всех, кто пытался выбраться из деревни. По телефону командиру полка тов. Ослоповскому категорическое сообщение: «Погибли».

Посланный на выручку взвод ничего не смог сделать, так как дорожки в деревню были под обстрелом противника.

«А если лыжников пустить в обход,— мелькнуло у Ослоповского. — Но ведь там, по сообщению комроты, целый батальон, а лыжников семеро. Слишком неравные силы,— потушил командир свою мысль. — Но другого выхода нет. Рискнуть? Взять на пушку?»

Коля Садчиков сейчас же ухватился за предложение.

— Место удобное — лес. Да еще вон как метет по дорогам. Свету не видно. Обойти можно совсем незаметно и такого шуму наделать, что охти мне. Не поздоровится на горке сидеть, вниз запросятся...

С лыжниками пошел и командир полка. Захватили пулемет «Льюис».

Забросали себя снегом и незамеченные противником зарылись в снегу, вблизи дорожки, которая связывала на-

падающих с их тылом. Ложную тревогу поднимать не пришлось, так как в это время как раз в тыл шла разведка противника — четырнадцать человек. Пропустили — и в затылок дали несколько залпов: четверо убитых, остальные ранены.

Противник, как и ожидали, забеспокоился и стал посылать в тыл связных, которых нетрудно было снимать или забирать в плен.

От пленных узнали, что на гребне — батальон 7-го Кузнецкого полка.

Не установив связи, противник еще более забеспокоился и стал направлять в тыл пулеметы. Уничтожая обслуживающий состав пулеметов, лыжники не дали возможности открыть пулеметный огонь. Два пулемета были брошены противником.

Началось паническое бегство, но уже тут лыжники стрелять не стали, так как патроны подходили к концу и была опасность, что противник, опомнившись, может залечь в снегу вдоль дорожки, тогда перевес будет на его стороне.

Дело, однако, не обошлось без тяжелой потери.

Когда уже была уверенность в том, что противник очистил свои окопы, лыжники поднялись из своих гнезд и через окопы прошли к деревне. Там наши слышали стрельбу в тылу и не понимали, что делается, но были в полной боевой готовности. Узнав еще издали по высокому росту командира полка Ослоповского, рота высыпала из окопов с криком «ура».

В это время сзади, из окопов врага, раздался одинокий четкий выстрел.

Коля Садчиков как-то странно подпрыгнул и упал навзничь.

Вторая пуля шлепнулась в плетень...

— Побереги себя, товарищ командир,— ослабевшим, как будто от большой усталости, голосом проговорил Садчиков.

— Тяжело... ты не бросай меня,— чуть слышно добавил он.

Командир, склонившись над ним, начал утешать:

— Пустяки... не видал, что ли, раненых... Мало ли бывает... Не все умирают... Большинство живут...

На глазах юного начальника лыжной команды крупные слезы.

Руководители коммунистической организации полка Красных Орлов. Слева направо: командир полка И. А. Ослоповский, председатель полкового бюро РКП(б) Ф. И. Стриганов, военный комиссар полка А. А. Юдин, член полкового бюро РКП(б) И. И. Басаргин, секретарь полкового бюро РКП(б) М. Д. Ковригин.

Участники Первой партийной конференции 29-й стрелковой дивизии 20 октября 1918 года в гор. Кушва.

— Нет уж, чувствую... ноги отнялись... чужие.

Потом, как бы утешая себя, прибавил:

— Ты еще им покажешь...

Пуля пробила позвоночник и прошла в полость живота, задев мочевой пузырь.

Инвалидом стал красивый, стройный парень Коля Садчиков, рабочий Лысьвенского завода.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ ПОЛКА

Все эти Тюхнята, Афонята, Анютята, Васечата и т. д., около которых в снегах погибло немало наших бойцов, отодвинулись в тыл.

Красная Армия, окрепнув и пополнившись свежими кадрами, укрепив себя технически и перейдя на плановое снабжение, развертывала наступательное движение на Урал и Сибирь. Полку Красных Орлов, теперь уже номерному — 253-му, пришлось сделать обратный путь по местам прежних боев или близко от этих точек.

С 13 июня 1919 года после разгрома белых на участке Юмская начинается движение на Пермь. Бой под станцией Шабуничи, занятие Перми; дальше — Лысьва, Верхний Тагил, Нейво-Рудянка, Шайтанка, опять Режевский завод, опять Егоршино. Еще дальше Камышлов, Далматов. Потом направление на Ялуторовск, оттуда на Ишим. Это все — далеко не прогулка. Чуть не в каждой сводке, которые уже теперь стали регулярны, отмечаются потери в комсоставе и рядовых бойцах.

В деревне Смирновой, около Шадринска, один из батальонов полка оказался окруженным противником и чуть не погиб совсем, но был отбит другим батальоном. Под Ишимом тоже были напряженные бои и тяжелые минуты, когда колчаковским карательным отрядам удалось захватить штаб и военкома полка, который теперь был военкомом бригады; тов. Юдин был повешен. От Ишима полк получил направление на юг.

Преодолеть путь из Сибири на юг в условиях того времени — трудность немалая. Надо сказать, что она еще усиливалась тем, что приходилось проезжать мимо родных сел, деревень.

Путь до Москвы еще был сносен. Только через Каму пришлось перебираться с трудом. Но дальше от Москвы ехать пришлось уже по совсем разрушенной дороге. Тут еще тиф.

Заболел почти весь состав. Так и отсиживались от тифа в походе. Умер комбат Сурнин, умирали красноармейцы. В результате, будучи в пути с 20 декабря 1919 года, до станции Синельниковой добрались лишь во второй половине апреля. Там пришлось бороться с махновщиной при противодействии населения, распевавшего под дудочку своих кулаков.

— От, бисовы москали, в Москве хлеб пожрали, к нам идуть.

И тут же следовало пренебрежительное восклицание:

— Ну, яки ви вояки? Тай ще удумали до батьки Махно гоняться. Тай вин вам усим башки порубает.

Порубать башки, однако, оказалось не так просто. Правда, несли потери, но и Махно не поздоровилось. После одной серьезной взбучки он даже вызвал к аппарату комиссара полка Красных Орлов и с Гуляй-Поля передал: «Привет красноармейцам вашего полка за храбрость и геройство от Махно».

Что хотел этим показать демагог Махно, не разбирались, а над приветом посмеялись здорово.

— Вот, видно, его как зачубучили, что вежливый стал.

Дальше — врангелевский фронт. Когда подъезжали, не знали положения дела и даже простодушно мечтали:

— Ну, ребята, теперь отдыхать будем на юге. Врангель в Крыму, махновцев тут нет, лафа житьишко-то!

Но вскоре над Перекопом загремели пушки, зататакали пулеметы.

Волынский полк нашей бригады, опередив нас в пути, уже в бою, и очень успешном, захватил у врангелевцев целых два полка. Мы в восторге. С рассветом двинулись всей бригадой вдоль Сиваша на Перекоп. Тут оказались в ловушке. С правого фланга пулеметы, пули вдоль цепи, аэропланы сверху, и артиллерия кроет ураганным. Кончилось тем, что из бригады не могли свести полного полка. В этом бою у Сиваша и кончается славная история 253-го Крестьянского коммунистического Красных Орлов полка.

Знамя, добытое кровью, не раз окровавленное в боях, последний военком полка тов. Тарских П. М. передал комиссару штаба 17-ой армии Конконову и расписку сдал в штаб Приурво.

Слово коммунистический в названии полка было не украсительной прибавкой, а выражало действительное положение дела.

Это можно проследить с самого начала комплектования полка.

Как известно, с половины июня 1918 года уже действовал декрет Совнаркома от 12/VI 1918 года о мобилизации. На основе этого декрета в порядке мобилизационных приказов и производилось комплектование полков, например Четвертого в Шадринске, Пятого в Камышлове.

Подобного мобилизационного приказа по полку Красных Орлов не имеется.

В документах сохранилась лишь коротенькая телеграмма в ответ на запрос Подпорина:

«Приступайте окрестных деревнях формированию отрядов сочувствующих Советской власти».

По этому документу видно, что руководство области согласилось поддержать инициативу уезда в комплектовании военной части чисто добровольческого типа.

Основанием этой части явились те боевые дружины, которые имелись на местах, куда, конечно, в первую очередь входили «советчики», то есть та группа населения, которая работала по укреплению Советской власти в деревнях.

В Камышловском уезде разрыв с эсерами наметился с апреля 1918 года, а в мае уже объявилось в «Известиях» Совдепа о роспуске организации левых эсеров.

Если к этому прибавить влияние большевистски настроенного Каменска, то станет ясным, что деревенские вооруженные отряды в районе западной части уезда могли быть только большевистскими.

С фронта в 1918 году в деревню возвращались чуть не поголовно большевиками, но далеко не каждый оставался большевиком, добравшись до своего хозяйства. Стойкими носителями большевизма оказались лишь деревенские бедняки и часть середняков. Они-то и включились первым делом в работу по установлению Советской власти в деревне и по освобождению ее от земско-эсеровского засилья.

Деревенская беднота из тех возрастов, которые оста-

вались дома, принимала не менее деятельное участие в проведении мероприятий Советской власти, так как все эти меры были жизненно необходимы для бедноты. Кулацкая часть деревни со своей стороны пыталась всячески противодействовать этому и, чем дальше, тем сильнее. Особенно обострилась классовая борьба в деревне, когда дело дошло до передела земли, правильного распределения семенного материала, а также классового распределения ставок налога. Чтобы сломить противодействие кулацкой верхушки деревни, беднота под руководством партии и рабочих стала организовывать боевые дружины. Оружие и инструктаж получала она из уездного центра и Каменского завода, откуда на помощь деревенской бедноте нередко приезжал вооруженный отряд рабочих.

При комплектовании полка, главным образом из этих деревенских боевых дружин и рабочих отрядов, получился довольно однообразный классовый состав.

Не все, конечно, входили в партию, но подавляющее большинство было крепко связано с нею.

Недаром в Катайске, когда шел спор о названиях полка, Подпорин, ударив по столу, крикнул:

— Крестьянским коммунистическим назовем, и кончен разговор! С нашей партией идет беднота, и, значит, может она называться коммунистической!

Низший и средний комсостав полка состоял преимущественно из фронтовиков — крестьян и рабочих, причем большинство командиров было большевиками.

В архиве Красной Армии сохранился интересный документ о состоянии командования полка в период боев под Баранчой. Там видно, что из тридцати шести человек комсостава был лишь один анархист, один социал-демократ, интернационалист и один — беспартийный (врач). Все остальные — большевики. В графе, где отмечалась прежняя служба, только в одном месте сказано «не солдат».

Разумеется, в числе «советчиков» в полк вступила какая-то часть и шкурного элемента, но она быстро отсеялась.

Эти предпочитали, по пословице того времени, «смазывать пятки сразу до Вятки». В глубоком тылу они отыскивали себе всякие нужные, малонужные и вовсе не нужные занятия. Так, в Вятке из этой трухи была организо-

вана одно время художественная студия, в которую записалось свыше 500 человек. Так много оказалось художников в Вятке как раз в ту пору, когда на Уральском фронте был на счету каждый боец!

Эта тыловая гниль, однако, ни в какой мере не характеризует того подлинного «советчика», который был в кадрах полка.

Хотя основными организаторами полка, как уже не раз отмечалось, были рабочие Камышлова и Каменска, название полка Крестьянский было вполне оправдано.

Крестьян в полку все-таки было большинство. По преимуществу это были бедняки, прошедшие тяжелую школу империалистической войны и немало поработавшие в деревне в условиях классовой борьбы, особо обострившейся перед началом гражданской войны.

Эта работа, проводившаяся по директивам партии, под руководством приезжавших из рабочих центров инструкторов-большевиков, крепко спаяла деревенских «советчиков» с партией.

Естественно, что в полку, составленном таким образом, партийная работа должна быть основным звеном с самого начала жизни полка.

Так и было.

Со 2 октября в полку уже действует постоянный, избранный на конференции в Салде полковой партийный комитет. Председателем его был тов. Стриганов Ф. И., товарищем председателя — военком Юдин А. И. и членами: Цеховский А. М., Ковригин М. Д., Басаргин И. И., Тарских П. М.

Полковой комитет в первую очередь развертывает работу по укреплению дисциплины полка.

В архиве Красной Армии нередки документы такого порядка:

«Полковое бюро РКП просит отдать в приказе по полку нижеследующее постановление:

«Шеломенцев Егор за пьянство и нарушение товарищеской дисциплины подвергается наряду вне очереди на 10 суток».

«Усольцев Егор за клевету и оскорбление товарища по команде подвергается наряду вне очереди на 5 суток и выговору перед общим собранием с отдачей в приказе по полку».

Иногда эти меры доводились до последнего предела.

«18 августа был расстрелян красноармеец восьмой роты 1-го Крестьянского полка Хацкевич, как самовольно покинувший пост. Считаю своим долгом отметить сознание революционного долга товарищами красноармейцами восьмой роты, которые сами не желают иметь в своих рядах трусов, изменников революции».

Наряду с этим очень по-серьезному ставился вопрос и по отношению к «мелочам».

«Объявляю список товарищей, покинувших ротное партийное собрание 1918 года 10 октября»,— и дальше идет перечень фамилий 21 человека 3 взвода 9 роты.

Это говорит о том, что даже в напряженной боевой обстановке в полку Красных Орлов не забывалась необходимость регулярной связи между членами партии.

Полковое бюро имело в своем распоряжении, кроме того, специальных партработников-бойцов. Наиболее заметные из них уже не раз назывались. Это Залман Лобков, работник Омского крайсовета, и Антип Федоров, бывший председатель Камышловской партийной организации. Тот и другой не просто являлись в полк время от времени, а жили с полком, проделывая с ним его тяжелые переходы, участвуя в непрерывных боях.

Дивизионная партийная конференция, собравшаяся 20 октября в Кушве, сочла необходимым даже послать специальную телеграмму Крестьянскому полку, как лучшему в дивизии, причем имелись в виду не столько его боевые подвиги, уже отмеченные в приказе по армии, сколько хорошо налаженная партийно-массовая работа, результатом которой по существу и являлись высокие боевые качества полка.

Военком полка Юдин, когда ему пришлось прощаться с полком вследствие назначения его военкомом бригады, так говорил по этому поводу:

«Наш славный полк запечатлел себя не только боеспособностью, но и организованностью. Классовое самосознание всегда стояло выше всякой похвалы, и я должен отдать справедливость товарищам коммунистам, которые не покладая рук все время работали в наших коммунистических ячейках».

В дополнение к мерам агитации и пропаганды через печать красноармейцы сами печатали на машинках и про-

сто писали письма к белым, обрисовывая в них настоящее положение дела.

В результате этой совместной работы политотдела и рядовых красноармейцев-большевиков началось заметное действие нашей пропаганды в рядах противника. В половине ноября к нам пришла первая рота противника (8-я, Бийского полка) с пулеметами.

В районе от Глазова к Перми красноармейцы полка сумели организовать постоянную передачу нашей литературы и писем частям противника.

Какую-нибудь «немудрящую» лошаденку нагружали мешками с газетами, письмами и отправляли в район расположения противника. Сначала таких лошадей допускали, но потом офицерство открывало по ним огонь, так как достаточно убедилось в действенности этих красноармейских посылок.

Бюро РКП полка Красных Орлов даже издавало свою полковую газету «Боевой клич».

Подводя итоги работы полка за первый год, командир полка Ослоповский совершенно правильно поставил вопрос:

«Сегодня (12 июля 1919 года) исполнился год, как сознательные рабочие и крестьяне Камышловского и Шадринского уездов, видя надвигающуюся грозу с Востока, бросив мирный труд, свои дома и семьи, потянулись для соединения своих сил в село Катайское, где и положена была основа Первого Крестьянского коммунистического полка тов. Подпориным.

Год существования полка — год великих испытаний. Полк все время бился с превосходящими силами противника.

Десятки и сотни раз разбивалась волна белых о могучую грудь полка. Много пало и наших героев в неравных боях, но никогда не падал дух славных орлов. Они, твердо веря в победу, боролись, не считаясь ни с чем. Ни голод, ни холод, ни неудачи не могли поколебать их веру в пролетарскую силу и окончательную победу труда над капиталом».

Сломить эту уверенность в конечной победе пролетариата действительно было нельзя. Полк представлял собой монолитный состав из рабочих и деревенской бедноты, для которых вопрос победы пролетарской революции был вопросом личной жизни или смерти.

Повседневная работа коммунистов полка, выдержка и стойкость при всевозможных лишениях и энтузиазм борьбы не могли не действовать даже на самых отсталых и несознательных красноармейцев, превращая их в преданных бойцов революции, о которых дети могли бы без лишних пояснений сказать:

Отец мой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году.

Самоотверженная работа коммунистов в этом классово отобранном полку и была той главной силой, которая создала Крестьянскому коммунистическому Красных Орлов полку его славное боевое имя.

Формирование на ходу

К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Камышловский 254-й полк 29-й дивизии организовался в Ирбитском заводе. Почти половина его первоначального состава были рабочие Ирбитского завода, беднота и батраки из ближайших деревень и сел. Но начинать историю полка с момента его окончательного оформления в Ирбитском заводе было бы не совсем правильно. В Ирбитский завод пришли уже готовые части, правда, небольшие, но уже имевшие боевой опыт, располагавшие военным имуществом, командным составом и политработниками.

Организация этих первоначальных отрядов проводилась в других условиях, гораздо более трудных, чем в заводе, где рабочие составляли подавляющее большинство.

Поэтому первоначальная стадия организации отрядов представляет большой интерес. Однако хотелось бы сделать это не в порядке сводок, а на каком-нибудь отдельном примере. Таким, по мнению автора, является отряд матроса Хохрякова. Этот отряд, правда, не вошел в состав Камышловского полка, но он являлся типичным для всех рабочих отрядов, которые посылались для работы в Сибирь еще до чехословацкого выступления. Воспоминания участников, широко освещающие этот поход, в то же время дают достаточно полную и яркую картину состояния Восточного фронта того времени.

Не менее важно для понимания условий формирования полка и положение дела в районе железной дороги, где развивались первоначальные операции противника. Поэтому во втором очерке описывается именно этот участок. И только после этого идут очерки, показывающие форми-

рование полка в Ирбитском заводе, и описание боевых действий.

Эта часть книжки занимает основное место. Дальнейшие операции полка и вся его последующая история даются как вывод.

Эпизоды боевой жизни полка приводятся, конечно, в значительном сокращении с установкой на то, чтобы показать, как полк приобретал высокие боевые качества, как он рос, и какое огромное значение имели здесь те красные командиры, которые оказались основным цементом, спаявшим Красную Армию.

Автор считал бы себя удовлетворенным, если бы читатель, прочитав очерки, смог представить себе обстановку того времени, увидел напряженную работу партии по организации обороны страны.

Кроме газет и документов из Центрального архива Красной Армии (ЦАКА), автор пользовался при составлении этой книги воспоминаниями бывших участников полка и другими материалами Истпарта Свердловского обкома ВКП(б).

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ХОХРЯКОВА

С конца апреля 1918 года каждому рядовому бойцу Красной гвардии в Екатеринбурге стало видно, что многочисленные враги молодой Республики Советов усиленно к чему-то готовятся. Штабу шестого района Красной гвардии, куда входили рабочие бывшей Макаровской фабрики, заводов Кроля, Чистякова и станции Шарташ, это было заметнее, чем другим. Чуть не каждый день по Сибирскому тракту и по другим дорогам этого же направления стали задерживать подозрительных людей.

Чаще всего снимали таких с подвод, отправляющихся в деревни «за продуктами». Обыкновенно это были женщины, которые ехали «выменивать хлеб» почему-то с детьми. При внимательном осмотре вещей «на продажу» обнаруживалось иногда оружие, а то и документы на другие фамилии.

Бывали случаи и более хитрой маскировки. Проходит, например, подвода самого обычного вида. На возу груда всякого рода посуды. Бренчат ведра и бидоны, мотается «неукладливая снастика» — коромысло, из вороха соломы нацелилась в небо огромная бутыль, ближе к задку саней громоздится кадка, тут же мешки. На возу едут и рядом идут женщины в крестьянской одежде. Как видно, возвращаются из города, куда возили продавать молоко, квашеную капусту и т. д. Тут же на возу и деньги того времени — наменянные вещи, одежда, обувь — все это брошено сверху, как попало. Документы у женщин на имя крестьянок пригородных сел и деревень. Словом, все в порядке.

Красногвардейцы все-таки начинают осматривать груз,

и оказывается — у кадки с «нераспроданной» капустой двойное дно, а там револьверы; в картошке, «наменянной для себя»,— гранаты английского образца.

«Торговок», конечно, задерживают, направляют в ЧК, а там у них обычно находят документы с другими фамилиями, где совершенно отчетливо обозначено, что это жены офицеров. Иногда в тот же день на другой дороге этого же направления задерживали «безоружных» пешеходов, у которых после внимательного осмотра находили документы с этими же фамилиями.

Иногда ехавшие на подводе женщины и дети не имели с собой никакого подозрительного груза, но их все-таки задерживали, так как они казались явно переодетыми. А вечером или ночью задерживали перегруженных оружием мужчин с «совпадающими» фамилиями.

Погоня за одним из таких привела однажды к неожиданному открытию на Михайловском кладбище. Там оказалось несколько ящиков с винтовками.

Все это говорило, что здесь были не просто попытки отдельных людей вывезти свои семьи из Екатеринбурга и выбраться самим, а вполне организованная подготовка. Люди подвергали опасности не только себя, но и свои семьи, лишь бы побольше провезти или пронести с собой оружия. И направление было одно — восток и особенно северо-восток, по Ирбитской железной дороге. Сюда шли особо перегруженные мешочниками составы поездов, и нередко на станции Шарташ кой-кого из этих мешочников снимали, как «захваченных с поличным».

Устремление на восток с оружием было вполне понятно. Недавно вернувшиеся из поездки за бывшим царем красногвардейцы отряда Хохрякова рассказывали, что там, особенно в Тобольске, Советской власти по-настоящему еще нет. Советские органы, правда, уже имеются, сам же Хохряков по заданию областного комитета партии большевиков их там организовал и был заместителем председателя Тобольского исполкома, но эти советские органы не имели в своем распоряжении достаточной вооруженной силы и не могли проводить твердую линию в своей работе...

Мало отличалось от этого положение и в Тюмени, хотя этот город был очень заметным в революционном движении прошлого... А в 1918 году Тюмень оказалась в руках меньшевиков и эсеров и стала едва ли не самым

трудным участком для работы партии большевиков в Зауралье...

К этому надо прибавить, что Тобольск недавно был местом ссылки бывшего царя и его семьи. Это привлекало сюда немало разных царских клевретов, которые осели в деревнях под ложными фамилиями и усердно продолжали свою контрреволюционную работу. Черные силы продолжали накопляться здесь и потом, когда бывшего царя и его семью увезли в Екатеринбург. Поездки в этом направлении к тому же легко было объяснить: в Сибирь за хлебом, за продуктами, подкормиться. В числе таких нуждающихся в сибирской подкормке осели в Тюмени, например, бывший председатель Временного правительства князь Львов, князь Гагарин и другие. Когда их арестовали, то они сумели объяснить свою жизнь в Тюмени как случайную остановку в пути, были освобождены и уехали за границу.

Конечно, не все то, что сказано выше о положении в Тюмени и Тобольске, было широко известно красногвардейцам Екатеринбурга, но общая картина была ясна: там органы Советской власти крепко нуждались в рабочей поддержке. Всем красногвардейцам было понятно, почему именно в этом направлении чаще всего проезжают отряды из разных городов республики.

Когда заговорили о «неполадках с чехами» (многие считали тогда это организованное выступление международного капитализма результатом случайного недоразумения), то опасность на Востоке стала еще очевиднее. Поэтому никто из красногвардейцев 6-го района города Екатеринбурга не удивился, когда 21 июня узнали, что в ближайшие дни все должны выехать в Тюмень. Интересовались лишь, кто будет начальником, и, узнав, что поведет отряд Хохряков, с удовлетворением отмечали:

— Ого, сам начальник штаба Красной гвардии. Боевой мужик, и дела тамошние знает до точки.

25 июня отряд красногвардейцев — 300 человек — в походном снаряжении, с двумя оркестрами, направился от Ленинской фабрики к штабу Красной гвардии, который помещался тогда в доме инженера Собещанского (по ул. Февральской революции, 7)[1]. На пути к отряду при-

[1] Современный адрес: ул. Февральской революцнн, дом № 11 *(ред.)*.

соединялись другие части Красной гвардии, и когда вышли на главные улицы города, это уже была внушительная демонстрация готовности пролетариата с оружием в руках защищать завоевания Октябрьской революции.

У штаба отряд был встречен представителями партийного руководства области. Прежде всего был объявлен приказ, в котором говорилось, что отряд рабочих красногвардейцев 6-го района переименовывается в отряд карательной экспедиции Тобольского направления. Командиром отряда назначается матрос Павел Хохряков. Назначение приветствуется криками «ура». После этого тов. Войков П. Л., недавно объехавший часть хлебных волостей Камышловского, Шадринского и Тюменского округов, говорит о положении на местах и разъясняет задачи отряда. Потом уходит на несколько минут в штаб и выносит две охотничьи сумки с двумя миллионами рублей в тысячных бумажках, надевает эти сумки на казначея отряда тов. Абакумова, вручает ему револьвер системы «Кольт» и еще говорит несколько напутственных слов. Когда казначей занял свое прежнее место в рядах, был зачитан «Наказ красногвардейцу», и отряд направился к станции Шарташ.

Отряду было придано с десяток кавалерийских лошадей и одно трехдюймовое орудие без прицельной рамки.

Утром 27 июня отряд Хохрякова выгружался из вагонов на пароходы, чтобы отправиться из Тюмени вниз по Туре по направлению на Тобольск, где уже почти совершенно открыто формировались белогвардейские отряды из местных кулаков под руководством накопившегося здесь кадрового офицерства. Отряд разместился на одиннадцати судах. Штаб — на «Террористе», пехота — на «Петрограде». На буксире «Ермак» установили свое единственное орудие. Легкие моторки «Конда» и «Лиза» и буксир «Константин» назначены были для разведывательной службы. На остальных судах — материальная часть, лазарет и т. д.

Для характеристики продовольственного состояния того времени хочется отметить, что Тюмень не смогла дать запасов хлеба для отряда и овса для десятка кавалерийских лошадей, зато выделила целых два вагона... компота, «японский ананас» и столько же сигарного американского табаку.

По этому поводу красногвардейцы шутили:

Соратники — воины 1-го Крестьянского коммунистического полка Красных Орлов (1918 г.). В центре — бывший командир полка И. А. Ослоповский, слева — бывший командир 6-й роты, в дальнейшем — комиссар полка П. М. Тарских, справа — бывший пулеметчик полка Ф. И. Голиков. Снимок 1948 г.

П. П. Бажов (в центре) в бытность его редактором газеты 29-й дивизии

— Туго придется — кашевары этого самого «японского-то» погуще заварят. Глядишь, и сыты все. А вовсе брюхо затоскует — покурить можно. Табачок не простой, американский.

Описание героического рейса Хохрякова приходится, к сожалению, опустить, так как это увело бы далеко от основной темы книги. Достаточно сказать, что отряд с первых же своих шагов оказался в окружении замаскированного и открытого классового врага. Стоило, например, красногвардейцам развесить на поручнях парохода свое выстиранное белье, как сейчас же из лесу показывались люди и обрадованно спрашивали: «Вы белые»? Один раз двое офицеров в полной форме спокойно вошли на стоявший у причала пароход, рассчитывая, очевидно, встретить здесь своих. Знакомство, действительно, оказалось, но только не такое, какого они ожидали. Один из вошедших был мичманом на крейсере «Заря свободы», где служил матросом начальник экспедиционного отряда Хохряков. Встреча, конечно, была последней.

В качестве иллюстрации исключительно тяжелого положения, в каком оказывались прибывшие в Сибирь отряды, надо привести попутно кусок из воспоминаний. Происходило это, правда, в другом районе, но положение было такое же, как и в районе действия хохряковского отряда. Замаскированный и открытый классовый враг был повсюду, и приехавшие мотовилихинцы были буквально подведены под расстрел.

По словам командира отряда тов. Колчанова, старого члена партии, десяток лет отбывавшего политкаторгу, гибель отряда произошла при таких обстоятельствах.

По линии железной дороги в направлении от Омска на Татарск с чехами дрались красногвардейцы омских мастерских, депо, интернациональные части, преимущественно из бывших военнопленных мадьяр. Командовал фронтом бывший штабс-капитан Черепанов, который и сдал в плен белочехам все свои отряды, а потом телеграммой затребовал из Омска подкрепления красногвардейцами из прибывших уральских рабочих.

По этой телеграмме в распоряжение Черепанова и был направлен отряд мотовилихинских рабочих. Не доезжая одной станции до штаба Черепанова, командир отряда тов. Колчанов вызвал к аппарату командующего фронтом и спросил у него, свободен ли путь и каково положение

на фронте. Черепанов ответил, что путь свободен, и приказал немедленно направляться к нему на станцию. Когда отряд направился дальше, переездной сторож сигналами остановил поезд и сообщил, что следующая станция, говорят, занята чехами. Осторожный командир приказал сдать поезд обратно и еще раз вызвал к аппарату Черепанова. Черепанов ответил, что все это вранье, что он сам находится со штабом на этой станции и предлагает без оговорок выполнять его приказ: немедленно ехать к нему. Проверив условными словами личность Черепанова, командир отряда вновь отправился в путь. Но как только поезд оказался в глубокой выемке, с обеих сторон выемки началась пулеметная стрельба, а путь впереди оказался загроможденным. Большая часть отряда так и была перебита в вагонах, остальные были захвачены в плен, и лишь очень немногим удалось спастись от этой предательски организованной бойни и присоединиться к тюменским отрядам.

Впоследствии те из пленных, кому удалось уцелеть, рассказывали, что на станции, куда шел отряд, они видели Черепанова. Он расхаживал с командованием белочехов и держался, как пользовавшийся их полным доверием. По рассказам других уцелевших участников этого отряда, Черепанов был потом заключен чехами в омский концентрационный лагерь, но как только заметили враждебное отношение со стороны опознавших его рабочих, так сейчас же он был уведен из лагеря и больше туда не возвращался.

Ясно, что в подобных условиях, когда измена опиралась на открытую враждебность деревенского населения, находившегося в руках кулаков, хохряковский отряд из 300 рабочих не изменил создавшегося положения. Он лишь помог выбраться другим, более мелким отрядам рабочих, которые примерно в том же порядке, как и хохряковский отряд, оказались в этом краю. С помощью хохряковского отряда этим мелким отрядам удалось вырваться из белогвардейского окружения и на одиннадцати пароходах подняться вверх по Туре до Тюмени. Это как раз совпало с успехом наших частей, действовавших со стороны Камышлова, когда белогвардейцев удалось оттеснить за Тюмень. Город, впрочем, был переполнен классовыми врагами. Навстречу флотилии Хохрякова от Тюмени спускали плоты, пароходы обстреливались и одиночными вы-

стрелами и залпами. Однако отряду с помощью тюменских водников удалось забрать все имевшиеся в этом плесе сорок пять речных паровых судов, и флотилия направилась вверх по Туре, к Туринску. Кроме отряда Кангелари, тавдинцев и тюменских водников, на пароходах была и часть интернационалистов, отступавших от Омска, и очень немногие бойцы из предательски расстрелянного отряда мотовилихинских рабочих.

Переход до Туринска проходил в очень трудных условиях. К обстрелу с того и другого берега здесь еще прибавились трудности продвижения верховьями обмелевшей реки. Много надо было находчивости, распорядительности и решительности со стороны командующего флотилией, чтобы довести ее до назначенного пункта. Как бы то ни было, все сорок пять паровых судов Тюменского флота были приведены к пристаням города Туринска. Отстоять этот последний пункт не удалось не только по причинам враждебного окружения и прямого наседания противника, но и потому, что в руководившем тогда военном центре имелась тенденция отступить подальше. Из разговора командовавшего фронтом Овчинникова с заместителем командарма Белицким видно, что оборона намечалась по линии Алапаевска.

Овчинников в разговоре по прямому проводу от 27 июля обещает:

«Из Алапаевска в случае отхода на вышеуказанную линию я могу некоторые части представить в другие части фронта» [1].

Из другого разговора по прямому проводу видно, что опорный пункт намечался еще дальше.

«Дело обстоит довольно скверно. Голубев предлагает нам немедленно отойти скорее на Егоршино, так как со стороны Екатеринбурга — Богданович путь совершенно испорчен и противник может захватить Егоршино. Мы останемся отрезанными. Хохряков точно так же отступает со стороны Туринска. Последний эшелон его находится в Ирбите. Все вместе взятое нас приводит к мысли о продвижении до Нижнего Тагила, где будем держать общий фронт на одной железной дороге» [2].

Эти настроения командования, разумеется, доходили

[1] Центральный архив Красиой Армии (ЦАКА).
[2] Там же.

и до бойцов. Разговоры об окружении были самыми обычными. Командовавший фронтом в Режевском направлении Ваньян в разговоре с заместителем командарма Белицким передает эти настроения отдельных бойцов.

«Нет физической возможности кого-нибудь удержать. По вопросу — куда вы хотите ехать — отвечают, что направляются в Пермь. С этими остатками стоять здесь не могу. Прямо больше не понимаю, что и делать. Я думаю, от этой линии нужно отойти, но покинуть ее не могу. Останутся отрезанными шадринская и тюменская группы, но удержаться этими силами тоже немыслимо»[1].

Имелась и определенная необходимость вырвать часть рабочих отрядов для того, чтобы пополнить ими отряды на других фронтах. В архиве Красной Армии немало сохранилось документов такого рода:

«Кушва, Главком. Из Ирбита. 28 июля 1918, 13 час. 25 мин.

Тавдинский отряд по обстоятельствам задержан в Ирбите. По миновании надобности будет следовать назначенном направлении. Комиссар Смирнов заболел, просьба назначить комиссара. Военрук Шахов. Командир 3-й сводной батареи Вотинов»[2].

«Кушва. Командарму III из Егоршино. 27 августа 1918, 7 час. 12 мин. Егоршино 29 июля, согласно вашего распоряжения отряд Семерикова, входящий состав отряда Кангелари Ирбитского направления, должен быть немедленно командирован Лысьву. Считаю необходимым доложить, что с выделением отряда Семерикова у Кангелари останется только 400 штыков. Благодаря столь незначительной силе, нет никакой возможности под давлением противника не только оборонять ирбитское направление, но даже совершить планомерный отход, поэтому ходатайствую об оставлении отряда Семерикова в распоряжении Кангелари хотя бы временно. Последующем по этому поводу распоряжении немедленно сообщите. Военрук Овчинников. Военком Лацис»[3].

«Военная вне всякой очереди.

Ирбит. Семерикову. Предлагаю немедленно отправить отряды тавдинской группы в Лысьву в распоряжение

---

[1] ЦАКА.
[2] Там же.
[3] Там же.

инспектора фронта Павлова. Отрядам же Хохрякова задержаться в Ирбите и поступить в распоряжение тов. Овчинникова. Врид командарма III Белицкий»[1].

Думаю, что приведенные документы достаточно ясно говорят о положении дела и об организаторской роли хохряковского отряда, прикрывавшего отступление на северо-востоке.

Отряд Хохрякова не вошел в состав Камышловского полка, но для формирования как этого полка, так и других частей Ирбитского направления это мероприятие Уралобкома РКП(б) с посылкой экспедиционного отряда имело огромное значение. Поэтому первой страницей истории полка и должна быть справка об этом отряде.

К тому же факт посылки экспедиционного отряда и его операции с особенной отчетливостью показывают ту враждебную обстановку, какая имелась тогда в краю, где, по выражению Владимира Ильича Ленина, буржуазия опиралась на «крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму»[2].

В этой классово-враждебной обстановке немногочисленный отряд рабочих, в большинстве не знавших военного дела, сумел все же захватить с собой или уничтожить часть военного имущества и главное смог сохранить живую силу пролетариата, которая в виде отдельных мелких отрядов находилась тогда на Ирбитско-Тобольском направлении. Часть этих отрядов, как тавдинцы, например, и другие, ушли на пополнение других фронтов, часть вошла в Камышловский полк. Сам Хохряков сражался рядом, на Режевском фронте, как раз в тех местах, где Ваньян кричал о паническом состоянии отрядов. 17 августа Хохряков получил смертельное ранение из пулемета.

Захватив рану бинтом, он смог лишь сказать:

— Держитесь крепко... Командир... Матвеев... В Нолинске... в деревне... жена, сын... Выучите сына... матросом... Командиром... Все можно будет... Не сдавайте позиции...

Так умер командир штаба Красной гвардии, матрос «Зари свободы» Павел Данилович Хохряков, один из преданнейших работников партии.

---

[1] ЦАКА.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 429.

Крестьянин Верхне-Быстрянского сельсовета Вожгельского района Кировского края, он с 1914 года был призван на военную службу во флот. Здесь был в Кронштадте на корабле «Александр II», впоследствии «Заря свободы». Во время Февральской революции Хохряков, как один из активнейших матросов-большевиков, был взят на работу по организации Советов... Со своим отрядом Красной гвардии он подавлял белогвардейское восстание в Невьянске, потом насаждал Советы в Тобольском уезде, куда после доклада тов. Войкова снова направился с экспедиционным отрядом.

НА ГЛАВНОЙ ЛИНИИ

Маленький и в основном мещанский городок Камышлов, расположенный на Великосибирской магистрали, оказался в более выгодном для пролетариата положении, чем другие уездные города этого же района Зауралья.

По данным однодневной переписи, произведенной в 1917 году, из общего количества 5537 человек взрослого населения города 1032 человека, или 19 процентов, принадлежали к группе промышленного пролетариата, занятого на железной дороге, в депо, в кожевенном бывшем алафузовском заводе и в трех сельскохозяйственных мастерских. (Считались не только рабочие, но и взрослые члены их семьи).

Эти девятнадцать процентов рабочей прослойки в условиях того времени были цифрой довольно значительной.

На территории Камышловского уезда находился относительно большой — тоже, конечно, по масштабам того времени — Каменский металлургический завод, с населением до 10 тысяч. Такой крупный рабочий центр неизбежно оказывал революционизирующее влияние на ближайшие к нему крестьянские волости, облегчая бедноте борьбу против кулаков и их пособников... Каменский завод с прилегавшими к нему крестьянскими волостями был в мае 1918 года выделен в самостоятельный район.

Распределение земельного фонда между волостями Камышловского уезда было крайне неравномерным. Наряду с многоземельными волостями, было немало и таких, где земли не хватало, причем, как правило, многоземельные волости располагали и хорошим почвенным покровом, а в малоземельных волостях почвенные условия

были часто очень неблагоприятны (беляки, пески, мергеля). Прокормиться от земледелия в этих малоземельных волостях было невозможно для большинства крестьян. Эти волости не только выделяли много отходников-сезонников, но зачастую имели постоянную связь с предприятиями, находившимися в этом районе: добывали асбест, работали на Егоршинских каменноугольных копях, на рудниках около села Кашинского, на строительстве цементного завода в Сухом Логу, на золотых приисках. Крестьянская беднота, связанная с такой постоянной работой на предприятиях, и батраки, занятые в кулацких хозяйствах района, составляли здесь довольно значительный процент.

Эти экономическо-социальные особенности города и отдельных пунктов уезда в значительной степени содействовали развертыванию и укреплению здесь работы партии большевиков. Усиливалось и ускорялось вместе с тем и открытое выступление классово-враждебных сил в хлебных многоземельных волостях, а это в свою очередь форсировало создание вооруженных отрядов из деревенской бедноты и батраков.

Было еще одно обстоятельство, которое имело немаловажное значение для укрепления партийной группы в Камышлове.

В марте 1918 года в Камышлов прибыл для расформирования VI Сибирский корпус. Конечно, той огромной махины, которую представлял этот корпус, куда входили, кроме 14, 18 и 136-й дивизий, еще 5-я Кавалерийская, в то время уже не было. По существу в Камышлов прибыла лишь революционная верхушка этого корпуса, состоявшая из большевиков-фронтовиков, в числе которых были и военспецы.

Эта классово определившаяся и проверенная на революционной работе военная группа большевиков имела большое значение для укрепления Камышловской организации. С этой же группой сюда пришли и навыки военно-организационного порядка. Во главе этой группы стоял командир VI корпуса тов. Васильев М. В.

Остается пожалеть, что областное руководство своевременно недооценило значения этой военной группы большевиков, предпочитая доверять больше военспецам с чинами и военными отличиями. Тем не менее, даже при определенной форме недооценки, Камышловская военная

группа вскоре заняла заметное положение. В материалах архива III армии можно найти сколько угодно всякого сорта обращений в Камышлов за подкреплениями, с предложениями «разоружить и ссадить из вагонов деморализованные части» и т. д. Таким образом, Камышлов на главной линии оказался формировочным пунктом. Причем это формирование частей было значительно отличным от того, как это проводилось в других местах Зауралья. На первый план был выдвинут, как и следовало, классовый принцип. Подбор комсостава производился преимущественно из низшего комсостава, прошедшего учебные команды или выслужившегося в боевой обстановке...

Партийная организация большевиков, опираясь в первую очередь на рабочих Камышлова и Каменского завода, смогла в условиях Камышловского уезда неплохо организовать деревенскую бедноту и частью — середняка, особенно в районах промысловых волостей. Красногвардейские отряды и боевые дружины крестьянской бедноты явились основанием для формирования 5-го Уральского, 1-го Крестьянского, 1-го Камышловского полков.

Надо отметить, что разрыв с эсерами в Камышлове произошел значительно раньше, чем это было в смежных крестьянских уездах. В то время как там левые эсеры продолжали частично оставаться в руководстве, даже при открытой вооруженной борьбе с белогвардейцами в Камышлове, еще на июньском съезде Советов, в состав исполкома были избраны только большевики. Что же касается Военного комиссариата, то он со дня организации неизменно находился в руках большевиков. Это, конечно, сказывалось и на организации боевых дружин в уезде. Они там формировались тоже под преобладающим влиянием и постоянным руководством партии большевиков. Это и дало им ту классовую направленность и крепкую закалку, благодаря которым сформировавшиеся из этих боевых дружин полки оказались одними из лучших боевых единиц Уральского фронта на первой — и самой тяжелой — стадии его жизни.

Самый порядок формирования, по воспоминаниям военного комиссара уезда, впоследствии комбрига и начдива 29-й Уральской дивизии тов. Васильева, а также по другим документам, представляется следующим:

«Когда были получены сведения о чехословацком выступлении и участились кулацкие восстания в уезде, на

экстренном собрании комитета партии была избрана коллегия из пяти лиц под моим председательством. Этой коллегии было поручено поддержание спокойствия в уезде, а также организация отрядов для противодействия перешедшим в наступление со стороны Челябинска чехословацким частям.

По постановлению коллегии в ту же ночь были отправлены две роты Камышловского отдельного батальона при четырех пулеметах «Максим». Сюда, в этот отряд, было влито до пятидесяти человек рабочих Камышловского железнодорожного депо, состоявших в резерве Красной Армии, и часть ответственных партийных работников города. Роты были снабжены двумя походными кухнями, патронными двуколками, полевым кабелем, медицинским персоналом, медикаментами, патронами. Специальным поездом под начальством тов. Яковлева отряд был отправлен на станцию Синарскую (Каменский завод). Там к ним присоединилось до пятидесяти рабочих Каменского завода. Общая численность отряда дошла до 300 штыков».

Этому отряду потом удалось связаться с частями, вызванными из Екатеринбурга, и в дальнейшем войти в состав этих частей.

«Одновременно с высылкой отряда была объявлена мобилизация всей советской милиции, а волостным исполкомам и партийным ячейкам предложено было организовать в уезде новую милицию. Было мобилизовано также до пятидесяти процентов всех членов партии».

Из этого вновь сформированного отряда часть тем же порядком, то есть с остановкой для пополнения в Каменском заводе, была направлена дополнительно в отряд Яковлева, и тов. Васильев 14 июня сообщал областному военному руководству:

«Камышловский отряд силою 600 человек пехоты, 20 конных ординарцев, при восьми пулеметах прибыл в Усть-Багаряк, где устраивает позиции на случай возможного наступления противника» [1].

Еще раньше этого телеграммой от 8 июня тов. Васильев сообщал Каменскому исполкому:

«Посылаю отряд 50 человек. Вышлите на усиление Далматовского отряда. Начальник, бывший фельдфебель

---

[1] ЦАКА.

Топорков, в боевом отношении опытный. Вести тщательно разведку в направлении на Петропавловское» [1].

Отряд под командой Василевского, посланный из Камышлова на подавление кулацкого восстания в районе башкирских волостей, был тоже переброшен к Шадринску.

Военком Шадринского направления тов. Лацис, описывая тяжелое положение этого города, говорит:

«Советские войска — 500 — под командованием Бахтина — Вороткова окопались за горой близ боен. По сведениям большой советский отряд ушел на Талицкий завод. Прибыл отряд 150 человек Каменского завода под командованием Василевского, раненного сегодня в разведке. Командование принял Волосков. Немедленно высылайте подкрепление» [2].

Из трех оставшихся в Камышлове рот по мобилизации, о которой говорилось выше, одна под командой уездного комиссара по управлению тов. Подпорина отправилась в район Катайска. Почти одновременно с Подпориным были направлены в Каменск тов. Грушецкий и другие сотрудники уездного военкомата с задачей немедленно приступить к укреплению этого района. Шанцевый инструмент, колючая проволока и часть саперов были отправлены из Камышлова, а довольствие людей и их пополнение производилось Каменским райисполкомом.

Этот отряд Подпорина вскоре стал организационным центром формирования 1-го Крестьянского полка из боевых дружин деревенской бедноты Катайской, Шутинской, Никитинской и других волостей.

В дальнейшем это формирование, пополненное за счет рабочих Каменского завода и работников, посланных уездным военкоматом, составило два батальона 1-го Крестьянского коммунистического Красных Орлов полка.

После занятия чехословаками Омска особо тревожное состояние оказалось на железнодорожной линии, и сюда, по направлению к Омску, была брошена из Камышлова 3-я рота. Сюда же направлен был отряд тов. Жукова, преимущественно из красногвардейцев-железнодорожников. Этому отряду были поручены военные операции и укрепление Талицкого завода.

Последняя оставшаяся в Камышлове рота под коман-

[1] ЦАКА.
[2] Там же.

дой заместителя комиссара по управлению уезда была направлена в Тамакульскую волость. Там, в связи с падением Шадринска, кулацко-эсеровские элементы выступали уже совершенно открыто, разгоняя сельские Советы.

Жуковский отряд и 3-я рота впоследствии образовали 3-й батальон Крестьянского полка, а рота Тамакульского направления, обросшая боевыми дружинами деревенской бедноты и пополненная за счет отступавших со стороны Омска частей, стала называться уже Камышловским батальоном. Командование этим сборным отрядом было возложено на тов. Черных Н. Ф., одного из работников Омского фронта. Это название батальона потом перешло и на весь полк, который сформировался в Ирбитском заводе.

Общим во всех этих формированиях было то, что они шли почти исключительно в добровольческом порядке и совершенно одинаковым способом. Около красногвардейского отряда с большой прослойкой коммунистов организовались боевые дружины деревенской бедноты, и в результате получались батальоны, сводившиеся потом в полки.

Такой способ формирования, как видно, казался неправильным областному военному руководству. В наказе инспектору фронта тов. Павлову имеется такой показательный пункт:

«На станции Камышлов вы имеете трехчасовую остановку. Разогнать какой-то там самочинный военно-революционный комитет».

Но Павлов, ознакомившись с положением дела, сообщил телеграммой:

«Военный комиссар уезда Васильев производит хорошее впечатление».

Командовавший III армией тов. Берзин сам приезжал в Камышлов и тоже, ознакомившись с положением дела, оставил все, как там было. Однако это не устранило известной доли недоверия к такого рода формированиям у отдельных военспецов.

Назначенный потом командиром сводной дивизии и начальником Егоршинского боевого участка Овчинников пренебрежительно называл эти формирования «васильевским войском» («Васильев со своими войсками»).

При своем назначении Овчинников выговаривал:

«В случае объединения направлений в одно — чинов

штаба вверенного мне направления надлежит откомандировать или в резерв или предоставить их самим себе». (Из телеграммы командарму от 29 июля из Егоршино).

Даже трудность обстановки не мешала Овчинникову говорить:

«В этот тяжелый момент я не считаю невозможным расформирование штаба тов. Васильева, так как в полках нет надежного оперативного органа».

Боевые операции, однако, в ближайшее же время показали всю легковесность и несостоятельность такой оценки «васильевских войск». Они, эти войска, при формировании которых преимущественно обращалось внимание на классовый состав, а военспецы подбирались из низшего командного состава, образовали славную 29-ю дивизию.

Если не считать первый отряд, который потом под именем 5-го Уральского полка вошел в состав 3-й дивизии и находился на фронте, занимаемом этой частью, в Егоршине таких формирований было свыше 3000 штыков. По состоянию III армии на 27 августа это было почти 20 процентов. Не знать эту группу руководство армии, конечно, не могло, и если были такие разговорчики, то они питались, безусловно, имевшими место троцкистскими тенденциями среди руководства.

Здесь налицо были высокомерное отношение к работе «невоенных» партийцев и определенная переоценка военспецов без достаточной их проверки.

С этой стороны история 29-й дивизии, и в частности Камышловского полка, является одним из показательных примеров, как эти вредные тенденции мешали организовать сопротивление противнику.

ИРБИТСКИЙ ЗАВОД

Ирбитский завод чаще зовут заводиком, заводчиком. И верно, заводик, едва ли не самый маленький из старых уральских. За сто с лишним лет жизни завода его население не дотянулось даже до двух с половиной тысяч.

Хотя постройка завода (1776 год) относится к сравнительно позднему времени, он не мог похвалиться какиминибудь техническими улучшениями, усовершенствованиями против самых старых уральских заводов. О перспективах Ирбитского завода на дореволюционном заводском

жаргоне говорилось в двух словах: «собакинская стройка». Эта пара слов напоминала один из сквернейших анекдотов уральского прошлого.

Раздувшийся от кабацких доходов откупщик Собакин (впоследствии Яковлев) вздумал выйти на более почетное положение уральского заводовладельца. С этой целью он стал усиленно покупать казенные и частновладельческие заводы и, кроме того, занялся строительством новых.

К концу жизни Собакин-Яковлев по числу принадлежащих ему заводов (22) вышел на первое место среди всех уральских заводовладельцев того времени, не исключая и Демидовых. Однако этот откупщичий комбинат заводов оказался очень неустойчивым и вскоре рассыпался. Часть заводов, прежде всего постройки самого Собакина, пришлось просто закрыть, как явно нерентабельные. Во владении наследников Яковлева до революции осталось лишь четыре действовавших завода: Алапаевский (главный в округе), Нейво-Шайтанский (Сусанский), Верхне-Синячихинский и Ирбитский. Верхне-Сусанский и Нижне-Синячихинский в этой группе уже были закрыты. На очереди к закрытию стоял Ирбитский завод, тоже из «собакинских строек».

Надо сказать, что Собакин, этот «неутомимый собиратель и фундатор заводов», как его называли, был по-своему замечателен. Или он вовсе не интересовался будущим своего строительства, которое ему, может быть, было и нужно для каких-то других целей, или не понимал значения предварительного исследования и подсчетов, или, наконец, просто был уверен, что при любом положении «можно копейку нажить».

Какое отражение имела эта система строительства, лучше всего можно видеть на примере Ирбитского завода.

Завод имел лишь воду речки Ирбитки да лесной массив — и только. Торфяники и близость каменноугольных копей строители 1776 года, конечно, не могли иметь в виду. Это уж подарок последующего времени, но и он не изменил тяжелого положения завода. Руды вблизи все-таки не было. Ее приходилось доставать гужом с Кашинских рудников, километров за 70—80.

При таком положении Ирбитский завод давно уж потерял самостоятельное значение, превратившись в передельный цех Алапаевского завода. Оттуда привозили болванку, которую в Ирбитском заводе превращали в листо-

вое железо. Так как подача болванки происходила не всегда регулярно, то завод часто сокращал действие и даже вовсе закрывался.

Чебаков И. И., один из первых работников Советской власти в Ирбитском заводе, говорит по этому поводу:

«Я вот вырос в заводе, никуда оттуда как будто не хотел уезжать, а вот по документам моим видно, как я мало там работал. Да и не мне одному так пришлось. Это у нас, у ирбитско-заводских рабочих, обыкновенное дело. Либо в Синячиху, либо в Алапаевск, а то и в которую-нибудь Туру приходится бежать на работу. Как закроют завод, так и налаживай манатки. А домой все-таки тянет. Привязка есть — хозяйство, хоть и небольшое, а бросать не хочется».

В устройстве «привязки» основатель завода оказался гораздо дальновиднее, чем в выборе места. В то время как большинство других уральских заводовладельцев всячески противодействовали рабочим в получении пахотной земли, здесь проводилась другая политика. Заводоуправление хоть и не выделяло специального участка, но смотрело сквозь пальцы на распашку покосов. По данным последней дореволюционной подворной переписи в Ирбитском заводе значится 1225 человек обоего пола, объединенных в 420 сельскохозяйственных дворов. Свыше половины этих дворов (242) обрабатывали землю, а 50 из них даже арендовали на стороне, и только 178 дворов не вели полевого хозяйства.

Размер пахоты у этих 242 дворов очень незначителен — 418 десятин. Распределены они, конечно, не совсем равномерно, но все же какие-то клочки имелись у 242 хозяйств. Ради этого, видимо, в Ирбитском заводе держали 250 лошадей, причем по одной лошади имело 201 хозяйство, часть из которых принадлежала к группе бескоровных, то есть самых бедняцких.

Чтобы ясно было, какое это убогое хозяйство, приведем несколько цифр по рядом лежавшей Шмаковской волости (селение Шмаково, Боярка, Мало-Молоково (Якшина) и Буланова).

Там на 2690 человек жителей, объединенных в 492 двора, приходилось 1172 душевых надела, составлявших 3936 десятин пашни, 2009 десятин выгона, 3012 десятин сенокоса, 2878 леса, 270 усадебной, 20 залежей, или 12 122 десятины удобной земли.

Вряд ли надо пояснять, что этот земельный фонд распределен был и между селениями и внутри отдельных селений вовсе не так, как это выглядит в сводных таблицах. В той же Шмаковой, главном селе волости, из общего количества 213 хозяйств 11 хозяйств были безлошадными и бескоровными, а 19 хозяйств имели больше чем по 4 рабочих лошади на двор; с одной лошадью было 54 хозяйства, а с четырьмя лошадьми —24. Такая же картина экономического неравенства получится, если попытаемся анализировать и другие цифры, но это в данном случае кажется излишним.

Назначение приведенных выше сводочных цифр по Шмаковской волости прежде всего — показать, насколько сравнительно мизерна была база для сельского хозяйства в Ирбитском заводе по сравнению с окрестными деревнями. 418 десятин на 242 хозяйства — это был поистине голодный паек, на котором никак прокормиться было нельзя, но все же этот паек в какой-то мере удерживал рабочих на заводе.

Другое назначение приведенной сводной таблицы в том, что она достаточно ясно показывает, почему Шмаковская волость оказалась базой контрреволюции.

Кроме обширного земельного фонда, на котором сильно росли кулацкие хозяйства, здесь экономически сказывалась и близость завода, изготовлявшего товарное кровельное железо. В подворной переписи это отразилось в графе о числе хозяйств, имевших заработки от промыслов. В этой графе значится, что по Шмаковской волости из 506 хозяйств 217, то есть почти половина, имели заработки, помимо земледелия. Причем 100 хозяйств применяло наемную рабочую силу. В переводе на разговорный язык это значило, что кулацкие хозяйства близлежащих деревень занимались не только всякого рода перевозками и подрядами для Ирбитского завода, но и наживались от заводских отходов,— в маленьких кустарных мастерских превращали заводский брак в предметы домашнего обихода: ведра, тазы и т. д.

Отсюда понятно, что близость завода содействовала росту и укреплению кулацких хозяйств Шмаковской волости. Зато положение рабочих Ирбитского завода было исключительно тяжелым. Чтобы не оторваться от своего нищенского сельского хозяйства, они вынуждены были работать по самым низким расценкам. Заработок от перевозок на

лошадях был ничтожен, так как выезжавшие в свободное от земледельческих занятий время многолошадные шмаковские кулаки сильно снижали цену на перевозки.

Значительным преимуществом рабочих была их относительная грамотность.

Сравнительные цифры, которые даются в последней дореволюционной переписи, настолько показательны и так далеки от наших советских, что хочется остановиться на них несколько подробнее.

При опросе подсчитывались отдельно грамотные и малограмотные. Под первыми считались все с образованием не ниже начальной (трехлетней) школы, а все, кто не кончил школы, но умел подписывать свою фамилию, относился к разряду малограмотных. В счет вводились и дети школьного возраста.

В Ирбитском заводе тогда оказалось грамотных мужчин 258, малограмотных —98, всего 356, или 32 процента к общему числу мужчин (1118). Женщин грамотных было 115, малограмотных —32, итого 147, или 13 процентов к общему числу (1107).

Между тем по Шмаковской волости грамотных и малограмотных мужчин было только 21 процент, а женщин — 1,3 процента. Причем в самой богатой деревне Булановой, где в 25 процентах хозяйств имелось свыше чем по 4 рабочих лошади и 19 процентов хозяйств применяли постоянную наемную силу, не было ни одного грамотного в возрасте от 40 лет.

Понятно поэтому, что во время гражданской войны Шмаковская волость и Ирбитский завод определились как противоположности.

Кулаки Шмаковской волости были надежной базой для контрреволюции, а маленький Ирбитский заводик, где рабочий был наиболее обездолен и угнетен, стал центром, куда с начала открытой борьбы стали стекаться и мелкие отряды из деревенских батраков и бедноты ближайших волостей.

Исключительно захудалое положение Ирбитского завода отражалось, между прочим, и на способе управления. В то время как в других заводах Алапаевского округа уже довольно давно работали инженеры, порой со значительными именами, Ирбитский завод представлял собой участок старозаветного режима. Здесь в продолжении 27 лет был управителем некий Сафонов, «выслужившийся сам из

уставщиков». Что представляли собою такие «выслужившиеся из уставщиков» и каковы были методы их управления, достаточно известно по практике многих уральских заводов. Изучив на опыте технологический процесс во всех его деталях, они менее всего склонны были к каким-нибудь изменениям или нововведениям. Из методов воздействия знали два приема: «потачки не давать» и «беречь хозяйскую копеечку». Руководствуясь этими правилами, Сафонов чуть не тридцать лет правил в Ирбитском заводе. Строго браковал железо, твердо выжимал копейку и у фабричного, и у подсобного рабочего. Те из ирбитско-заводских, кому приходилось заниматься заводскими перевозками, даже ценили Сафонова за то, что он держал цену на перевозки в зависимости от числа выехавших из деревень подвод. В отдельных случаях заводским при этой дефференциальной системе оплаты перевозок иногда можно было «выиграть копейку», выбрав наиболее выгодное направление: в Алапаевск, в Ирбит или в Камышлов (в последние два пункта возили готовую продукцию). Сколько проигрывалось от этой меняющейся цены, не считалось. Видимо, такая скаредная политика цен казалась естественной и правильной: на то и управитель.

Революционное движение 1905 года прошло незаметно для Ирбитского завода. Лишь в 1907 году здесь был случай расправы с управителем. Товарищи Чебаков и Бороздин рассказывают об этом так:

«Расценки были никуда. В цехах начали говорить о необходимости просить прибавки. Наиболее передовая часть рабочих предложила выступить организованно. Выбрали делегатов, которым было поручено вести переговоры с управителем завода Сафоновым о прибавке заработной платы. По тревожному гудку собрались все в сварочном цехе. Сюда же прибежал встревоженный гудком старик-управитель. Толпа окружила его и потребовала прибавки. Привыкши за четверть века к другому поведению рабочих, управитель заносчиво объявил:

— Прибавки не будет, а сбавить могу хоть сейчас.

Этот заносчивый ответ возмутил рабочих, и всякие переговоры стали явно излишними.

— Не можешь, так нечего тут тебе и сидеть. На харовину посадить, да на свалку увезти, только и дела.

Молодежь подхватила этот выкрик и сейчас же раздобыла дровни, привязав к ним длинную веревку. На дровни

была брошена харовина (рваный, испорченный лист железа). Посадили на этот лист управителя и с гиканьем, свистом и криками вывезли за ворота завода. Увидев, что навстречу бегут пристав и стражники с оружием, толпа разбежалась. Вывезенный управитель больше в завод не являлся».

Этот случай, происходивший 7 марта 1907 года, показывает, что доведенные крайними формами эксплуатации рабочие Ирбитского завода были готовы к открытому революционному выступлению, но сколько-нибудь организующего действия партии в заводе тогда еще не было.

Мало изменилось положение дела и на следующий десяток лет. Завод по-прежнему больше стоял, чем работал. Основной рабочий возраст вынужден был искать заработков на стороне. Дома оставались старики и молодежь. Последняя по условиям того времени сама по себе много сделать не могла. Не было ни грамотности, ни привычки к общественной жизни, ни организационных форм.

Пришедшие после Февральской революции с фронта были первыми организаторами завода. В начале эти организаторы, может быть, по своей неграмотности, взяли не совсем приемлемую форму союза фронтовиков. Все-таки этот союз фронтовиков в Ирбитском заводе как будто не подпал под влияние своего контрреволюционного центра. Люди из этого союза ездили в Ирбит и там принимали участие в установлении Советской власти, которой до тех пор в этом исключительно мещанском городе совсем не было.

Только с декабря 1917 года в Ирбитском заводе организовалась первая партийная группа. Была она сначала очень незначительной. Притом же большинству товарищей приходилось постоянно выезжать из завода или в ближайшие деревни, или в город Ирбит.

В силу этого формирование первого отряда Красной Армии проходило не совсем гладко.

По воспоминаниям И. М. Бороздина, дело представляется в таком виде.

В феврале 1918 года, когда было получено из области предложение сформировать добровольческий отряд, местные большевики, из числа пришедших с фронта, устроили общегражданское собрание.

В театр, где назначено было собрание, народу набралось до отказа. Много пришло и женщин.

Как только было рассказано о необходимости сформировать отряд на добровольческих началах, в зале поднялся шум.

— Навоевались мы, хватит. Пусть другие идут, кто на войне не бывал.

У женщин формулировка была еще короче и решительней:

— Не отпустим своих.

По такому началу можно было судить, что в заводе все-таки сказалось влияние союза фронтовиков, который, как известно, прежде всего старался использовать усталость от войны и отсталые настроения некоторых, вернувшихся с фронта.

Кто был работником этой стороны, так и осталось неизвестным, но партийной части собрания пришлось нелегко. Все попытки убедить, разъяснить встречались выкриками, насмешками.

Когда старик Бороздин стал говорить о необходимости выделить отряд для защиты завоеваний Октябрьской революции, ему закричали:

— Сам иди. Ты вот, небось, нигде не бывал. Иди да и послужи.

— Наплакалась я о своих сыновьях. А теперь последнего отдавай. Сам поди-ка. Убьют, так не жалко, старик уж.

— Вот тебе, Макарыч, шинель и гимнастерка, одевайся. Может, на тебя глядя, кто позавидует, запишется,— услужливо предложили ему солдатскую одежду двое фронтовиков.

При таком обороте дела Бороздину, конечно, ничего не оставалось делать, как записаться, хотя ему уже тогда было за пятьдесят лет и военную службу в прошлом он не проходил. Записались за ним и еще несколько стариков: Шеломов Яков, Терентьев и другие. Основное же ядро отряда, конечно, составляла молодежь и большевики-фронтовики.

Этот первый отряд был численно невелик — 36 человек. Но организация его была началом усиления партийного влияния не только в Ирбитском заводе, но и в уездном центре и в ближайших деревнях.

Этот первый отряд направился в Ирбит. Для характеристики состояния Ирбита достаточно сказать, что вначале добровольческий отряд попал под команду бывшего

жандармского ротмистра Любского, который в то время у ирбитчан был военным комиссаром.

Вернувшийся с фронта бывший типографский рабочий, впоследствии, с мая 1918 года, работавший секретарем Ирбитского комитета РКП (б), тов. Елизарьев Е. А. рассказывает, какое тогда было положение в Ирбите.

На победу пролетариата ирбитская буржуазия с помощью прибывшей из центральных городов ответила устройством в городе большого погрома. Были спровоцированы солдаты расквартированного в Ирбите пехотного полка, которые начали громить винный склад. Когда город был весь охвачен пьяным угаром, начались погромы магазинов, вещевых складов. Вместе с ними шли и поджоги. Награбленное развозилось из города возами. Это старалось кулачье ближайших деревень. О размере погрома можно судить по тому, что в огне пожара тогда погибло до двухсот человек.

Организаторы погрома не преминули воспользоваться этим. Они создали так называемые дружины охраны спокойствия. Кто входил в дружины, понять нетрудно. Председателем всей этой организации оказался штабс-капитан Огарков.

В таких условиях естественно, что официальное утверждение Советской власти в Ирбите оказалось запоздавшим. Собранный 28 января 1918 года общеуездный съезд Советов проводился эсером Соколовым, и председателем уездного исполкома был выбран немец-эсер Окулов.

Подстать такому исполкому назначен был и военный комиссар из жандармов — Любский.

Понятно, как трудно было в таком городе организовать и укрепить партийную группу. В двух типографиях Ирбита было общим счетом 32 рабочих, да еще несколько человек работало на мельницах и в частных мастерских. Это и была рабочая база для партии. И если все-таки большевикам Ирбита удалось к маю 1918 года встать во главе революционного движения города, устранить от власти всех и откровенных и подкрашенных пособников буржуазии, то в значительной степени это зависело от помощи рабочих Ирбитского завода.

Тов. Елизарьев так и говорит в своих воспоминаниях, что основной базой для укрепления партийного влияния в городе были рабочие Ирбитского завода.

С их помощью удалось разоружить и жандарма Любского и забрать у левых эсеров пулеметы, какие у них были.

Отряд, о котором говорилось выше, не был единственным и первым в Ирбитском заводе. Гораздо раньше и гораздо проще организовались там продотряды для борьбы с мешочниками-спекулянтами, проезжавшими мимо Ирбитского завода по железной дороге. Задачи там стояли простые, понятные и тем из рабочих, которые еще полностью не поняли и не оценили политического состояния страны.

Однако эти продотряды быстро превращались в ту вооруженную силу, которая встала потом на защиту Октябрьских завоеваний.

Особенно быстро шло революционизирование заводской молодежи.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

— Когда до Ирбитского завода дошли первые вести о выступлении чехословаков,— рассказывает один из работников Камышловского полка тов. М. П. Панов,— это мало кого встревожило. Даже партийная организация отнеслась к сообщению спокойно и, пожалуй, безучастно.

— Что там. Раздавят наши чехов. Много ли их, да еще растянулись по дороге от Самары до Иркутска. Где же им удержаться? Вон сколько рабочих отрядов даже мимо нашего захолустья проходит. А там... Навалятся с ближних заводов — только и дела.

При этом некоторые в подтверждение своих слов приводили близкий пример.

— Хоть наш Ирбит взять. Самый мещанский городишко, а поагитировали там наши, и целый отряд ушел против Дутова. Только позови, сейчас же со всех сторон столько рабочих понаедет, что никаким чехам не удержаться на железной дороге.

Вскоре призыв и был получен из области. Отнеслись к этому легко. Чуть не вся ирбитско-заводская партийная группа с председателем и секретарем стали сейчас же готовиться к отправке. Рассчитывали «отвоеваться на своих харчах», поэтому приказали продовольственному отделу готовить сухарей из расчета человек на тридцать на несколько недель. Отъезжавшим был один наказ:

— Поскорее возвращайтесь. Работу в заводе открывать надо. Без того уж четыре года воюем.

Все это, конечно, показывало, что партийная группа Ирбитского завода не имела должного политического кругозора и мало ждала гражданской войны. Так оно действительно и было. Тов. Никонов, впоследствии начхоз Камышловского полка, так рассказывает об этом периоде работы в заводе:

«Я был на ВИЗе[1] в январе 1934 года и при помощи соратников по полку: Журавлева П. Л., Чертищева С., Кропотухина А., Пановых М. П., А. П. и А. И. восстановил в памяти ряд событий.

В декабре 1917 года в старой больнице было первое собрание вернувшихся из старой армии. Были Панов М. П., Говорухин Ф. В., Коростелев Г. В., Кропотухин Ст., Сошилов В. Я., Журавлев Ф. В. — всего человек пятнадцать. Обсуждали, как организовать Советскую власть в заводе. Это и был почин организации Красной гвардии, но назвали все это союзом фронтовиков.

От этого союза фронтовиков были посланы первые делегаты на уездный съезд в Ирбите. Съезд устраивали эсеры, и Советской власти этот съезд не организовал, а нас делегатами не признали, хотя мы тоже на этом съезде говорили.

Члены союза фронтовиков были и первыми членами Ирбитско-заводского Совдепа. Из этой же организации союза фронтовиков была создана пришедшим в завод А. А. Шаньгиным первая ячейка партии большевиков. В последних числах декабря 1917 года было первое собрание этой ячейки, а второе было в школе уже в январе 1918 года».

Что получалось от такого противоестественного сближения союза фронтовиков с заводской партийной организацией, уже видно из предыдущего. Отдельные члены союза фронтовиков, даже из тех, кто считал себя большевиками, тянули партгруппу книзу. Они с большой страстностью выступали против войны и буржуазии, но сами не имели желания вступать в новую — гражданскую войну.

К этому надо добавить, что в Ирбитском заводе имелась численно значительная группа меньшевиков. Правда,

---

[1] Сокращенное название Верх-Исетского завода в Екатеринбурге (Свердловске). *(Ред.)*.

при исключительной отсталости завода кадры технической интеллигенции, на которую чаще всего опирались меньшевики, были здесь очень слабы, и в состав меньшевистской группы входили некоторые из наиболее отсталых рабочих. Такое положение, разумеется, не могло не сказаться на работе ирбитско-заводских меньшевиков. Прямых выступлений против партии большевиков и Советской власти в воспоминаниях не отмечается. Противодействие было замаскированным. Группа меньшевиков вносила во всю работу элементы «спокойствия» и излюбленного своего «сглаживания острых углов». Иначе говоря, пыталась толкать рабочих на путь сотрудничества с буржуазией.

В результате всех этих воздействий получались такие, например, факты, о которых рассказывал тот же тов. Панов М. П.

Выбрали новый состав исполкома, а старого председателя волостной управы Ширкунова оставили заведующим финчастью. Понадобилось много спорить, прежде чем этот Ширкунов решил сдать дела председателя. Да этим происшествие и не ограничилось. Через несколько дней старая управа собралась выбирать делегата на какой-то съезд. Тов. Панов, как председатель нового исполкома, не допустил выборов, вызвав к себе членов старой управы. Причем вызов этот производился с помощью вооруженных людей. И уж только после этого на общезаводском собрании было постановлено управу распустить.

В этих же воспоминаниях Панова отмечается, что составленные партийной группой списки контрибуции в Ирбитском заводе утверждались общезаводским собранием.

Еще более необычным кажется сообщение тов. Смирнова А. И. о способах хлебозаготовок, которые практиковались в Ирбитском заводе.

«Из Екатеринбурга получили распоряжение, что в Ирбитском уезде много хлеба, который нужно купить и отправить в Иваново-Вознесенск и Москву. Это было в первых числах декабря 1917 года. В городе был собран съезд, куда были посланы я, Смирнов, Чебаков И. И., Шаров И. И., Казанцев Г. Работа съезда длилась дней шесть, но все же пришлось платить за хлеб грабительские цены: за один пуд муки брали пуд кровельного железа, да еще и этого им казалось мало. Стали хлеб разбазаривать направо и налево, то есть украдкой возить в Тагил, Надеждинск и т. д. Для борьбы с расхитителями хлеба

нам пришлось выставить караулы по всем дорогам, пойманных приводить на склады и давать им в обмен пуд кровельного железа за пуд муки. Такую борьбу пришлось вести до самой весны 1918 года».

По приведенным примерам, однако, нельзя утверждать, что вся работа заводской группы большевиков была неправильной. Многое делалось по-другому.

В частности, например, быстро, четко и по-большевистски был решен вопрос о земле. Принадлежавшие заводоуправлению земли, церковные пашни и покосы были немедленно отобраны и распределены между особо нуждающимся заводским населением. На землях, непосредственно примыкавших к заводу, были нарезаны усадебные участки, а также выделены участки для огородов. Последние были отданы главным образом солдаткам. Им же и другой заводской бедноте была оказана и другая помощь. Неплохо работала партийная организация и по линии производства. В состав делового совета завода здесь входили только большевики.

Но за всем тем приходится сделать вывод:

В Ирбитском заводе было немало революционно настроенных и достаточно активных людей, были на редкость благоприятные экономические предпосылки для развертывания большевистской работы, но не было крепкого, политически грамотного и большевистски дальнозоркого руководства. В силу этого революционное настроение рабочих смазывалось, снижалось, а иногда и не совсем правильно направлялось.

По крайней мере, начало гражданской войны застало врасплох не только рабочих Ирбитского завода, но и партийное руководство. Получив распоряжение о высылке отряда для борьбы с чехословаками, партийное руководство завода не придумало ничего лучше, как сняться самим и уехать из завода.

Оставшийся в заводе председатель исполкома тов. Панов передает один очень показательный факт, который произошел после отъезда отряда, но который тоже не был правильно понят.

«Уехала, конечно, «головка», в том числе А. А. Шаньгин (председатель парткома). Из актива осталось очень мало: человек 5—7. В это время получили бумажку из Стриганки (25 километров от Ирбитского завода). Подписана эта бумажка полковником 2-го Степного полка Ива-

новым. В ней предлагалось бить комиссаров и сдавать оружие.

Дело было в праздник — троицу. Собираю всех оставшихся красногвардейцев — человек сорок. Разъясняю им бумажку. Решаем послать разведку в Стриганку. Сами через час собираемся у волости. Один отряд под командой матроса Пузанова идет заставой на «казенную» дорогу, другой — на шмаковскую, я с «главными силами» (человек пятнадцать) остаюсь как резерв. Для связи между отрядами взяли кавалеристов.

Ушли отряды. Кругом разгул, песни, на душе невесело: вдруг в Стриганке человек 200—300? Жду вестей целую ночь. К четырем часам утра должны прибыть. Никого, однако, нет. Хочется спать. Часов в десять утра застава «поймала шпиона»... пьяного из Стриганки. От него узнали, что никого там нет. А мои разведчики, попав в Стриганку на праздник, кутнули там порядком и... благополучно спали всю ночь, «раз на Шипке все спокойно».

Только потом, когда дней через пять после описанного случая в Ирбитский завод вернулся из области отряд, положение несколько изменилось.

Приехавшие разъяснили, что их вернули с наказом готовиться к обороне на месте, так как фронт приближается к Ирбитскому заводу и со стороны Тавды, и со стороны Богдановича, и со стороны Камышлова.

С этого собственно момента — с возвращения отряда из области — и началась деятельная подготовка по развертыванию красногвардейских отрядов.

«До этого,— вспоминает тов. Никонов,— Красной гвардией в Ирбитском заводе, по существу, никто не занимался. Руководителем ее считался волостной военный комиссар Кропотухин.

По приезде в завод П. П. Пузанова, уже в конце июня, Кропотухин был назначен начальником милиции, а Пузанов волвоенкомом. Он с красногвардейцами разъезжал по деревням, производил там реквизицию, собирал контрибуцию».

С этого времени Красная гвардия в заводе окончательно оформляется, и начинается самая ответственная работа по расслоению деревни и организационной помощи батракам и деревенской бедноте.

Фронт, между тем, был уже совсем близко. Участилось прохождение воинских эшелонов по направлению к Тавде.

Со стороны Богдановича и Камышлова шли тревожные слухи. Начали говорить «о каком-то Черныхе», который дерется с белогвардейцами уже за линией железной дороги. Отдельные рабочие все же продолжали готовиться к жатве. Но таких было уже немного. Партийная группа усиленно работала, разъясняла создавшееся положение, и большинству теперь стало ясно, что без упорной борьбы с наймитами буржуазии дело не обойдется. Участившиеся случаи кулацких выступлений в деревнях показывали, что дело вовсе не в чехах, которых могло быть и немного, а в том классовом враге, который сидит тут же рядом: в Шмаковой, в Булановой и других деревнях. Его лишь до сих пор по-настоящему не разглядели.

Обострение классовой борьбы в деревне вызвало организацию там батраков и бедноты. Чувствуя себя в кулацком окружении, беднота ближайших к заводу сел и деревень снималась оттуда и группами приходила в завод, пополняя ряды Красной гвардии. Многие приходили вооруженными, но оружия все-таки не хватало. И вот уже перед самым отступлением из Ирбита тов. Чебаков И. И. с подводами был направлен за оружием в Ирбит.

На обратном пути у тов. Чебакова была одна встреча, которая лишний раз показывает, как упрощенно и без самых необходимых предосторожностей велось тогда дело.

Вечером, уже в потемках, когда груженные оружием подводы пробирались по лесной дороге, вдруг слева показался отряд конников. Подводчик, первый заметивший отряд, крикнул:

— Товарищ Чебаков, едут какие-то.

Чебаков устремляется навстречу со своим объемистым, но малонадежным «Смит-Вессоном», на него передний конник направляет наган. Происходит разговор, который к обоюдному удовольствию оканчивается хорошо — съехались свои. Отряд был невелик, но все же неожиданным ударом такой отряд противника легко мог бы захватить несколько возов оружия, которое охранялось только подводчиками, да еще с таким сомнительным оружием, как «Смит-Вессон».

Положение дела в Тавде, Туринске, Ирбите было так или иначе известно, но о Камышловском фронте сведений было мало. Этот случайно встреченный тов. Чебаковым отряд под командой П. М. Пульникова был первым, пришедшим в завод с камышловского направления. От этого

отряда и узнали, что «Черныху» приходится отступать под давлением превосходящих сил противника, что отступление ведется к Егоршинскому железнодорожному узлу. Туда отступают и другие полки от станции Богданович.

Это еще более всколыхнуло заводскую партийную организацию, которая теперь уже вплотную занялась подготовкой к отпору классовому врагу. Надо сказать, что теперь даже наиболее отсталые из заводского населения стали готовиться к обороне, хотя и под своим лозунгом «не отдадим своего завода».

В августе завод уже окончательно стал на боевую ногу. Производилось учение красногвардейцев, в сторону неприятеля высылались ежедневно заставы, пока одной такой заставе не удалось встретить отряд тов. Черных.

Смирнов А. Ф., начальник этой заставы, передает в своих воспоминаниях показательный разговор при этой первой встрече.

Застава из семнадцати человек стояла тогда в Шмаковой. Штаб помещался в здании бывшей волости. Разговор о «Черныхе» в Ирбитском заводе был уже давно. Ждали его, этот отряд, со дня на день, и вот заставе Смирнова пришлось с ним встретиться. Так как пароля и отзыва у той и другой стороны не имелось, то встретились, как водится, с оружием в руках. Опросили друг друга. Поверили, конечно, на слово, и сейчас же тов. Смирнов спросил:

— Далеко, товарищ Черных, собираешься отступать?

— До Перми,— ответил тот.

— А мы вас отсюда не отпустим, от своего завода.

— Много ли вас?

— Да сейчас человек семьдесят, а можем поставить и семьсот.

— Семьсот? Тогда на Тобол пойду. С кем говорить об этом? Есть тут телефон? — И командир отряда ушел в волость, где установлен был телефонный аппарат.

С приходом отряда Черных в Ирбитский завод здесь появилось, наконец, то, в чем больше всего завод нуждался.

С отрядом пришли сюда такие партийные работники, как политкомиссар тюменского направления тов. Усиевич, Лобков, Шебалдин, Скляр и др. Письменных партийных документов того времени не сохранилось, но все, вспоминающие об организации полка, отмечают, что партийная работа в заводе с этого времени значительно усилилась и

широко развернулась вербовка рабочих в войска и военная учеба.

Хотя обещанных заставой тов. Смирнова семисот бойцов завод не мог поставить, так как в нем просто не было такого количества взрослого мужского населения, но обещание все-таки надо считать полностью выполненным. Все способные носить оружие, в том числе и молодежь, не достигшая восемнадцатилетнего возраста, записались в ряды Красной Армии.

Политический и служебный авторитет тов. Усиевича значительно содействовал приехавшему из Камышлова военному командованию в его работе по оформлению полка из частей, которые в иных условиях могли бы отказаться от подчинения. Здесь, может быть, успеху дела в такой же мере содействовали и личные качества командования.

Тов. Панов так рассказывает о своей первой встрече со штабом тов. Васильева.

«Вечером часов в пять прибыл тов. Васильев со штабом. С ним конная охрана — человек двадцать. Штаб Васильева расположился в доме управителя завода. Я тотчас же отправился к товарищу Васильеву и был поражен.

Командир товарищ Васильев с начальником штаба Везиковым сидели за столом. Было еще тут человек шесть-семь. Васильев, как сейчас помню, был совершенно не похож на типичного военного человека. Обыкновенная фигура рабочего. Таким же казался начальник штаба. Говорили не о военных операциях, а о продовольствии, фураже, уборке хлеба и т. д. К тому же Васильев, выходя на балкон, надел какую-то потрепанную шляпенку.

В общем, первое впечатление от них и разговора с ними у меня осталось довольно хорошее. Особенно мне хотелось увидеть Усиевича, который был в эмиграции вместе с Лениным.

Придя в Совдеп, застал там «чинов» нашего штаба, и мы беседовали до глубокой ночи, делясь впечатлениями о нашем новом составе главного штаба и грядущих боях».

Из приведенного отрывка воспоминаний видно, что простота М. В. Васильева, его рабочая внешность, заботливость о мелочах,— все что в условиях формирования добровольческих частей имело очень большое значение. В этих частях, как известно, держалось еще повышенное недоверие к военным специалистам старой армии, и чело-

век, внешне непохожий на старых военспецов, сразу выигрывал в глазах добровольцев. Тут же определенно признали своего — рабочего, не только по внешности, по манере говорить и держаться, но и по той деловой заботливости о мелочах быта, которую отмечает тов. Панов.

В воспоминаниях сейчас же говорится и о тов. Усиевиче, партийный авторитет которого еще более укреплял положение приехавшего командования.

Командир — простой человек, как видно из рабочих. Ему вполне доверяет такой партработник, как тов. Усиевич, известный самому Ленину. Что же может быть лучше?

И надо сказать, что трудное дело слияния отрядов, в составе которых были и деморализованные отступлением элементы, прошло удивительно спокойно, гладко и даже празднично.

Сам тов. Васильев пишет об этом так:

«Штаб Тюменско-Омского направления был горячо принят в Ирбитском заводе партийной и советской организацией и расквартирован в доме управителя завода.

Вскоре по прибытии в Ирбитский завод штаба сюда же пришли партизанские отряды Кочневской, Квашнинской и Куровской волостей Камышловского уезда под командованием тов. Некрасова с собственным обозом, хлебом, скотом.

Тов. Некрасов выстроил отряд на площади, доложил мне об этом и попросил посмотреть.

Отряд был выстроен в колонну, поротно, с прекрасным выравниванием по фронту, с безукоризненной дисциплиной в строю. Все это говорило о подготовленности отряда в строевом отношении. Но вооружен был отряд винтовками разных систем и даже охотничьими ружьями и одет был разношерстно.

Мною был отдан приказ вооружить отряд трехлинейками русского образца, а командиру отряда тов. Некрасову было приказано ждать особых распоряжений, так как Ирбитско-заводский партийный комитет и ревком обещали поставить под ружье всех рабочих завода.

Партийный комитет и ревком действительно провели в заводе такую большую работу, что рабочие поголовно все вступили в отряд, и мною был отдан приказ выдать недостающее количество винтовок.

Вслед за вооружением отряда Некрасова и отряда рабочих Ирбитского завода мной и был отдан приказ: из

отрядов рабочих Ирбитского завода, отряда Некрасова, Кангелари, батальона Черных сформировать полк и назвать его 1-й Камышловский стрелковый полк.

Первый полк был назван мною потому, что я имел в виду из камышловских партизанских отрядов, отходивших в район станции Егоршино, сформировать еще два стрелковых полка, но эти отряды немного позднее мною были влиты в полк Красных Орлов, 4-й Уральский, а один батальон брошен в завод Реж.

Камышловскому стрелковому полку была придана одна батарея и кавдивизион. Командиром полка был назначен Черных, помощником командира — Кангелари.

В Камышловский стрелковый полк был влит и отряд ирбитских коммунистов.

В полку и кавдивизионе было много интернационалистов-мадьяр, отходивших из Сибири и Ирбита.

Позднее Камышловскому стрелковому полку был придан блиндированный поезд.

В полку хорошо была поставлена партийно-массовая работа.

С первого же дня проявил он сознательную дисциплину. Не знал усталости и хныканья в трудные боевые месяцы».

Приказу тов. Васильева об окончательном оформлении Камышловского полка предшествовали два приказа тов. Черных от 10 августа.

Оба эти приказа, дающие картину начальной стадии полка, приводятся ниже полностью.

ПРИКАЗ

начальника Ирбитского заводского гарнизона
10 августа 1918 года

По строевой части

§ 1

Объявляю, что сего числа я вступил во временное командование 1-го Камышловского пехотного полка, формируемого мной из частей войск, действующих на фронте Ирбитского завода.

§ 2

Всем частям, командам, ротам, эскадронам и заведениям военного ведомства, находящимся в районе Ирбитского завода, немедленно представить в штаб полка, находящийся в доме управителя завода, 11 августа к 12 часам дня сведения:

1) Имена, отчества и фамилии командного состава, с указанием занимаемой ими должности по прилагаемой форме.

2) Список на кандидатов, могущих быть назначенными на командные и другие должности в полку.

3) Сведения о патронных двуколках, лазаретных повозках, ездовых лошадях, обозных и т. д.

4) Точные сведения о списочном и наличном состоянии людей, лошадей и повозок.

5) Сведения о красноармейцах с подразделением на специальности:

санитаров, фельдшеров, сестер милосердия, телефонистов, артиллеристов, писарей, кузнецов, поваров, самокатчиков, мотоциклистов, саперов, бомбометчиков, пулеметчиков, разведчиков, плотников, портных, слесарей, шорников, сапожников, ветеринарных фельдшеров и литографов.

Начальник гарнизона (подпись)

(537. Дело АКА № 61-952. Лист 4).

ПРИКАЗ № 1

по 1-му Камышловскому пехотному полку
10 августа 1918 года

По строевой части

§ 1

При сем объявляю штаб 1-го Камышловского пехотного полка:

1) Командир полка — Черных.
2) Его помощник — Кангелари.
3) Заведующий хозяйством — Никонов.
4) Делопроизводитель по строевой части — Панов.
5) Казначей — Кангелари.
6) Делопроизводитель по хозяйственной части — Фишер.

Каптенармусов

7) Оружейным отрядом — Черных.
8) Заведующим оружием — Франц Кольда.
9) Его помощником — Журавлев.

В 1-й строевой батальон входят роты бывшего 6-го батальона тов. Кангелари.

Во 2-й строевой батальон — Кочиевская рота и Ирбитский отряд.

В 3-й строевой батальон — роты бывшего 3-го батальона тов. Черных.

Команды пулеметная, разведчиков, связи, нестроевых, обозных и пр. должны немедленно дать о себе сведения, по получению коих будут сформированы полковые команды.

Вр. командующий полком Черных.

(Дело АКА № 207-819).

В дополнение к этим приказам необходимо привести здесь рассказ первого завхоза полка тов. Никонова о снабжении, размещении и материальной части в пору формирования полка.

«Основа была положена из хозяйства лесничества завода. Лесничий Голубев все плакался и уговаривал меня, чтобы на все, что мы берем, давали документы.

— А то меня алапаевское правление расстреляет за растрату.

Я ему давал эти документы на все, что брал для полка от имени ревкома.

Более двадцати лошадей с упряжью и телегами у нас помещались все время в заводской конюшне. Потом кони добавлялись реквизицией у кулаков в деревнях Булановой, Зайковой, Речкаловой и Осинцевой. Дальше пошли уже трофеи боев. Конюшни пришлось расширить.

Кони стояли под домной и в угольном сарае. Овес хранился наверху домны у колошника, в ларях. Там и у лесничества мной было принято 700 пудов.

Обоз приходилось добывать, как придется. В частности, помню, мне удалось выпросить две телеги, ходок и две кухни у отряда тов. Хохрякова.

Гораздо хуже было с хлебом. Все отряды при своем слиянии не хотели сдавать продовольственных запасов. У Ирбитского отряда, например, с грехом удалось добыть два воза муки из ограды Плишкина, где тогда квартировал тов. Елизарьев. Воз овса достали со двора, где размещался штаб этого отряда.

Использовалась мука также из нашего продовольственного склада. Обычно муку раздавали по домам, а женщины пекли хлеб и сдавали его тов. Гусеву и Анне Пановой.

Походные кухни стояли в заводской ограде. Сначала мясо брали тоже из лесничества, потом стали доставать путем реквизиции скота у кулаков Шмаковского села, а также раз пригнали табун скота из Лебедкиной. Потом мясо стали посылать в вагонах из Егоршино. Это уже началось плановое снабжение бригады.

Кухни стали возить суп по окопам, а пока этого не удалось организовать, то в окопы еду носили женщины, как привычно носили они обед своим мужьям и сыновьям на завод. Наши заводские практиковали это и потом, когда стали уже полковые кухни развозить обед.

Хлебозаготовки производились и натурой. Иначе гово-

Г. А. Усиевич — политкомиссар частей Красной Армии Тюменского направления, один из организаторов Камышловского полка. *(С фотоснимка 20-х годов.)*

М. В. Васильев — командир 29-й дивизии III армии Восточного фронта в 1918 году, один из организаторов Камышловского полка. *(С фотоснимка 20-х годов.)*

Ф. Ф. Смирнов — командир 2-й роты Камышловского полка.

Кангелари — помощник командира Камышловского полка.

ря, хозяйственная часть полка организовала жнитво шмаковских полей. Молотили этот хлеб, выхваченный у врага, в заводе. Жать ходили обыкновенно женщины.

Склад продуктов был в лавках на площади. Там же был и склад обмундирования. Ружейная мастерская была у Хохлова в каменной лавке, а во дворе Хохлова размещались лошади анчутинской разведки.

С приходом отряда из Камышлова и Тавды деньги на расходы всегда были. Эти деньги я обычно получал у нашего казначея — жены тов. Кангелари. Перед нею отчитывался в произведенных расходах.

Жалеть денег мне определенно не велели. Особенно настаивал на этом тов. Усиевич. Он всегда говорил:

— Плати за все, что полк натворит у населения. Где хлеб стопчут, скотину побьют, огород сломают — за все плати. Плати и за то, что держат на квартирах.

Надо, однако, сказать, что плату за квартиру в заводе брали очень немногие и каких-нибудь заметных претензий за поломанное и испорченное имущество тоже не помню».

Между прочим, эта политика не замедлила сказаться на оздоровлении тех частей полка, которые, как уже говорилось, имели элементы деморализованные. Добрососедское отношение заводского населения в значительной степени обязывало эти деморализованные элементы к дисциплине, к бережному отношению к населению. Всякий проступок становился предметом обсуждения на собраниях партийных групп, иногда выносился на обсуждение ротных судов и строго карался. Таким образом, кратковременная остановка в самом Ирбитском заводе значительно помогла выправить и дисциплинировать части.

В результате получился полк в 1442 штыка, при 37 пулеметах, 4 орудиях и 40 кавалеристах.

Чтобы яснее представить значимость этой цифры, надо напомнить, что по состоянию III армии на 17 августа во всех ее четырех дивизиях насчитывалось лишь 18 119 штыков.

И дело было не в одном количестве. Боевые качества полка, как показали ближайшие же дни, оказались очень высокими, несмотря на то, что в состав полка вошло немало людей, не привыкших обращаться с оружием и не проходивших суровой школы войны.

Первыми командирами батальонов, по воспоминаниям тов. Никонова (официального документа не удалось най-

ти), стали: 1-го батальона — Журавлев Ф. С., 2-го батальона — Некрасов Л. Ф., 3-го батальона — Галинайдис.

Командирами рот были три матроса Балтфлота, двое интернационалистов (Ганц и Хорват), остальные четверо из рабочих и крестьян-фронтовиков.

Начальником конной разведки — рабочий Ирбитского завода кавалерист Анчутин П. Н.

Начальником саперной команды — тоже ирбитско-заводский рабочий тов. Смирнов А. И.

Военкомом полка остался тот же, что был в Камышловском отряде — рабочий кожевенного завода Удников Н. А.

Руководящие партийные работники Омского фронта уже тогда, как видно, успели на работе по сколачиванию первого отряда оценить высокие организаторские способности и беззаветную преданность делу революции этого работника, который впоследствии был военкомом одной из дивизий Дальневосточного фронта.

Только такой высокой оценкой и можно объяснить, что тов. Удников, тогда еще молодой член партии, был поставлен военкомом такого в сущности очень сложного и трудного формирования, как Камышловский полк.

И партийное руководство не ошиблось. Словом, личным примером в боевой обстановке, а когда надо, и мерами беспощадной кары тов. Удников поднимал и укреплял дисциплину и боеспособность полка и в то же время умел наладить прекрасную товарищескую спайку между красноармейцами, комсоставом и политработниками. Эта, по выражению тов. Шаньгина С. А., «упорно-организационная работа тов. Удникова» особенно ярко сказалась в момент, когда полку пришлось оставлять завод и перебрасываться на другой фронт.

Оставался военкомом полка тов. Удников вплоть до боев под Нижним Тагилом, когда тяжелое ранение надолго вывело его из строя.

БОЕВАЯ СТРАДА

В приказе главкома фронта о назначении камышловского военного комиссара и председателя исполкома тов. Васильева военным руководителем Тюменско-Омского направления указывалось и направление отхода наших частей.

«В случае необходимости (то есть 1 — энергичного натиска противника на Камышлов с юга и востока, или 2 — занятия противником станции Богданович) отходить в общем направлении на станцию Боярская (восточнее Егоршино), с боем держаться зубами за каждый рубеж. О каждом вашем продвижении немедленно сообщайте штабу фронта»[1].

Таким образом, выход к Ирбитскому заводу был вовсе не случайностью. Боярка — железнодорожная станция около Ирбитского завода (ныне станция Талый Ключ) — намечалась главным командованием как одна из точек обороны егоршинского железнодорожного узла, угольных копей и заводов, расположенных в районе Северо-восточно-уральской железной дороги.

Здесь, за деревней Бояркой, почти под самым Шмаковским селом, и стали рыть окопы, готовясь к позиционной войне. В сторону Антоново-Лебедкина (Северо-восточное направление) был выставлен заслон.

Так получился этот висячий левый фланг III армии, рассчитанный, очевидно, только на то, что противник тогда вел наступление исключительно по железнодорожным линиям.

Нельзя сказать, что подготовка к военным действиям вблизи завода кого-нибудь особенно встревожила, даже среди женского населения Ирбитского завода. Женщины уже привыкли к довольно частым стычкам и ружейной стрельбе при столкновении продотрядов с мешочниками. Один раз — в январе или феврале — спекулянты, наступая на заводской продотряд, даже сожгли его базу... полевую избушку заводского кулака Упорова И. А. Владелец избушки потом долго скулил по заводу, жаловался в Совет на свои убытки. Надоел всем до того, что Совет решил «отвязаться» — построил ему новую полевую избушку.

Эта сожженная спекулянтами хибарка и была в глазах заводского населения, не бывавшего на войне, своего рода «образом войны».

Появилось много людей. Готовятся к военным действиям, а женщины продолжают беспокоиться о неубранной кошенине и поспевающих хлебах. Каждый день уходят то на покосы, то на поля. Когда им говорят: «Вы опасай-

[1] ЦАКА.

тесь все-таки маленько, того и гляди война начнется»,— женщины отвечают:

— У нас уж была одна война-то. Упоровскую избушку дотла сожгли и чуть двоих наших до смерти не убили.

Это сближение ожесточенных боев гражданской войны и мелких стычек с хлебными спекулянтами, которые нередко выдавали себя за продотряды, было для того края довольно обычным явлением. К этому было немало и оснований.

Тов. Елизарьев Е. А. рассказывает, например, такой случай из своей работы в Ирбите.

«В мае или июне 1918 года получил сведения по телеграфу о продвижении с Тавды отряда в 600 человек. Какой это отряд — было неизвестно.

Местные контрреволюционеры немедля истолковали это в свою пользу. Они стали распространять слух, что идет белогвардейский отряд атамана Кузнецова, которого, видимо, ждали.

Воспользовавшись этим, самими же ими сфабрикованным слухом, контрреволюционеры предъявили ультиматум Совдепу — в 24 часа сдать всю полноту власти «в руки правосудия».

Члены Совдепа, принадлежавшие к левым эсерам, скрылись. Ультиматум был доставлен мне членом Совдепа тов. Логиновым. Я, как начальник вооруженных сил Ирбита, предпринял меры к встрече этого неизвестного отряда и к «успокоению» местной контрреволюции.

Было намерение взорвать железнодорожный мост и спустить состав в Ницу, но это приведено в исполнение не было, так как смущала неизвестность — что за отряд. Направился тогда на станцию Ирбит для встречи. Там выяснили, что отряд этот называется продовольственным. Он шел из Сибири, считал, что проходит среди местности, занятой белыми, и вел себя так, чтобы сбить с толку белых.

На предложение остаться в Ирбите для подкрепления гарнизона отряд не согласился и, получив продовольствие, уехал в направлении Егоршино — Алапаевск — Пермь».

Не менее характерно для начала гражданской войны и смешение чисто деревенских приемов ее ведения с организованной военной тактикой.

Тот же тов. Елизарьев рассказывает другой случай.

«В Ирбите стало известно, что в селе Кирге, в четыр-

надцати километрах от города, расположился отряд белых.

Чтобы проверить это сообщение, была направлена разведка, человек семь.

Разведка выяснила, что на дороге к Ирбиту со стороны Кирги ничего тревожного нет. Но когда разведчики стали подъезжать к Киргинскому селу, то заметили у околицы несколько человек вооруженных. Один из разведчиков все-таки поехал поближе. Тогда из группы, находившейся у околицы, один отделился и поспешно стал закрывать поскотинные ворота. Разведчик выстрелил и убил его наповал. Лишь после этого раздались ответные выстрелы, а потом застрочил даже пулемет».

Положение висячего фланга, конечно, облегчало населению завода возможность узнавать через окрестные деревни все, что делалось у белогвардейцев.

Слухи шли самые устрашающие, отвратительные,— и все это действительно так и было. Рассказывали, что один из белогвардейских командиров, полковник Киселев, пьяница и кокаинист, расправляется с захваченными красноармейцами самым диким способом. Он лично избивает их поленом по голове, пока не брызнет мозг.

Про другого такого начальника, Казагранди, рассказывали, как он производил расправу в Туринске.

Осмотрев захваченных по обвинению в большевизме в Туринской тюрьме, выбрал единственного там еврея Кухтовича, привязал веревкой к своему коробку и стал разъезжать по городу. Бьется, конечно, человек, падает, а он его — плетью. Выскочили дети Кухтовича — плачут, а это только тешит палача. Полуживого вытащил Кухтовича за город к Верхотурскому тракту, заставил вырыть яму и тут же расстрелял и забросал землей.

Еще больше рассказывалось о зверствах деревенского кулачья. Так, в том же Туринске захваченных большевиков кулачье увело вниз по реке к клеевареннюму заводу. Там какой-то гад придумал выколоть глаза тов. Смородкину. Мало этого, положил глаза в карман тужурки тов. Смородкина. Отрезали нос, уши, истыкали штыками и шашками.

Много рассказывали о том, как старательно деревенские кулаки выискивают всех, кто хоть сколько-нибудь был связан с Советской властью. Выискивали таких и среди «обсужденных до учредилки». Была такая группа

людей, которых белогвардейские власти отправляли в тюрьмы на неопределенный срок, откладывали решение вопроса о них до учредительного собрания. Так эта группа и называлась — «обсужденные до учредилки». Такой приговор, однако, не спасал людей от кулацкой расправы. Делалось это удивительно просто.

Везут, например, таких «обсужденных» из Туринска в Ирбит. В вагон влезает пьяный сын усениновского торговца Сашка Колесников. Обошел вагон, уставился пьяными глазами на усениновского фельдшера, еще кого-то из усениновских углядел, поздоровался. Потом подошел к офицеру, поговорил с ним,— и готово. Поезд останавливают, выводят фельдшера Васадзе и тех, с кем еще здоровался Колесников, и расстреливают.

— Как с котятами, с людьми-то,— удивляются слушатели, а рассказчики приводят факты еще чудовищнее, еще отвратительнее.

«Руки правосудия» ирбитских торгашей действовали без всякого стеснения. Дело дошло до того, что сами представители белогвардейской власти начали сомневаться: ладно ли так?

На память об этой поре упрощенного правосудия остался один документ. Правда, этот документ помечен уже первыми числами сентября, но это не меняет дела. Приводим его полностью.

ПРОТОКОЛ

1918 года, 4 сентября

Приезжая в село Ключевское, где должно быть мое жительство, я, уездный милиционер 6-го участка Ирбитского уезда, нашел в селе Ключевском такие происшествия:

Из деревни Еремной, Ницинской волости, 3 сентября приезжает в пьяном виде офицер Владимир Цезаревич Черемных (Белявский), берет с собой солдата и патруля, едет в деревню Курьинскую, что в трех верстах от села Ключевского, и приводит оттуда граждан деревни Курьинской Андрея Степановича Панькова и Флора Евлампиевича Панькова. После допроса (а насчет чего допрашивал, пока не выяснено, так как в комнате, где был допрос, кроме него и арестованных, никого не было и никого не велено было пускать) он, Черемных, их арестовал. Под арестом упомянутые граждане просидели часов пять, после чего офицер Черемных гражданина Флора Евлампиевича Панькова отдал местному учителю Федорову на поруки, а гражданина Андрея Степановича Панькова отвел от здания волостного земства сажен на шесть и с двух выстрелов застрелил. Потом велел заложить лошадь и отвезти труп на Каменку, а утром нарядил выкопать могилу и туда труп зарыли.

Составил протокол уездный милиционер А. Н. Топорков.
Свидетели: сельский староста Григорий Степанов Заиин, за неграмотностью старосты расписался Андрей Борисов Кривых[1].

К этому документу можно разве прибавить, что сынок купецкого цезаря был всего-то владельцем ирбитской типографии и редактором дореволюционной газеты «Ирбитская жизнь», где больше объявлялось, что у папаши продается то-то и то-то, и все самого лучшего качества и по самым доступным ценам.

Теперь этот, с позволения сказать «цезарев сын», считал себя вправе разъезжать по уезду, хватать кого ему вздумается и расправляться, как только захочет.

Все такие разговоры, особенно о том, что творилось в ближайших селах, доходили довольно быстро. В заводе не только было известно, что штаб полковника Киселева стоит в Килачевой, в доме местного прядильщика Леушки Кислобрылого, но знали и то, сколько этот Леушка выдал и подвел своих рабочих, сколько в Килачевой расстреляно и повешено, сколько выпорото и разослано по тюрьмам.

Знали и то, что белые «обманывают мужика урочной войной». Дают волости «на урок» завоевать такую-то местность, а дальше обещают распустить по домам и больше в солдаты не брать.

— Ну, те сглупа и стараются, как бы поскорее отвоеваться. Жнитво, вишь. Хоть до кого доведись, всякому охота к хозяйству поскорее вернуться. А того и не понимают, что это прямой обман.

— Недавно вон приезжий комиссар на площади вычитывал ихнюю, белых-то, бумажку. Там, небось, вовсе про другое говорится. Какой-то генерал Мировой подписал бумажку, и в ней объявлено, что, как только большевиков сбросят, так сейчас же опять всех на германскую погонят. Будто в том честь есть большая перед союзниками. Вот те и урок!

Эта информация, приходившая окольным путем из стана врага, хорошо была использована партийным руководством завода и политработниками полка. Под влиянием этих сообщений из-за линии фронта менялся взгляд на войну даже у самой отсталой части заводского населения.

Драка со спекулянтами у полевой избушки замени-

---

[1] Из архивного дела Ирбитской земской управы.

лась представлением о борьбе самой ожесточенной, самой напряженной. Деревенские знакомцы, разные сватовья и кумовья, стали казаться с другой их стороны, в зависимости от их классовой принадлежности.

Матери, которые обычно всегда старались удерживать зеленую молодежь от вступления в войска, теперь сами говорили:

— Ничего, видно, Ванюшка, не поделаешь. Всем воевать приходится. Вишь, что кулаки-то делают. Походя хватают, кто из рабочих да из бедности, и всех под расстрел, либо того хуже — мучат всяко. Над мертвыми и то галятся. Вот они какие враги оказались.

— Наперед тебя, мама, про это узнал. Сколько раз говорю тебе. Буржуазия — наш враг. Пока ее не победим, жизни рабочему классу не будет.

— Не к тому я, чтобы тебя этому учить,— оправдывается мать и смущенно добавляет: — Раньше-то я супротивничала, чтобы ты на войну шел, а теперь сама говорю — иди. Молод, конечно, ты у меня, а ничего не поделаешь.

— То-то,— торжествует подросток,— осознала, значит, положение.

— Да ведь как не сознать-то, коли вон каки страсти деются. Кулаки да офицеры хуже всякого зверя, слышь.

Дикие зверства белых отпугнули от них и ту часть середняков, которая сначала пыталась было остаться под властью колчаковцев. Посмотрев поближе на «правосудие» колчаковцев, многие из таких середняков поспешили убраться из села, чтобы не попасть под пьяную руку какому-нибудь колчаковскому начальнику, а то и деревенскому кулаку, с которым имелись незаконченные счеты. Перейти полностью на советскую сторону эти середняки еще тогда не решались. Думали «отсидеться от войны» где-нибудь по покосам, по лесным избушкам. Даже кличка такая появилась «покосники». Их же звали «межеумками».

Наши разведчики, узнавши про таких покосников, нередко захватывали их в плен. Вот один из таких случаев.

Разведка тов. Анчутина, которой приказано было произвести поиск на деревню Лебедкину, еще на заводе от женщин узнала, что в лесной избушке по дороге в Лебедкину укрываются три брата из деревни Неустроевой (фамилия их забыта). Разведка это учла и первым делом постаралась захватить этих трех братьев, чтобы от них

узнать положение дела в Антоновой, Неустроевой и Лебедкиной.

Вышла забавная встреча. Один из разведчиков, Черемных П., знал этих крестьян.

— Вы кто такие?

— Не узнал, что ли? В родстве, поди-ко, состоим. Что спрашиваешь?

— Не про то я. А вот какие вы — белые али красные?

— Да нет, мы сами по себе. Ни белые, ни красные. Вовсе ни с кем. Не наше это дело.

— Этак не может быть.

— Вот вчера Степану это же говорили в деревне. Это которые там с чехами да казаками якшаются. Насилу Степан от них выбрался. Тоже вот, как ты, не верят, что будто ни с кем. Сидим вот здесь да и судим, как бы еще наши семьи там утеснять не стали. У их ведь это очень просто.

— То-то и есть. А мы вас должны забрать, как шпионов.

— С чего это? Разве мы кому что-нибудь сказали? Да ни в жизнь. Знаешь, поди, наших-то семейных. Никогда в роду не слыхано, чтобы человека подводили. А тут шпионы! Какие мы шпионы!

— Значит, нашим и вашим? Всякому угодить желаете, лишь бы вас не задевали? — вмешался начальник разведки.

— Зачем всем? Тем, которые теперь у нас, служить не желаем. Они вон что вырабатывают...— Начался рассказ о зверствах белых в Антоновой. Попутно братья очень подробно осветили положение дела с вооруженной силой белогвардейцев в Антоновой, Лебедкиной и Неустроевой. Когда эти рассказы кончились,— начальник разведки раздумчиво сказал:

— Может, вы все это наврали, чтобы нас подвести.

Братья начали божиться, доказывать, что им вовсе не по пути с колчаковцами, что они не кулаки.

— Тогда должны быть с нами,— решил начальник разведки.— А если не желаете, значит, что-нибудь не так. Верить вам нельзя.

Тогда один из братьев предложил:

— Да вы проверьте нас. Поедемте вместе. Доведем вас до самой заставы у мельницы между Антоновой и Неустроевой. Сами поглядите, какое у них войско.

— Вступаете, значит, в наши ряды? — спросил начальник разведки.

— Так уж видно,— вздохнул один из братьев, а другой пояснил:

— Не отсидеться, глядим, нам от войны-то. На которую-нибудь сторону надо податься. Вчера об этом целый вечер судачили меж собой. Положение наше не такое, чтобы с кулаками заодно. Значит, к вам приходится переходить. Только вот воевать-то неохота. Надоело это. Мы ведь все трое побывали в окопах. Покормили вшей-то в свою долю. Знаем, сколько это сладко.

— В каких частях служили?

— Я вот в пехоте, а братья оба в кавалерии.

— Вот и ладно. В наш конный отряд и зачислим. Только чтоб честно. Понимаете?

— В этом не сумлевайтесь. Говорю, вчера судили, чтобы на вашу сторону стать. Понимаем, что решиться уж надо с головой. Окончательно чтобы.

После этого все трое на своих лошадях присоединились к отряду.

В поиске на Неустроеву разведка убедилась, что братья правильно описывали состояние белогвардейских частей. Разведке удалось сбить тогда заставу противника у мельницы, захватив в виде трофеев несколько оседланных лошадей, но одного из братьев-неустроевцев потеряли тогда убитым.

На другой день в этом направлении ходил более сильный отряд под командой самого командира полка тов. Черных. На этот раз под прикрытием огня пехоты конная разведка перебралась через речку Бобровку и заняла деревню Неустроеву.

Тов. Черных, отводя пехоту, приказал разведке продержаться тут до утра следующего дня. Захватом деревни воспользовались для реквизиции хлеба у местных кулаков и белогвардейцев. Семьи братьев, вступивших в наши ряды, отправили в Ирбитский завод, а убитого разведчика похоронили «в ограде часовенки почему-то»,— с удивлением отмечает в своих воспоминаниях тов. Никонов. Потом, когда белогвардейцы заняли этот пункт, труп был вырыт и свезен на конское кладбище.

Двое оставшихся в живых братьев продолжали работать в анчутинской разведке и честно шли по ее трудному и славному пути.

Случай с «неустроевскими братьями» не был единичным. Было немало и других середняков, которые, посмотрев поближе на колчаковскую власть, стали искать возможности перейти к нашим. Чаще всего это делалось под предлогом поиска потерянных лошадей. Уйдут из деревни с уздечками и пробираются в такие пункты, откуда легко выйти на Алапаевский или Ирбитский заводы. Эти два пункта в глазах крестьянского населения этого края стали теперь самой надежной базой Советской власти. Шла, конечно, больше молодежь, но были и пожилые люди, из фронтовиков. Всех таких, приходивших из-за линии фронта, предварительно проверяли. Если было поручительство, сразу зачисляли в полк, если не было — определяли на вспомогательные работы.

Для самого заводского населения короткий промежуток от прихода отрядов до начала позиционной войны имел огромное значение. Партруководству и политработникам полка удалось уже тогда установить крепкую связь фронта с тылом. В дальнейшем эта спайка еще укрепилась, и теперь, оценивая путь, пройденный полком, с уверенностью можно сказать, что в этой крепкой связи фронта и тыла и была главная сила Камышловского полка. Грани были так стерты, что порой становилось невозможно различить фронт от тыла. Почти все вспоминающие об этой полосе жизни полка говорят, что в момент особо трудных положений женщины, старики и дети-подростки немедленно включались в борьбу и не отставали от бойцов полка ни по своей смелости, ни по напряженной энергии сопротивления. В полку не было случаев панических настроений. Ни один из стоявших на фронте рабочих не мог пожаловаться, что его семейные ослабляли его боевую энергию жалобами и всякими разговорами о трудностях. Наоборот, матери, жены и сестры воодушевляли бойцов. К тому же они выполняли множество всяких мелких работ, чтобы облегчить положение фронтовиков: стирали белье, готовили для окопников бани, рубили табак и т. д.

Когда полку пришлось довольно неожиданно и как раз после одной из самых удачных военных операций перебрасываться на другой фронт, семейные проявили высшую степень сознательности и мужества. Они не задерживали членов своих семей слезами и воплями и в то же время не устремлялись сами эвакуироваться, чтобы не загружать путей и не оставлять нужных для фронта материалов.

Главной же заслугой женского населения Ирбитского завода являлось снабжение полка. Только работой женщин и можно объяснить, что Камышловский полк, вначале вовсе не получавший снабжения в централизованном порядке, мог продовольствоваться в районе Ирбитского завода свыше месяца.

Время боев под заводом — с 10 августа по 20 сентября — как раз совпало с самой горячей порой уборки хлебов. Принадлежавшие ирбитско-заводским рабочим поля были не особенно велики, но зато близко к фронту подходили обширные поля шмаковского и других многоземельных сел и деревень. Эти поля теперь рассматривались как военное имущество противника, и заводские женщины организовали уборку этих полей. Разумеется, противник тоже охранял это свое имущество, и работать в полях было опасно. Но это не останавливало ирбитско-заводских женщин. Тов. Никонов и другие вспоминают, что женщины организовывались группами и «на брезгу» уходили в поля противника. Жать им приходилось лежа. Порой по участкам, где убирался хлеб, противник открывал огонь, но жатва не останавливалась. Вечером, когда становилось уже совсем темно, нажатый хлеб увозили в завод и там молотили. При этом надо отметить такую подробность: хлеб, взятый из-под обстрела противника, никогда не делился по работникам, а поступал в общее довольствие полка, как военная добыча.

ВОЕННАЯ УЧЕБА И ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Боевые успехи, конечно, пришли не сразу. Много потребовалось усилий, немало принесено жертв, прежде чем полк этого добился.

Успеху военных действий вначале сильно мешала слабая военная подготовка многих бойцов полка. Порой это выливалось в формы, которые на взгляд современного советского читателя могут показаться мало вероятными.

Тов. Смирнов Г. на собрании бывших участников полка рассказывал, например, такую подробность.

Послали их человек семьдесят в заставу. Когда пошли обратно, разделились на две партии. Потеряли друг друга из виду, а потом незаметно сошлись. Кто-то нечаянно выстрелил, и завязалась перестрелка. Перестрелка, к сча-

стью, оказалась безрезультатной. Но... такова была стрельба.

— В другой раз,— вспоминает тот же товарищ,— командуют нам: «рассыпайся цепью». Мы и рассыпаемся по ту и другую сторону железнодорожного пути, одна партия против другой.

Пулеметчик тов. Тихонов С. Е. рассказывает:

— Стоял я в заставе на железнодорожном переезде со своим пулеметом. Наша разведка сообщила: «Услышите ботала, так и знайте, что это разведка белых. С боталами идут, будто лошади по лесу бродят».

Прошло часа полтора, слышим — ботала позванивают и все ближе да ближе. Подал я команду, и вся застава рассыпалась цепью. Сам с первым номером подбежал к пулемету и неосторожно нажал на спуск. Получилась очередь выстрелов. Зря, значит, себя показали. Моя ошибка. Застава, глядя на меня, открыла огонь. Потом передают по цепи, что в них стреляют разрывными пулями. Что, думаю, за штука такая, кто стреляет, когда ответных выстрелов вовсе не заметно. А это, оказывается, наборщик один ирбитский лег за дорогу, положил винтовку на рельсу и стреляет в другую рельсу. Пули расплющиваются в лепешку. Кусочки от них отлетают и попадают в бойцов, лежащих вблизи этого наборщика.

Не меньше мешала и неналаженность связи, особенно в самом начале военных действий. Одной из первых жертв этой плохой связи пал тов. Степанов, начальник пришедшего из Ирбита отряда. По воспоминаниям участвовавшего в разведке и непосредственного свидетеля этого дела тов. Елизарьева Е. А., произошло это так.

Пришедший из Ирбита отряд интернационалистов-мадьяр, под командой Ганца и Мевиуса, держал позиции вдоль речки Дунайки. Отряд этот оторвался от главных сил. Разрыв представлял большую опасность, так как противник мог в любую минуту пройти через этот разрыв в тыл нашим частям. Надо было во что бы то ни стало установить связь с этим оторвавшимся отрядом интернационалистов.

Так как из всех красногвардейцев Ирбитского отряда мадьяры хорошо знали в лицо только начальника отряда Степанова и его помощника Елизарьева, то им и приходилось поехать самим на поиски отряда.

Ранним утром на хороших лошадях поехали в сторону,

где предполагался отряд интернационалистов. Проехали уже довольно много, а отряда нигде не оказалось. Еще едут километра полтора и останавливаются в ложбине речки Дунайки. Осмотрев с деревьев местность, увидели во ржи какой-то отряд. Невдалеке от него пост, а в стороне — застава.

Завязался спор — чьи это части. Степанов уверял, что это отряд Ганца, и предложил Елизарьеву съездить и убедиться. Когда Елизарьев подъехал ближе, то увидел у часового на фуражке веточку зелени—опознавательный знак белых. Елизарьев не растерялся и требовательно сказал часовому: «Вызови мне начальника караула». Тот послушно направился выполнять приказ. Этого было достаточно, чтобы быстро повернуться обратно и поскакать. Но уже было поздно. Степанов, видимо, окончательно решив, что имеет дело со своими, подъехал в это время к заставе и крикнул: «Это Ганца отряд?» На вопрос ему ответили выстрелами, и тов. Степанов был убит. Его конь, испуганный стрельбой, пустился в сторону уходившего к лесу тов. Елизарьева и вместе с ним выбежал, но уже без седока.

Другой, еще более тяжелой жертвой первых столкновений около Ирбитского завода была смерть политкомиссара фронта тов. Усиевича. По воспоминаниям Лызлова Ф. и участвовавшего в этой неудачной операции Смирнова А. И., гибель Усиевича и тяжелые потери роты здесь тоже были результатом неумелых действий и неналаженности связи.

Полк еще не успел закончить свое формирование, когда стало известно, что противник занял Стриганку и движется дальше на Ирбитский завод. В этом направлении и была послана рота. С ней шли тт. Усиевич и Лобков.

Рота шла колонной, имея впереди с очень незначительным разрывом конную разведку в несколько всадников. Под деревней Горки разведка наткнулась на передовые части белых. Расположившись очень удобно, белые открыли по разведке огонь. Рота, которая вышла из лесу почти вслед за разведкой, тоже сразу попала под обстрел противника. Развернувшись на ходу и расположившись довольно беспорядочно, рота открыла ответный огонь. Тов. Усиевич в это время был на левом фланге, по направлению к деревне Горки. Здесь он оказался под двойным обстрелом, так как наткнулся на команду связи. Оказавшись в таком положении, Усиевич из маузера с колена от-

крыл огонь по неприятелю. Удалось ему уложить двух неприятельских телефонистов, но ответным огнем он сам был убит.

Рота вынуждена была отступить, потеряв в этом бою семерых убитыми и столько же ранеными.

Очень показателен для характеристики состава полка список убитых. Этот список дан тов. Лызловым неполностью, но и по тому, что в нем есть, совершенно ясно видна пестрота формирования.

Наряду с пожилым рабочим завода Пановым А. В. (45 лет), погиб совсем еще мальчик — Казанцев И. М. (16 лет). Тут же отмечается матрос пулеметчик на «Льюисе» (о нем Лызлов знает лишь, что «этот матрос постоянно был с тов. Усиевичем»), и еще дальше в списке значится латыш (фамилия неизвестна), убивший неприятельского пулеметчика и сам получивший в упор пулю от белогвардейского офицера.

Григорий Александрович Усиевич (Г. Тинский), несмотря на свою молодость, давно уже определился как один из крупных партийных работников.

Еще мальчиком, учеником реального училища, начал он в 1905 году активно работать в Тамбовской организации РСДРП(б) как пропагандист кружка рабочей молодежи. В 1907 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. Там тов. Усиевич работал тоже пропагандистом за Невской заставой. С осени 1908 года он совсем забрасывает университетские занятия для партийной работы. В 1909 году тов. Усиевич уже член Петербургского комитета РСДРП(б). Он ведет упорную борьбу с меньшевиками, с легалистами из ЦБ профсоюзов, участвует в заседаниях фракции III Государственной думы. Жандармскому управлению, однако, удалось выследить этого энергичного юношу, и он оказался в предварилке, где его продержали целых два года. В октябре 1911 года тов. Усиевича судили, и он был выслан в один из самых глухих углов Енисейской губернии на Чуну (восточная часть губернии). По болезни его потом отправили в Канский уезд — в село Тинское. Добившись затем перевода в село Иланское, где имелось железнодорожное депо с 1200 рабочими, тов. Усиевич стал организовывать там кружки и даже ухитрился в условиях усиленной слежки провести митинг 24 февраля 1914 года (женский день).

Наряду с кипучей организаторской работой, тов. Усие-

вич вел и научно-исследовательскую работу по вопросам развития промышленности России, а также и по аграрному. В 1913 году тов. Усиевич за подписью Г. Тинский поместил в журнале «Просвещение» свою работу «Аграрный вопрос в России». Эта его работа, а также статьи в «Правде» за той же подписью Тинского поставили перед товарищами по ссылке вопрос о необходимости создать для Усиевича другие, более благоприятные для его научной работы условия. В середине июля 1914 года был организован его побег за границу через Финляндию.

Попав в Австрию в первые дни империалистической войны, тов. Усиевич оказался на положении «военнообязанного враждебной державы» и был заключен в концентрационный лагерь. Понадобилось почти год ходатайств, чтобы австрийские власти выслали тов. Усиевича в Швейцарию. Там он поселился в непосредственной близости к В. И. Ленину. Вместе с Владимиром Ильичом тов. Усиевич в 1917 году и вернулся в Россию.

Здесь он был членом Московского комитета партии, членом Совета рабочих депутатов. В Октябрьские дни был членом Революционного комитета. Был впереди при взятии телефонной станции. В Сибирь тов. Усиевич приехал уже в апреле 1918 года как представитель Москвы по вопросам продовольствия. Товарищи, знавшие Усиевича по ссылке и прежней работе, постарались закрепить его за Сибирью и выбрали председателем Экономического совета Западной Сибири. Добились, что Москва утвердила тов. Усиевича в этой его должности.

Работать, однако, ему в Экономсовете не пришлось. Когда он вернулся из Москвы, куда ездил за семьей, уже началась борьба с чехословаками, и тов. Усиевич оказался одним из самых активных работников Военно-Революционного Совета Западной Сибири. Ему пришлось главным образом работать по организации новых отрядов. Он отдался этому делу со всей своей энергией. Когда под давлением чехословаков омские части Красной Армии вынуждены были отходить на пароходах, тов. Усиевич с незначительной группой остался в Тюмени для организации новых отрядов из тюменских рабочих. Огромный организаторский талант, исключительная преданность партии, непоколебимая уверенность в конечной победе пролетариата — все это дало тов. Усиевичу возможность в течение очень короткого срока завоевать доверие рабочих, и он на

Комаидиый состав Камышловского полка. Слева иаправо: первый — Н. Чериых — комаидир полка до октября 1918 г., пятый — Броиислав Швельиис — командир Камышловского полка, сменивший Черных.

П. Н. Аичутии (справа) — иачальиик коиной разведки Камышловского полка. Слева—Н. Н. Анчутии — боец разведывательиого отряда.

Е. И. Нельзииа — сестра милосердия, иаграждеииая орденом Красиого Зиамени за героизм, проявлениый в боях под Кыном и Уткой.

широком беспартийном собрании был избран председателем Революционного штаба в Тюмени.

С этой организованной в Тюмени частью он и отступил в направлении на Камышлов. Там, когда из отдельных отрядов составилась довольно значительная часть, тов. Усиевич вместе с ней проводил боевые операции в направлении на Тамакуль. Когда под давлением противника наши части вынуждены были отойти к Ирбитскому заводу, тов. Усиевич был одним из самых энергичных работников по организации Камышловского полка. Высокий политический авторитет тов. Усиевича, его звание политкомиссара Тюменского направления и главное его необычайная энергия в значительной степени помогли делу организации полка.

Личным примером тов. Усиевич воодушевлял только что вступивших в ряды полка добровольцев-рабочих. В первой группе таких добровольцев он безвременно и погиб, оставив в памяти живых участников полка светлый образ энтузиаста, бойца за дело партии, за дело коммунизма.

БОЙ ПОД ШМАКОВОЙ

У бойцов Камышловского полка уже образовалась известного рода привычка к боевым операциям противника. Начинались они обыкновенно с артиллерийского обстрела «от филаретовой избушки», затем появлялись цепи наступающего противника, которого наши бойцы отбивали. Иногда противник пытался подойти незаметно, но тоже терпел неудачу. В военных сводках того времени это отмечалось привычными фразами:

«В районе Ирбитского завода мы оттеснили противника» [1].

«В районе Ирбитского завода минувшей ночью партия наших разведчиков лихой атакой обратила в бегство противника. На месте остались 30 человек убитыми и ранеными» [2].

Так безрезультатно противник в течение месяца растрачивал свою живую силу, а положение оставалось неизменным. Наши окопы были за деревней Бояркой, в трех кило-

[1] Сводка от 14 августа 1918 г., газ. «Борьба», № 63.
[2] Сводка от 25 августа 1918 г., газ. «Борьба», № 71.

метрах от Ирбитского завода, окопы противника — у села Шмаковского.

Подготовка к решительному наступлению на Ирбитский завод стала заметна раньше. Это почувствовалось и по оживлению в окопах противника, и по поведению тех кулаков деревни Боярки, которые своевременно не были изолированы. Так, тов. Бороздин И. М. рассказывает, что за несколько дней до начала решительного боя был захвачен возвращавшийся от Шмаковой боярский кулак Упоров Ф. Я., который на допросе сознался в своих сношениях с противником и был расстрелян. Другой кулак деревни Боярки Палымов П. С., раздав оставшийся у него от торговли товар тем, кто держал сторону белых, пытался бежать к противнику, и тоже был расстрелян. Все это говорило, что противник к чему-то готовится.

В это время произошло тяжелое для нас событие на Режевском фронте. Там, под влиянием кулацкой агитации, только что мобилизованные крестьяне Покровской и Режевской волостей, в числе свыше 1000 человек, сдались противнику.

Восставшие мобилизованные окружили расположенные на Режевском фронте верные Советской власти части, разоружили их, а сопротивлявшихся убили. Только двум ротам Волынского полка удалось полностью выбраться из кольца мобилизованных; остальные кадровики-волынцы выбирались уже поодиночке. Сумели еще выйти две роты кочневцев и квашнинцев, рабочий же Алапаевский батальон чуть не весь погиб. Фронт был открыт на восемнадцать километров, и потребовались героические меры для ликвидации этого прорыва. Сюда были брошены две роты Крестьянского Красных Орлов полка и 2-я рота Камышловского полка, состоявшая почти исключительно из ирбитскозаводских рабочих.

Эта рота под командой тов. Чебакова С. И. занимала левый фланг по линии обороны своего завода. Именно на этот, ослабленный уходом роты участок противник и повел решительное наступление, подготовленное артиллерийским обстрелом небывалого еще в условиях этого боевого участка размера. На этот раз противнику удалось выбить наши части из занимаемых ими окопов. Паники, однако, не было, и бой продолжался с крайним ожесточением до наступления темноты.

Тов. Шаньгин, вспоминая об этом бое, делает предпо-

ложение, что противнику, может быть, и удалось бы оттеснить наши части из завода, если бы он не сделал перерыва из-за потемок. Ночь была использована партруководством и политработниками полка не только для укрепления новых позиций, перенесенных уже в самый завод, но и для дополнительной мобилизации всех, кто хоть сколько-нибудь мог быть полезен фронту.

Утром противник, начав наступление, встретил еще более упорное сопротивление. В это время на станцию Боярка вернулась ходившая на ликвидацию режевского прорыва 2-я рота Камышловского полка. Бойцы были истомлены, не спали две ночи, но это не помешало им сейчас же ринуться в бой. Правильно оценив создавшуюся боевую обстановку, командир роты рассыпал бойцов в цепь вдоль линии железной дороги, повел наступление на правый фланг противника с заходом ему в тыл. Эта поддержка 2-й роты и решила участь боя. Противник начал беспорядочно отступать. Анчутинская конница бросилась его преследовать, еще более увеличивая панику.

Чтобы задержать бегство своих, белое командование разрушило мост через Ирбитку, но это мало помогло: мелководная речушка не могла задержать бегущих. Командование Камышловского полка по-своему учло паническое настроение отступающего противника. По телефону на завод был передан довольно неожиданный приказ: «Открывай все ставни, спускай воду!» И речка превратилась в бурливый поток, в котором гибли бегущие. Батарея полка, выдвинувшись в сторону Шмаковского села, вела энергичный обстрел. Шмаково горело во всех концах.

Сбив противника в Ирбитку, наши остановили спуск воды, переправились через обмелевшую речку и продолжали преследование. Но это оказалось задачей нелегкой, так как остатки неприятельских частей и все шмаковское кулачье разбежались в одиночку по разным направлениям. Почти на двадцать километров противника вовсе не оказалось. 1-й степной полк под командованием полковника Киселева в этом бою был почти полностью уничтожен. Камышловцами на путях отступления было захвачено много трофеев, военных и особенно продовольственных грузов, которые пытались вывезти шмаковские кулаки. Село Шмаково представляло собой груду обгорелых развалин с огромным количеством трупов по улицам.

Среди этих трупов привлек внимание ходивший по селу

шмаковский поп. Лежал он посредине дороги в полной церковной одежде, с крестом в руке. Как видно, «воодушевлял защитников веры, царя и отечества».

В официальных данных шмаковский бой отмечен в военных сводках за 14 и 15 сентября [1].

«В районе Ирбитского завода минувшей ночью противник три раза переходил в атаку и три раза был отбит. Днем снова перешел в наступление, но, получив контрудар, бросил село Шмаковское и деревню Якшино, также много вооружения, снаряжения, около двухсот человек убитыми и бежал».

На следующий день в сводке значится:

«В районе Ирбитского завода преследование противника продолжается. Во вчерашнем бою взято девять пулеметов, подобрано брошенных при бегстве 300 шинелей, подрывной аппарат и ящики с химическими снарядами» [2].

На память об этом бое заводская молодежь составила даже песню и усердно ее распевала.

Не очень складна эта песенка, но ее приводят многие в своих воспоминаниях. Как видно, в свое время она казалась очень важной, и поэтому приводим ее здесь полностью (приводится по варианту М. К. Коростелева).

Шумел-гремел пожар шмаковский.
Дело было в сентябре,
Под Шмаковой фронт держали,
Кругом кипело, что в котле.

Рвалися бомбы и шрапнели,
Свистели пули здесь и там.
Враг наступал тут две недели,
Со всех сторон вредил он нам.

Товарищ наш Черных бесстрашный
Сказал: «Не сдамся никогда.
И с вами мы, рабочие завода,
Пробьемся грудью чрез врага».

Еще спасибо, не забудем, —
Вторая рота подошла,
Она, как точно волны в море,
Всем духу, бодрости влила.

Они лишь только из вагона,
Пошли, как львы, в атаку на врага...
А Чебаков, товарищ ротный,
Сказал: «Товарищи, за мной!

---

[1] ЦАКА.
[2] Там же.

Там братья наши гибнут
От пуль коварного врага.
Вперед, вперед, мы за свободу.
Нам смерть не может быть страшна».

Нас командир Степан Шарапов
И Кангелари боевой
Вели отважно и спокойно,
Хоть смерть вилась над головой.

Тогда враг наглый н постылый
Наш натиск дружный не сдержал,
В полях оставил сотнн трупов,
И сам бесстыдно убежал.

Он побросал свон шинелн,
Винтовки, ранцы, сапоги.
А камышловцы вслед кричали:
— Ты больше, чех, к нам не ходи!

ПОД ТАГИЛОМ

Если боевая страда под Ирбитским заводом может быть названа периодом организации и накопления боевого опыта, то работа полка на участке от Нижнего Тагила до Кушвы представляется самыми славными и ответственными страницами истории полка.

По воспоминаниям тов. Васильева Макара Васильевича создавшееся тогда на Уральском фронте положение оценивается так:

«В сентябре белые повели наступление на 2-ю Восточную дивизию, разбили ее, заставили в беспорядке отходить к Нижнему Тагилу. Создавалось критическое положение не только для 2-й, но и для 1-й дивизии. Последняя с захватом противником Нижнего Тагила оказалась бы отрезанной со всем своим военным имуществом, продовольственными грузами и материалами в районе Северо-восточно-уральской дороги».

«Маленькая заминка,— говорит тов. Васильев,—с переброской полка под Нижний Тагил привела бы к полной катастрофе всей III армии, а с ней и Восточного фронта, так как в III армии в тот момент не было никаких резервов».

При такой обстановке самый факт быстрой переброски Камышловского полка в район напряженнейших боев является уже немалой революционной заслугой ирбитско-заводских рабочих. Каждый из них, оставляя в заводе свою семью, знал, конечно, что ожидает членов его семьи при захвате территории колчаковцами, но революционный

долг и классовое сознание требовали немедленного выполнения боевого приказа. И рабочие Ирбитского завода в этот ответственный момент оказались на высоте своего классового положения. Они беспрекословно снялись от своего завода, быстро погрузились в вагоны и отправились через Алапаевск к станции Сан-Донато.

Противник, осведомленный через свою агентуру о переброске полка, пытался задержать эту переброску подрывом железнодорожного пути.

Бывший красноармеец полка из наборщиков ирбитской типографии тов. Говязин так описывает это происшествие:

«Не доезжая 5—6 километров до станции Самоцвет, между Егоршино и Алапаевским заводом, в двенадцать часов ночи контрразведка белых подорвала железнодорожный путь при проходе нашего эшелона. Произошло ужасное крушение. Паровоз свалился набок, сойдя с рельсов, и восемь первых вагонов нагромоздились друг на друга, образуя груду обломков. Люди, находившиеся в этих вагонах, были сильно помяты, некоторые совсем раздавлены между обломками вагонов. Убитых, однако, оказалось не так много — десять человек, а семьдесят девять были лишь сильно помяты и поранены.

Целых двенадцать часов потребовалось, чтобы расчистить, исправить путь и похоронить убитых. К двенадцати часам дня на станцию Самоцвет был подан новый паровоз со стороны Алапаевска, и эшелон продолжал свой путь к месту новых боев».

Это крушение и задержка в пути не ослабили боевой дух красноармейцев Камышловского полка. Прибыв утром 22 сентября на станцию Сан-Донато, полк сразу пошел в огонь. Еще в вагонах он попал под обстрел противника. Одним из снарядов был разнесен вагон хозяйственной части. Каптенармус Гусев был убит, а от девочки-переписчицы Нюры Кочневой остались лишь лохмотья пуховой шали.

Со стороны белых на Тагил наступала чехословацкая дивизия генерал-майора Войцеховского. Положение было уже почти решено, когда прибыл Камышловский полк и вслед за ним 4-й Уральский, переброшенный из-под станции Егоршино.

Под обстрелом противника полки развернулись и начали контрнаступление. Камышловский — в направлении на Лысую гору, а 4-й Уральский — с левого фланга на мо-

настырь. Энергичный натиск полков решил исход боя. Белочехи были выбиты из Тагила и отброшены километров на двадцать за Тагил. Потери чехов в этих боях были настолько значительны, что с той поры чешских частей на Уральском фронте уже не было. Они, как видно, получили здесь, под Тагилом, тяжелый урок от молодой еще тогда Красной Армии, и Камышловский полк при поддержке 4-го Уральского сыграл в этом деле решающую роль.

В этом бою большую роль сыграл фактически командовавший боевым участком тов. Кангелари. Когда наши цепи дрогнули, он своим примером увлек всех в наступление. Рядом с ним шла его жена. Тяжело раненный в грудь навылет тов. Кангелари продолжал звать бойцов в наступление.

Победа над белочешскими частями имела, конечно, огромное значение не с одной стратегической стороны.

В газете «Красный Набат» от 24 сентября № 12 по этому поводу читаем:

«Наши войска записали на скрижалях истории славную страницу боев на Урале. Солдаты, берите пример с тагильских бойцов».

В «Известиях исполкома Пермского Совета Р и КД» от 26 сентября писалось:

«Отныне Нижний Тагил стал историческим местом борьбы на Урале. Громадные силы чехов повели наступление при десяти орудиях и двух бронепоездах. Бой продолжался двадцать два часа. Наши доблестные войска отбросили неприятеля на двадцать верст, и Тагил остался за нами».

Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов приветствовал сражавшихся под Тагилом бойцов и выражал благодарность от имени ВЦИК.

«Всем начальникам и частям, сражавшимся под Тагилом, от имени ВЦИК Советов, от имени всего трудового народа шлю горячий привет и пожелание полной победы над белогвардейцами, над всеми наемниками англо-французского империализма.

Вы доблестно сражаетесь за торжество социализма, пусть же ваша доблесть послужит примером для всех борющихся товарищей.

Держите высоко свое Красное знамя.

Председатель ВЦИК Свердлов»

Недешево обошлась эта победа Камышловскому полку. В боях под Тагилом выбыл из строя помощник командира полка тов. Кангелари, военком полка тов. Удников. Оба получили тяжелые ранения. Был убит один из любимых ротных командиров — матрос Пузанов А. И., и очень сильно поредели шеренги бойцов полка.

Успеху боевых операций и здесь немало мешала неналаженность связи.

Вот что, например, рассказывает пулеметчик 5-й роты тов. Тихонов об одном из боев уже за Тагилом, под деревней Горбуновой.

5-я рота была послана в обход деревни. Наткнулась при обходе на заставу противника, которая, оставив пулемет, убежала в деревню и сообщила там о нашем наступлении. Белые, еще не оправившиеся от своей паники, поспешно отступили, оставив в окопах под деревней Горбуновой одних только недавно мобилизованных. Им строго наказали держаться до последнего патрона, иначе, дескать, всех перестреляем.

5-я рота обошла Горбунову и заскочила в деревню. Пулемет был установлен у церкви, и тов. Тихонов открыл обстрел окопов противника. По пулеметчику в свою очередь открыли стрельбу из окон и дворов деревни, где оставались еще белые. Пулемет как раз в это время закапризничал, и пока его исправляли, Тихонов был легко ранен, а другой пулеметчик, тов. Сосновский, был убит наповал. Ничего не оставалось, как снять пулемет и укрыться с ним в направлении, по которому шло обходное движение.

Выбираясь из этой каши, тов. Тихонов увидел каких-то бежавших с кокардами на фуражках.

Спросил: «Какого полка?» — Отвечают: «Камышловского».— «Какой роты?» — Отвечают: «Второй». Это окончательно сбивает с толку, так как Тихонову известно, что второй роте Камышловского полка поручено вести наступление на деревню Горбунову в лоб. Вопрос разъясняется лишь тогда, когда Тихонов узнает номер полка. Оказывается, Камышловский 27-й, то есть белогвардейский, из недавно мобилизованных крестьян Камышловского уезда.

Убедившись, что перед ними белогвардейская часть, наша обходная рота Камышловского полка начинает забирать 2-ю роту 27-го Камышловского белогвардейского полка. Мобилизованные сдаются без большого сопротивления

и даже охотно, но в это время с фронта подходит наша 2-я рота и начинает выбивать из Горбуновки своих.

Путаница, вроде описанной тов. Тихоновым, бывала в то время нередким явлением. Но все же занятый под Тагилом рубеж держался нашими частями почти две недели. Это дало возможность перебросить военные и продовольственные грузы с Восточно-уральской дороги, подтянуть оставшиеся в районе Егоршино части и выровнять линию фронта.

Гораздо больше, чем неналаженность связи и всякого рода оплошности командования, повредила успеху дела под Тагилом работа тагильских меньшевиков и эсеров.

Тов. Бороздин И. М. с удивлением отмечает, что во время кратковременной остановки полка в Нижнем Тагиле сразу среди отдельных групп ирбитско-заводских рабочих возникли разговоры такого порядка:

— Вон Тагил, чуть не пятьдесят тысяч населения, а всего две роты поставил. Остальные дома посиживают. А мы чем грешнее? Помогли, сколько сумели, и хватит.

Появились и какие-то очень подозрительные «старые знакомцы», вроде служившего в Ирбитском заводе смотрителем лесов Куляшова. Эти знакомцы к разговорам охотно стали раздобывать «подливку». А в Тагиле как раз, отмечает тов. Бороздин, было очень много спирту. Пьянка положительно стала захватывать расквартированные в Тагиле части, перекидываясь и на командный состав.

Под пьянку разговоры о «несправедливости» меньшевиками и эсерами и их агентурой стали переводиться к еще более определенным лозунгам: «Не следует ли сдаться на милость победителя?»

Отсталые настроения выразились в том, что группа, которой было поручено охранять привезенных из Ирбитского завода заложников, выпустила этих заложников под «честное слово» оберегать и не давать в обиду оставшиеся в заводе семьи.

Прибывшему из бригады Т. Васильеву, военкому и политработникам пришлось заняться беспощадной чисткой полка от шкурных элементов, и только после этого полк опять двинулся на позицию.

Долго продержаться на этом боевом участке, однако, не удалось, так как противник обходной колонной сумел

захватить в свои руки узловую станцию Сан-Донато и таким образом отрезал наши части от базы снабжения.

Этот маневр белых очень дорого обошелся нашим частям. Камышловскому полку пришлось пробиваться под обстрелом со всех высот уже занятого противником Нижнего Тагила по шоссейной дороге на Лаю. Полк был настолько истрепан в боях, так поредел, что требовал какой-то хоть самой коротенькой передышки и был направлен в Кушву. Но отдыхать здесь ему все-таки не удалось, так как противник сильно напирал в этом направлении.

Когда же полк Красных Орлов, вышедший к Кушве со стороны Салки, разбил 7-ю дивизию белых и отбросил ее к Баранчинскому заводу, Камышловский полк был направлен держать этот участок и частично принимал участие в разгроме белых.

Успех операции, огромное количество захваченного военного имущества и паническое настроение белых сильно соблазняло командный состав полков продолжить наступление до Нижнего Тагила. Командование 29-й дивизии, однако, категорически запретило этот заскок, так как тогда уже совершенно ясно наметился основной удар белых по линии Лысьва — Бердяуш с выходом на станцию Калино.

Уход полков в сторону Нижнего Тагила мог лишь облегчить противнику наступление в этом направлении. Захват же станции Калино грозил отрезать наши части, оперировавшие не только под Баранчой, но и по линии Кушва — Верхотурье и создать угрожающее положение для частей по линии Чусовая — Кизел — Березники.

В силу этих соображений Камышловскому полку было приказано задержаться на линии Лайских заводов и активно оборонять этот рубеж.

Когда после короткой передышки в Кушве полк Красных Орлов занял свои позиции под Лайскими заводами, Камышловский полк был, наконец, отправлен на отдых в Кушву.

В боях под Тагилом обратила на себя общее внимание удачная выдумка комбата Некрасова.

Больше всего причиняли урона нашим частям введенные противником в бой два бронепоезда. Сбить их при слабой тогда еще нашей артиллерии было невозможно, а пытаться захватить атакой, значило идти на большой риск потери живой силы при очень слабой надежде на успех.

Тов. Некрасов учел условия покрытой кустарником местности, сумел под этим прикрытием подтащить две своих пушки чуть не к самой линии железной дороги и открыл огонь по бронепоезду с очень близкого расстояния. Силой ударов прямой наводки бронепоезд был сброшен с рельсов и выведен из строя. Это значительно способствовало общему успеху наших частей, и тов. Некрасов был награжден орденом Красного Знамени.

ОБХОДНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Тов. Васильев в своих воспоминаниях говорит:

«Камышловцы отошли в резерв в Кушвинский завод, но, кажется, отдыхали не больше суток».

Тов. Линовский, политработник полка, описавший в своей книжке «Камышловцы» обходную операцию полка, говорит точнее: отдых продолжался с вечера до пяти часов утра следующего дня.

Не успели выспаться, когда командира и комиссара полка вызвали к проводу, и тов. Васильев передал им боевое задание.

Конечно, только полное отсутствие резервов и острая необходимость побудили начдива дать усталому, растерявшему в боях чуть не половину своего состава полку очень ответственную и трудную боевую задачу.

На железнодорожной линии Лысьва — Бердяуш в это время у противника появились новые, еще не разведанные нами части — корпус генерала Пепеляева в составе двух сибирских дивизий.

Эти части потеснили нашу Особую бригаду на лысьвенском направлении, заняли станцию Унь, Кын, завод Кын и уже вели наступление на Лысьву. Занятие Лысьвы, само по себе очень тяжелое, грозило еще другой опасностью. Вслед за Лысьвой вероятен был захват станции Калино, а это, как уже говорилось выше, поставило бы наши части, оперировавшие в районе Кушвы, в безвыходное положение.

Чтобы выправить это, командование дивизии и решило сделать диверсию в сторону наступавшего на Лысьву противника. Выполнение этой задачи и было поручено Камышловскому полку. Полку надо было по растрепанной узкоколейке добраться до Коноваловского завода, оттуда

лесными тропами выбраться к Кыновскому заводу и перерезать здесь железнодорожное сообщение противника. Командовал тогда полком тов. Бронислав Швельнис, а его помощником был Брюханов Н. Н.

Полку удалось добраться до Коноваловского завода незамеченным для неприятеля. Отсюда пешим порядком, под непосредственным командованием тов. Швельниса, полк направился к заводу Кын по лесным тропинкам. Анчутинская конница была направлена в обход через Серебрянский завод.

Хотя при продвижении по лесу были столкновения с мелкими отрядами противника и командир полка чуть не был убит в перестрелке, все же к Кыновскому заводу вышли незамеченными. Можно думать, что перестрелка в лесу была принята белогвардейскими частями за перестрелку с партизанами, которые уже нередко нападали в этих местах на белогвардейцев мелкими группами и в одиночку.

Взять Кыновское с налету, однако, не удалось. Там оказались довольно значительные силы противника в составе частей 2-го Барабинского, 4-го Енисейского и 3-го Барнаульского полков. Кроме того, противник имел здесь подготовленную линию окопов и, пользуясь благоприятными для него условиями местности, легко задержал натиск Камышловского полка.

К концу боевого дня положение мало изменилось. Противник из окопов с горки поливал пулеметным огнем наши части, занявшие маленький поселок перед Кыновским заводом. Единственным прикрытием для наших бойцов оказались заборы в поселке, сложенные из дикого камня. Но число убитых и раненых с нашей стороны сильно росло. Первым погибшим в бою тов. Линовский называет мотовилихинского рабочего Володина, который тогда командовал 5-й ротой.

Трудно было с ранеными, которых приходилось из-под огня противника вытаскивать в лес, чтобы там на снегу и холоде производить перевязку. Только уж потом соорудили перевязочный шалаш-лазарет.

Приказ командира полка беречь патроны был, как видно, замечен противником, и он бросился в атаку на наш 1-й батальон.

Это был самый острый момент боя.

Командир полка в открытую несется по снежному

полю к 2-му батальону, падает, опять поднимается, бежит и кричит:

— Резервные, огонь! Резервные, огонь!

Из-за пригорка высовываются два хобота пулеметов, и белогвардейское «ура» сразу слабеет, стихает. Еще минута, и противник повернул назад, оставляя по пути десятки убитых и раненых.

К вечеру приказано оставшемуся в резерве батальону присоединиться к наступающим и попытаться сбить противника штыковой атакой, как бы это дорого ни обошлось.

Положение, действительно, таково, что надо было во что бы то ни стало выбить противника из Кына. Отступать усталым и перемерзшим бойцам до Коноваловского завода все равно не легче и не безопаснее. Красноармейцы так определяли свое положение:

— Либо в теплую избу, либо в мерзлую землю.

С исключительным упорством бились камышловцы в этом бою, потеряв убитыми и ранеными 150 красноармейцев, двух комбатов, трех ротных, шесть полуротных и одиннадцать взводных.

Однако добились своего. Противник был разбит наголову. Было захвачено свыше четырехсот пленных, двенадцать офицеров, два полковника. Среди груды убитых оказался один генерал и очень много офицеров.

В занятом заводе удалось еще захватить гвардейского полковника (фамилию он отказался назвать) и одну женщину, у которой оказались документы контрразведки. У этих пленных удалось добыть кой-какие сведения разведочного порядка.

Начальник 29-й дивизии, поздравляя камышловцев с победой, давал им новое боевое задание — во что бы то ни стало захватить по железной дороге станцию Кын. Обещал на следующий день прислать смену.

Захват станции диктовался крайней необходимостью. Там было не только огромное количество всякого рода военных запасов, но особенно много было подвижного состава, захват которого в данном случае был чрезвычайно важен для нас.

Всегда решительный и уверенный в себе тов. Швельнис на этот раз задумался. Тяжелые потери полка при занятии Кыновского завода поставили перед ним вопрос, можно ли с такими остатками полка рискнуть на новую, не менее тяжелую операцию.

Но так как дело происходило в заводе, то вопрос решился привычным уже в практике полка образом. За пополнением надо было обратиться к рабочим завода, как это было в Ирбитском заводе. Военком полка сообщил, что ему уже удалось связаться с несколькими оставшимися здесь партийцами. Они заверили, что пополнение, хотя, может быть, и не очень большое, будет. Кын, действительно, поставил под ружье около трехсот человек. Почти половину составляла рабочая молодежь. Конечно, в большинстве и на этот раз оказались люди, не знавшие военного дела и не привыкшие обращаться с винтовкой, но тем не менее пополнение было очень существенное, и командир полка после митинга на площади отдал приказ приготовиться к наступлению на станцию Кын.

Бой оказался таким же упорным и тяжелым, как и под заводом. Обходная колонна, которую повел сам командир полка, была обнаружена противником и встречена в лоб. Командир был ранен, и много бойцов выбыло из строя. Колонна вынуждена была вернуться, а бой по железнодорожной линии продолжался с прежним упорством.

Исход боя решен был довольно неожиданно для противника. Скрытый в глухом лесу, в стороне от железнодорожной линии, наш оркестр по сигналу командования вдруг заиграл наступление. Это так, видимо, удивило противника, что он на минуту растерялся, и этого замешательства оказалось достаточно, чтобы подобраться к нему на бросок гранаты.

Бой велся на узкой ленте просеки среди густого бора. Это не давало противнику возможности пустить в ход свою конницу, а пехота, испуганная взрывами бомб и натиском наших бойцов, побежала в сторону станции. Камышловцы с победным криком бросились вдогонку и на плечах врага влетели на станцию Кын.

Комбат Некрасов успел со своими бойцами, среди которых было особенно много новых из кыновских рабочих, пробраться по каким-то прямым тропинкам в тыл станции. Там он сейчас же попытался остановить движение составов на следующую станцию Унь. На путь валили доски, бревна, что попало, но первый паровоз легко разметал все эти препятствия. Следующий состав уже остановился, так как некрасовцам удалось к тому времени отворотить несколько рельсов.

Забравшись на тендер и паровоз, наши бойцы застопо-

рили все движение, и белые вынуждены были разбегаться от станции в лес мелкими группами и в одиночку. Много было их перебито во время такого панического бегства, а наши бойцы, окрыленные успехом, организовали преследование противника по железнодоржной линии и с налету захватили следующую железнодорожную станцию Унь.

На станции Кын в наши руки попала огромная военная добыча, из которой самым заметным был новенький бронированный поезд, вооруженный пушками Канэ. На тендере надпись золотыми буквами: «Адмирал Колчак».

— Вот и захватили одного Колчака,— радовались красноармейцы, а другие уверенно добавляли:

— И другой где-нибудь да попадется. Не отвертеться ему тоже.

В наступлении на Кыновский завод принимал не менее славное участие 17-й Петроградский полк под командой тов. Захарова. Удар на Кыновский завод, разорвавший линию противника, сильно встревожил командование белых и заставил его видоизменить свой план наступления.

Уже в сводке от 5 ноября отмечалось, что «на участке нашей особой бригады Рейхгарда противник медлит наступлением на Лысьву, опасаясь, видимо, в связи с обозначившимся нашим наступлением на Кыновский завод, за свой тыл».

Получив мощный удар под Кыном, противник подтянул к этому боевому участку свои резервы и ценой огромных потерь задержал продвижение наших частей. У нас же резервов не было, и Камышловский полк, потеряв большое число бойцов, вынужден был от наступления перейти к обороне.

В сводке за 11 ноября отмечается:

«Камышловский полк, хотя и несет большие потери, успешно отбивается от наседающего противника.

В некоторых ротах полка насчитывается не более семнадцати — двадцати штыков.

Вечером камышловцы, собрав свои небольшие остатки сил, перешли к контратаке и отбросили противника к станции Кын» [1].

В сводке за 13 ноября говорится:

«Вчера Камышловский полк сбил противника, занял позиции в трех верстах севернее станции Кын и занял с

[1] ЦАКА.

бою самую станцию, захватив один паровоз и много снаряжения.

Сегодня Камышловский полк продолжает теснить противника в направлении на станцию Унь».

В этой же сводке дается такая характерная подробность. «От станции Кын в направлении на станцию Унь противником взорвано два железнодорожных моста» [1].

В сводке от 16 ноября говорится: «Продвижение Камышловского полка на станцию Унь продолжается. Указанный полк достиг 15-й версты и занял деревню Пермяково».

Но в это время потребовалась переброска Камышловского полка в другой район. В сводках по Кыновскому участку больше не встречается название этого полка. Там теперь оперируют другие наши части: 58-й Владимирский, занявший станцию Кын и район прилегающих деревень, а также железнодорожную линию до 69-й версты, и Лесновско-Выборгский полк, занявший самый завод Кын и деревню Деменево на Чусовой, в двенадцати верстах на юго-восток от завода» [2].

Камышловский же полк в это время прибыл в район своих последних боев на Уральском фронте.

В сводке от 22 ноября сообщается:

«В район боевых действий уже переброшен батальон 4-го Уральского полка, туда же направлен Камышловский полк в составе 391 штыка. Таким образом, для активной обороны Верхотурского района можно считать только Камышловский полк и батальон 4-го Уральского, всего общим числом 700 штыков, что, по справкам с данными о численности противника, недостаточно» [3].

АНЧУТИНСКАЯ РАЗВЕДКА

Вначале, при формировании полка в Ирбитском заводе, здесь были два конных отряда: Бекетовский — из крестьян Кочневской и Квашнинской волостей и Еремински — из кавалеристов, отступавших с Омского направления.

Бекетовский отряд не вошел в состав полка. Командование направило его на усиление других частей бригады.

Еремянцы некоторое время стояли в частях, которым

[1] ЦАКА.
[2] Там же.
[3] Там же.

была поручена охрана Северо-восточиого направлеиия под деревиями Антоново, Лебедкиио, Неустроево и других.

Эта часть органически не срослась с Камышловским полком, и в воспомииаииях участников полка упомииается лишь как ближайший сосед.

Совсем по-другому стоит вопрос о коиюм отряде тов. Анчутина Павла Никаидровича.

Эта «Никандрычева коииица», организоваиная в Ирбитском заводе, была неотъемлемой частью полка, и о ией иельзя не сказать в истории полка, с которым она проделала всю историческую жизиь от Ирбитского завода до Польского фроита.

Сам Аичутин, или, как его больше звали, «Никандрыч», был из рабочих Ирбитского завода. В царской армии ои служил в кавалерийских частях, и эта подготовка определила характер его работы во время граждаиской войиы. Одиовремениo с организацией полка тов. Аичутии стал набирать кавалеристов из заводского населеиия. Первый отряд был не больше двадцати человек, ио вскоре он увеличился и в отдельиые момеиты доходил до сотни сабель.

Смелый, находчивый, зиающий дело начальиик сумел хорошо поставить разведку и часто тревожил противиика в самых иеожидаииых пунктах.

Оставшиеся в живых кавалеристы этого отряда с большой любовью вспоминают о своем Никаидрыче и очеиь много рассказывают об его высоких качествах бойца, комаидира, товарища и беззаветно преданного делу революции большевика.

Из эпизодов, показывающих боевую работу этой кавалерийской части и ее комаидира, приведу здесь лишь очень немногое по воспомииаииям тт. Никонова, Лызлова и других.

Дело происходило, когда Камышловский полк стоял уже в районе Кушвы.

Командир полка дает Анчутииу задаиие добыть «языка», обязательио воеииого, чтобы выясиить положеиие участка Кушва — Салда. Движеиие противиика замечалось из Салды по тракту иа станцию Благодать через рудник Колчедан, а иа Верхне-Туринский завод через Александровские углевыжигательиые печи. Ранним утром разведка выехала по указаиному направлеиию с двумя проводниками из местиых рабочих.

На руднике оказалось пусто. Жителей ни одной души, хотя по маленькому поселку, домов 5—6, бродят коровы. Ясно, что жители укрылись где-то в лесу. Спросить о положении не у кого. Отправились по тракту в направлении на Салду. Как раз в это время дозор сообщил, что оттуда идет какой-то обоз, впереди обоза верховой в гражданской одежде.

Анчутин приказал спешиться, спрятать лошадей в лесу и поджидать обоз.

Местность вдоль дороги — редкий березняк и с одной стороны болото, на котором по высоким местам густые кусты вересовника. Со стороны болота вдоль дороги широкая и очень глубокая канава.

Верховой в казацком седле. По посадке видно,— привычен к езде. Заслышав ржанье наших коней в лесу, насторожился, быстро заворотил лошадь и поскакал к обозу.

Разведчики, вскочив на коней, вылетели из лесу на дорогу. Подводы сбились в кучу, подводчики — в лес. А передовой бросился в сторону болота, но лошадь у него не взяла канаву. Он спрыгнул с лошади, перебрался через канаву и скрылся в густых кустах вересовника. Анчутин за ним, через канаву, на лошади. Но в кустах потерял его, кричит: «Здесь он где-то. Ищите, ребята». И сам снимает карабинку. Перепрыгнувший через канаву тов. Никонов отчетливо видит, что беляк, стоя за кустом, поднял наган и прицелился в Анчутина. Что делать? Никонов, оценив положение, сам прицелился в руку противника и выстрелил, но попал в плечо. Никандрыч, которому только что грозила смертельная опасность, накинулся на Никонова:

— Почему стреляешь, когда дан приказ взять живым?

Никонов пытается оправдаться:

— Ведь тогда он тебя бы застрелил.

— Это еще как бы пришлось, а теперь вот видишь что... боевого приказа не выполнили. Это как по-твоему?

От разноса Никонова спасла только начавшаяся стрельба залпами по дороге, куда ускакала основная часть разведчиков. Анчутин, бросив Никонову: «Доставь к обозу и перевяжи»,— ускакал в сторону выстрелов. Там, как видно, разгоралась серьезная схватка. Оказалось, что за обозом шла целая рота пехоты для прикрытия обоза, чтобы потом остаться на руднике заставой. Вояки оказались

липовые. Двигались в сторону противника, а пехота у них шла за обозом. Этих вояк выстрелы разведки так перепугали, что они, отстреливаясь, поспешно отступили. Разведчики, однако, не решились их преследовать, так как численный перевес явно был на их стороне.

Белогвардейский офицер, захваченный в плен, получил тяжелое ранение и дорогой умер. Начальник разведки по этому случаю опять распекал и Никонова и остальных разведчиков.

— Сказано тебе: взять «военного языка», ты и старайся — бери, а не стреляй зря. Как вот теперь? И вы тоже. Открыли стрельбу, себя показали. Куда это годится? Откуда мы теперь «языка» добудем? Сколько раз говорил,— только тот разведчик, кто головы не теряет и первым делом помнит боевой приказ, а вы что? Увидели каких-то растяп и давай по ним стрелять, да еще вовсе без сноровки. Троих вон убили, а язык-то где, я вас спрашиваю?

Этот случай из мелких стычек разведки тов. Никонов приводит как показатель отношения начальника разведки к боевым приказам: умри, а сделай.

Другой, не менее показательный для характеристики тов. Анчутина случай приводится из того времени, когда анчутинцы были под Кыном.

Командир полка направил анчутинцев по тракту, как раз по границе, где стояли пирамидки с надписями: «Европа» и «Азия». Разведка двигалась в сторону Мягкого Кына (поселок за Кыновским заводом). Задание было проследить противника и, если удастся, отбить у него обозы.

После разгрома колчаковцев под Кыном в направлении на Мягкий Кын действительно уходили обозы. Один из них, который удалось догнать анчутинцам, шел под прикрытием довольно значительного отряда, но паническое настроение не давало возможности отряду оказать сопротивление, и противник, обстрелянный анчутинцами, не остановился в Мягком Кыну. Анчутинцы, несмотря на свою малочисленность, решили преследовать противника дальше. Через пять километров от Мягкого Кына есть деревушка Пески. Добравшись до нее, противник, как видно, немножко отошел и организовал сопротивление. Дозорный 3-го отделения Костя Упоров при въезде в деревню был смертельно ранен.

Поручив двум братьям отвезти смертельно раненного Упорова в Мягкий Кын и приготовить там, если понадобится, все для похорон, Анчутин спе́шил свою конницу, выбил противника из деревни и продолжал преследование. Километров через семь лесной дороги анчутинцы попали в тяжелое положение. Залегшие в густом лесу части противника открыли огонь по коннице, которая вынуждена была идти цепочкой. У Анчутина был ранен его Серко, с которым он не расставался с самого Ирбитского завода. Положение конницы заставило отказаться от преследования. На обратной дороге около деревни Пески анчутинский Серко захрапел, а вскоре и совсем не пошел. Расседлал Анчутин своего коня, передал седло одному из разведчиков, закрыл Серка байковым одеялом и заплакал.

Это был единственный случай, когда конница видела слезы у своего начальника.

Ходовым присловием Анчутина недаром было: «Сам не доешь, не доспи, а коня напой, накорми и досмотри. Конь в нашем деле самый верный товарищ и помощник».

В Мягком Кыну анчутинцы схоронили убитого Упорова. Взглянуть на красные похороны пришли кой-кто из жителей поселка. Им, как они говорили, «интересно было поглядеть, как хоронят без попа, и кто плакать будет, когда одни мужики хоронят».

Может быть, потому, чтобы не показать слабодушия перед этими случайными зрителями, анчутинцы провели похороны Кости Упорова сурово. Спели «Вы жертвою пали» и опустили в могилу, дав при этом салют.

Любовь к коню, старательно воспитывавшаяся тов. Анчутиным, не делала его, однако, слепым, когда вопросы фуража стояли с особой остротой. Забота о коне не заслоняла у него в глазах вопроса о сохранении хороших взаимоотношений с населением в полосе военных действий. «Зряшного захвата фуража» Никандрыч не допускал даже в самых крайних случаях. Он и погиб в столкновении с каким-то мародером, который пытался ухватить у крестьянки-вдовы последний имевшийся во дворе запас корма. Никандрыч налетел на мародера с плетью, а тот выстрелил в него и смертельно ранил.

Приведенные эпизоды, характеризуя командира, уже дают представление и о боевой работе конного отряда под руководством такого начальника, который выше всего ставил выполнение боевого приказа.

В истории анчутинцев имеется очень много удачных операций, иногда довольно крупных.

Так, в районе Кына, который наши части брали два раза, разведкой Анчутина было захвачено несколько сот пленных и значительные обозы.

В бывшем Оханском уезде под селом Дворцы анчутинская конница с боевым пулеметчиком Пановым А. П. стремительным ударом разбила батальон противника и освободила двадцать шесть красноармейцев, накануне захваченных белыми и приговоренных к расстрелу.

Никандрыч в этом деле был ранен в лицо, но из строя не вышел и отряда не оставил. За удачное проведение этой операции тов. Анчутин был представлен к награде, но ее не получил, так как вскоре погиб.

Боевые традиции анчутинской конницы держались высоко. Соратники и военные воспитанники тов. Анчутина и после смерти своего командира продолжали называть себя анчутинцами.

Под этим именем побеждали они, захватывая множество трофеев на Восточном фронте. Под этим же именем дрались ожесточенно и на Западном фронте против белополяков.

СМЕРТЬ ШВЕЛЬНИСА

Еще до похода на Кын анчутинская конная разведка Камышловского полка прощупывала дороги от Кушвы на Верхотурье. Там, в лесных трущобах, предполагалось накопление противника. Местные отряды верхнетуринцев и кушвинцев давно уже кричали, что белые близко. Того и гляди, будут бить кушвинцев от Талой Горы, а верхнетуринцев от Александровских углевыжигательных печей. Но поиски разведки не дали больших результатов.

Только около печей оказалось что-то, похожее на заставу противника. Начальствовал мастер углежжения и выдавал собравшихся тут за рабочих. Однако у них оказалось оружие и обоз на шести телегах. Анчутинцы разгромили этот подозрительный отряд, сожгли дом мастера и разгрузили склад, где, кроме валенок, мыла и других предметов и материалов этого же порядка, оказался полевой телефонокабель. «Языком» от этого подозрительного отряда анчутинцы увезли племянницу мастера, девицу лет восемнадцати. Она сама не побежала в лес, заявив, что

хочет перейти на сторону красных. Добровольно явился к разведчикам «и сдал себя в плен» один из военнопленных австрийцев, работавших на печах.

Когда полк вновь оказался в этих же местах, получив задачу охранять линию от станции Выя до станции Платина, положение как будто не изменилось. Верхотурские леса по-прежнему были тихи. Эвакуировавшиеся из Верхотурья партийцы и советские работники говорили, что их нигде не пытались дорогой ни задерживать, ни обстреливать. Словом, казалось, что накопления противника вблизи не замечается.

На боевом участке по соседству с Камышловским полком были 17-й Петроградский, державший охрану узкоколейки до станции Маломальская и направление на деревню Елкино, китайский полк в Нижней Туре, бронепоезд № 9 и блиндированный поезд, курсировавшие в направлении к Нижней Туре, и батальон 4-го Уральского полка.

Командовал Камышловским полком тов. Швельнис, помощником вместо выбывшего по ранению тов. Брюханова Н. Н. был Некрасов Л. Ф.

Было уже холодно и снежно. Совсем стало плохо с продовольствием, хуже того с настроением и боеспособностью отдельных частей, которые были деморализованы отступлением. На этом именно участке только что был расформирован 1-й Горный и 3-й Екатеринбургский полки. Последний только потому, что был совсем вымотан, потерял большую часть своих бойцов и перестал существовать как боевая единица. В Горном, который до прибытия Камышловского полка держал фронт в направлении на станцию Платина, дело оказалось гораздо хуже. Пулеметная команда этого полка в числе шестидесяти семи человек самовольно снялась, а два батальона полка отказались выступить на позиции. Расследованием было установлено, что в эти батальоны при пополнении проникло много враждебных Советской власти элементов, в том числе целая группа кадрового офицерства, которая повела в полку контрреволюционную работу. Пришлось очистить полк мерами самой беспощадной кары и расформировать его. Один батальон был влит в 4-й Уральский полк, другой в 1-й Крестьянский, а третий передан во 2-ю бригаду.

Все это настораживало командование Камышловского полка, так как настроение усталости стало сказываться и здесь, особенно в связи с плохим снабжением. Положение

на участке уже сразу не обещало большой устойчивости, так как все находившиеся тут части были сильно потрепаны за время непрерывных боев. Более или менее свежей частью был лишь недавно организованный на этом участке китайский полк.

Приняв боевой участок, вернее, заняв оголенный, тов. Швельнис распорядился прежде всего провести глубокую разведку в направлении по трактовой дороге на Верхотурье, хотя недавно приехавшие оттуда уверяли, что по дороге никаких признаков противника не заметно.

Анчутинская разведка, в составе которой на этот раз было семеро верхнетуринских рабочих, хорошо знавших местность, выступила по заданию. Не успели проехать по Верхотурскому тракту пятнадцати километров, как заметили какую-то группу вооруженных, человек десять-пятнадцать. Осторожно подобравшись поближе, разведчики рассмотрели, что группа вооружена винтовками, а на трех лошадях, которые привязаны вблизи,—кавалерийские седла. Отсюда разведчики сделали вывод, что застава из регулярных частей противника, а не из местных кулаков, которые обыкновенно не имели винтовок военного образца и, еще меньше того, кавалерийских седел. Решили заманить заставу. Несколько человек из Анчутинской разведки показались на дороге, обстреляли заставу и с преувеличенным шумом и криками понеслись обратно. Километров через пять часть разведчиков спешилась и забежала с лошадьми в сторону, укрывшись в глухом лесу. Ждут. Следующая часть разведки проскакала подальше, тоже залегла. Первой засаде приказано было пропустить противника, если он поедет дальше наших следов в сторону. Но ехали, как видно, опытные люди. Лишь только первый еще издали заметил следы в сторону, так сейчас же повернул лошадь обратно. Наши разведчики дали залп, ранили несколько человек, но никого взять в плен не удалось.

Ходившая по линии железной дороги пешая разведка тоже набежала на заставу противника.

Швельнис приказал усилить наши заставы и продолжать поиски в сторону противника. Рано утром, на следующий день, разведка сообщила о начавшемся наступлении противника по Верхотурскому тракту.

Командир полка, развернув основные силы своего и китайского полков по фронту, решил использовать свой излюбленный прием, который ему не раз хорошо удавал-

ся. Лично сам повел 3-й батальон в обход, чтобы ударить во фланг наступавшему противнику. Обход проводился по лесной просеке, уже засыпанной глубоким снегом. Прошли километра полтора и открыли огонь по наступавшему противнику, но те успели перестроиться, а наше наступление по фронту задержалось. Положение для обходной колонны создалось тяжелое, и тов. Швельнис приказал своему помощнику (тогда был Некрасов Л. Ф.) выслать подкрепление — две роты. Подкрепление подошло, но расположилось так неудачно, что огонь бил больше по своим, чем по противнику. Командир послал тов. Никонова с приказом подкреплению подтянуться. Ехать прямо было нельзя, и Никонову пришлось скакать круговыми дорожками. Когда он добрался, наконец, до этой неудачной подмоги, то услышал с линии боя крики «ура». В «подмоге» это поняли как атаку белых, и создалось паническое настроение. На деле, однако, было другое —белые отступали, а наши их преследовали. Командир полка в этом бою был тяжело ранен в руку и живот, и его с трудом довели до штаба, который размещался тогда в теплушках поезда.

Все участвующие в этом бою сильно перемокли, барахтаясь в глубоком снегу, и сменивший Швельниса тов. Некрасов распорядился разместить всех по домам небольшого Александровского поселка, а части китайского полка, принимавшие участие в этом бою, разошлись по вагонам поезда.

Между тем, как оказалось потом, наступление по линии железной дороги было предпринято противником лишь для того, чтобы отвлечь внимание. Главный же удар был направлен со стороны Кушвы. Противник лесами провел и сосредоточил здесь довольно значительные силы и неожиданно для стоявших тут наших частей вышел с юга, разобрал железнодорожные пути и атаковал наши части. Не выдержав напора противника, части, стоявшие в районе броневого поезда, повредив последний, отошли к деревням Малая Именная и Железянка.

Выйдя совершенно неожиданно к станции Выя, противник открыл огонь по составу поезда, и большинство находившихся там красноармейцев китайского полка погибло, не имея возможности даже выйти из вагонов.

Тяжело раненный командир Камышловского полка тов. Швельнис, оценив свое положение как безнадежное, приставил дуло нагана к виску. Адъютанту сказал:

— Передай Некрасову... пусть о моем трупе не беспокоится, а немедленно выводит части из-под обстрела. Товарищам скажи... чтоб без никакой паники,— и спустил курок.

Этим любимым присловием «без никакой паники» Бронислав Швельнис и закончил два с небольшим десятка лет своей жизни. Те, кому пришлось иметь с ним дело, хорошо запомнили этого до последнего предела заряженного революционной энергией и преданного партии юношу.

Прибыл он в Камышлов со штабом 6-го Сибирского корпуса, где был председателем одного из дивизионных комитетов. Уже это одно может служить показателем, что Швельнис был крупная революционная фигура, несмотря на свой юный возраст.

Избранный последним уездным съездом Советов 26 июня 1918 года в состав исполкома на должность секретаря, Швельнис едва ли хоть сколько-нибудь смог заняться секретарской работой. Тогда уже начиналась открытая вооруженная борьба с классовым врагом в этой части Зауралья. Избранному на том же съезде председателю исполкома тов. Васильеву, одновременно руководившему боевым участком, требовался не столько секретарь, сколько надежный, проверенный адъютант. Поэтому Швельнис, хорошо известный Васильеву по совместной работе в 6-м Сибирском корпусе, направлялся всюду, где требовался военный специалист-партиец.

— Бронислав, съезди... Бронислав, посмотри обстановку сам... Весь участок огляди хорошенько. Расформируй, если кажутся ненадежными. Сведи роты, только смотри хорошенько за подбором низшего комсостава. Шкурников не щади...

— Есть, Макар Васильевич.— И Бронислав ездил, смотрел, расформировывал, сводил и вовсе не склонен был щадить шкурников. С молодежным задором он умел вносить и элементы строгой боевой дисциплины.

— Макар Васильевич велел,— это в устах Швельниса было боевым приказом, исполнение которого обязательно во что бы то ни стало.

Тов. Линовский в своей книжке «Камышловцы» рассказывает, что во время кыновской операции военком полка дважды пытался по аппарату «убедить начдива» в том, что дальнейшие бои для полка тяжелы. Командир же полка в этом участия не принимал. «Он знал,— говорит Ли-

новский,— что начдива не переубедить, да и переубеждать нельзя, так как этого требовала обстановка». Швельнис лишь посоветовал военкому:

— Скажи, чтоб хоть смену дал. Огнеприпасов не надо. Проживем за счет противника.

Естественно, что при такой взаимной сработанности тов. Швельнис был ближайшим помощником тов. Васильева сначала по сколачиванию первой бригады Восточной дивизии, а потом и всей 29-й дивизии.

Когда намечалась обходная операция под Кыновским заводом, особенно строго встал вопрос о командовании, так как в операции была доля риска: полк может оказаться отрезанным и вынужден будет действовать совсем изолированно. Начдив не мог сделать лучшего выбора, чем назначить командиром полка и боевого участка тов. Швельниса, а его помощником тов. Брюханова, который тоже был хорошо известен начдиву по совместной работе в президиуме Камышловского исполкома.

И начдив не ошибся. Правда, потери полка в этой операции были огромны, оба руководителя получили ранения, но зато операция была проведена блестяще. Только общее состояние III армии к тому времени не позволило развить и даже закрепить достигнутые успехи.

Самым же главным успехом операции было то, что Швельнис, как партиец, сумел на ходу пополнить через Кыновскую партийную организацию сильно поредевшие ряды бойцов Камышловского полка.

Другим, не менее важным успехом было то, что даже в самой тяжелой обстановке командир полка умел поддержать боевой дух красноармейцев.

ОТ КУШВЫ ДО ПЕРМИ

Бои под станцией Выя по сути дела можно считать последними для того полкового коллектива, который был организован в Ирбитском заводе, упорно дрался там, потом под Тагилом и на Кыновском участке. Тов. Некрасову, принявшему командование после смерти Швельниса, удалось вывести из-под огня противника лишь остатки полка, и без того растрепанного в предшествовавших боях. Участник этого последнего боя тов. Никонов передает в своих воспоминаниях, что отход проводился в крайне трудной обстановке и в полном беспорядке.

Некрасов на чьих-то запряженных парой пошевнях носился под огнем противника. Его дубленую борчатку и знакомую бойцам полка облезлую бобровую шапку могли на этот раз хорошо видеть не только свои, но и колчаковцы. Везде слышна была его отчаянная ругань, которой он пытался ободрить свои растерявшиеся от неожиданности части. В конце концов ему это удалось, и остатки полка к вечеру были выведены к станции Гороблагодатская. Разместиться здесь было негде, люди вынуждены были ночевать под открытым небом, хотя это происходило уже 30 ноября.

Тот же тов. Никонов приводит в своих воспоминаниях обрывок переговоров по телефону между командиром полка тов. Некрасовым и комбригом 1-й тов. Акуловым Ф. Е.

Этот обрывок, очень забавный на современный взгляд, характеризует состояние полка и его командования.

Некрасов охрипшим за день голосом кричит в телефонную трубку:

— Филипп Егорыч! Полк-то у меня на пустолесье стоит, а холодно.

— Что за пустолесье? Говори толком,— хрипит голос комбрига.

— Ну, значит, лес кругом, а тут полянка. Больше ничего,— поясняет Некрасов.

На повторный вопрос комбрига о боевом участке Некрасов отвечает:

— Говорю тебе — лес кругом, пустолесье. Никакого боевого участка тут нет.— И в свою очередь Некрасов начинает сердиться, переходя на ругань.

Оба они с Акуловым одинаково прошли школу старой царской армии, начиная с японской войны, шансы у них в этом отношении равны, и комбриг переходит на другой тон.

— Как же это ты, Левушко, сплоховал-то?

— Ты то́ спроси, Филипп, как еще выскочил. Хоть остатки-то вытащить удалось. Теперь без пополнения нельзя нас ни в какое дело пустить. Прямо сказать, был конь, а только копыта да зубы остались.

— Не печалься, друг. Раз зубы да копыта остались, тело наведем и гриву с хвостом приладим. Опять конь будет, а пока, видно, ночуй на своем пустолесье. Заслоны выставь в сторону Нижней Туры и на Салду. Хватит ли людей-то?

С самого начала военных действий Камышловский полк обычно фигурировал в ежедневных сводках-докладах командарму III как одна из активнейших частей не только дивизии, но и всей армии. Почти ежедневно отмечались успешные действия полка, его стойкость, захваченные трофеи и потери в бойцах командного и политического состава полка. После выйских боев название полка встречается в сводках лишь как отметка о передвижении части с одного пункта к другому, а 9 декабря появляется короткое сообщение:

«Камышловцы, как небоеспособные, отправлены в Пермь для пополнения»[1].

В боях за Кушву, которая пала 3 декабря, остатки Камышловского полка не принимали участия, но прибытие их в Пермь все-таки значительно задержалось. Отправленные 9 декабря камышловцы пробыли в пути до 23 декабря, так как им еще пришлось принимать участие в боях за Чусовую. Здесь полк окончательно потерял один из своих батальонов, который, будучи отрезан вместе с 21-м и 22-м полком, вынужден был отступать по Луньевской ветке на Усолье и вышел к своему полку лишь в то время, когда части III армии находились за Пермью.

Все это, разумеется, угнетало отступающих красноармейцев Камышловского полка. На смену песне о «шмаковском пожаре» пришли другие, унылые мотивы. Товарищ Говязин вспоминает, что, уходя к Перми, молодежь прощалась с заводами песенкой:

Прощайте, Лысьва, Чусовая,
Прощайте, Кизел и Тагил!
Над вами власть теперь другая,
И сотни свежие могил.

Но эти настроения, обычные для всякой деморализованной части, не могли, однако, изменить навыков, приобретенных в первую полосу исторической жизни полка. До крайности изнуренные остатки полка продолжали все-таки ожесточенно отбиваться от наседавшего противника, ввязываясь в так называемые «проходные бои».

Оставшиеся бойцы полка старались хранить полковые традиции правильных взаимоотношений красноармейцев с деревенским населением. Тов. Тихонов, которому при-

[1] ЦАКА.

шлось от Чусовой отступать с оторвавшимся от полка батальоном через Усолье, рассказывает:

— В одном селении пришлось расстрелять двух братьёв за то, что один из них взял у крестьянина полушубок, а другой валенки. Люди, действительно, крайне нуждались, но допустить такое самовольство было нельзя.

Для партийцев полка время отступления было самым трудным. Опираясь на остатки сил, надо было в этой исключительно безотрадной обстановке вновь начинать борьбу за дисциплину и боеспособность. На помощь приходили и здесь партийцы заводов, по которым проводилось отступление полка. В воспоминаниях отмечается, например, вступление в полк добровольцев-партийцев из Пашие-Александровского завода, Верхней Туры, Кушвы, Салды.

«Салдинцы вошли в 9-ю роту,— пишет тов. Никонов,— сильные партийцы были из Салды — два брата Турановы. Старший сразу был избран в полковой комитет, младший был командиром 9-й роты, а потом комбатом вместо выбывшего Некрасова».

Пополняясь так в пути, полк все еще продолжал оставаться в боевой обстановке, и только после боев у станции Селянка в сводке сообщается:

«Камышловский и 58-й Владимирский отправлены в Пермь для формирования» [1].

Казалось бы, что при общем отступлении III армии остатки прибывшего в Пермь Камышловского полка ровно ничего не могли сделать. Но это не совсем так. Конечно, изменить создавшееся там положение полк не мог, но он оказал существенную помощь при эвакуации города. В Архиве Красной Армии сохранился документ, показывающий, что только этот полк да еще Рабоче-Крестьянский принимали активное участие в деле обороны Перми.

В приказе по армии по этому поводу записано:

«В бою по защите Перми 24—25 декабря особую самоотверженность проявили командир Камышловского полка Некрасов, Рабоче-Крестьянского — Галенкин и помощник командира Камышловского полка Брюханов, которые, несмотря на общую суматоху, с остатками своих войск, которые остались верными своему долгу, удерживали часть города и подступы к станции Пермь II до последней возможности, несмотря на сильный напор противника. Благо-

[1] ЦАКА.

даря только такому героизму удалось спасти 15 эшелонов с ценным военным грузом.

За столь доблестное поведение в такую тяжелую минуту тт. Некрасову, Галенкину и Брюханову объявляю от лица военно-трудового народа глубокую благодарность»[1].

Камышловцы отходили от станции Пермь II последними. Отступление велось по левому берегу Камы через Нижние Муллы, Хмелевку, Гамы, на деревушку Усть-Качку... За Усть-Качкой в районе Усть-Сыны, уже на правом берегу Камы, полк получил возможность на некоторое время задержаться, организуя сопротивление.

ИЗ ЗАПИСОК ПАРТРАБОТНИКА

Причина стойкости, как уже говорилось, была не только в классовом подборе полка и его командования, но главным образом в хорошо поставленной партийной работе.

При организации полка вся партийная группа Ирбитского завода вступила в полк и перестала существовать как самостоятельная. Партийная работа, однако, не прекратилась, а значительно усилилась, изменив лишь свои формы. До проведения полковой партийной конференции группа ирбитско-заводских партийцев время от времени продолжала собираться с политсоставом полка.

На этих собраниях обычно ставились отчеты с мест, целью которых было выяснить настроение той или другой части и соответственно наметить меры к улучшению дела.

Тов. Шаньгин А. А., вспоминая об этих отчетах с мест, говорит, что они помогли правильно учесть наиболее слабые места, правильно произвести расстановку партийных сил.

Кроме слабой боевой подготовки очень многих вступивших в полк рабочих Ирбитского завода, наиболее трудным участком работы была борьба за дисциплину.

«Для старых фронтовиков,— говорит тов. Шаньгин,— было ненавистно само слово дисциплина, напоминавшее им о том тяжелом, что они вынесли из царской армии. Заводская молодежь, а порой и взрослые добровольцы-рабочие, только что вступившие в полк, часто недооценивали требований военной дисциплины, не понимали многого».

В силу этого меры борьбы за дисциплину менялись.

[1] ЦАКА.

Старым фронтовикам надо было не только втолковать разницу между дисциплиной старой царской армии и пролетарской дисциплиной Красной Армии, но и доказать всю важность этой дисциплины. Здесь партийцам приходилось действовать прежде всего личным примером.

Молодежи и рабочим, не имевшим боевого опыта, надо было неустанно на практических примерах разъяснять значение дисциплины для успешности военных действий. Здесь чаще всего приходилось действовать путем правильной расстановки сил, усиливая иногда одну часть за счет другой, более опытной в военном отношении.

Самым трудным участком партийной работы было налаживание правильных взаимоотношений между полком и местным заводским населением.

В воспоминаниях тов. Шаньгина говорится, что отступавшие из Сибири отряды «не имели регулярного снабжения и все время были «на подножном корму». Этот «подножный корм» во многих случаях добывался путями, не соответствующими директивам партии и правительства. Первое время была определенная опасность, что приобретенные отрядами навыки будут применяться в Ирбитском заводе и окрестных селах и вызовут противодействие населения, вместо дружной поддержки».

Естественно поэтому, что прибывшие с отступавшими из Тюмени отрядами политработники тт. Усиевич, Лобков и другие прежде всего поставили перед партийной организацией Ирбитского завода этот вопрос — о правильных взаимоотношениях между воинскими частями и заводским населением.

Отмечая наличие деморализованных элементов среди отступавших из Сибири частей и говоря о необходимости борьбы с этими нежелательными настроениями, политработники предупреждали, однако, что здесь нужны меры не столько карательные, сколько воспитательные.

Задачей партийцев и было прежде всего укрепление сознательной революционной дисциплины. Каждое, даже самое пустяковое недоразумение выносилось на массовое обсуждение, и это не замедлило сказаться. Недоразумения, какие были в первые дни, быстро пошли на убыль, и в дальнейшем взаимоотношения заводского населения и красноармейских частей, как уже говорилось, приняли такие формы, что буквально потерялась грань между фронтом и тылом.

Очень большую трудность,— по воспоминаниям того же тов. Шаньгина,— представляли диверсии в сторону северных деревень. Помимо чисто военных соображений, здесь приходилось учитывать и соображения продовольственного порядка: пополнять запасы хлеба, мяса, фуража и т. д. Производить эти заготовки приходилось в порядке военного захвата, иногда с большой поспешностью. Понятно, что здесь снабжение реквизиционным порядком легко могло перейти в мародерство. Чтобы предупредить возможность этого, в операциях, направленных в сторону северных деревень, обычно участвовали чуть не поголовно все ирбитско-заводские коммунисты. Задачей их ставилось проводить эти операции по экономическим показателям хозяйств. Формулировалось это просто и коротко: «Бери только у кулаков». Всякие попытки «самоснабжаться вещами» строго карались, как мародерство.

Немало трудностей для партийцев полка представляли условия «домашней войны».

Близость домашних условий сильно сказывалась. Обстановка позиционной войны иногда складывалась так, что опасности не ожидалось, и из окопов начиналась утечка в завод под самыми разнообразными предлогами. Доставка питания из завода через своих семейных тоже иногда оказывалась вредной.

Рассказывая о последней военной операции под Ирбитским заводом, тов. Шаньгин пишет:

«Белым удалось выбить нас из окопов под Шмаковой, и к вечеру этого дня наши цепи залегли у первых заводских домов. Не было ничего невозможного, что белые выбили бы нас из завода, если бы продолжили наступление в этот же вечер. Но они этого не сделали, и партийная организация могла полностью использовать ночь. Понятно, в эту ночь не было ни партийного собрания, ни заседания комитета, но не было и ни одного члена партии, который бы спал. Все силы были направлены на то, чтобы поднять настроение бойцов, предотвратить панику среди заводского населения, подготовить и организовать контрнаступление, усилив число бойцов за счет всех, кто хоть сколько-нибудь мог носить оружие. Результат работы на следующий день сказался со всей отчетливостью. Белые были разгромлены наголову и отброшены далеко от завода».

Этой же упорной работой политсостава и заводской

Бронепоезд 29-й дивизии «Мститель».

партийной организации объясняется, что полк сумел безболезненно оторваться от «своих мест» и быстро переброситься на угрожаемый участок фронта.

Тов. Шаньгин отмечает, что все рабочие завода отступили в полном порядке, «лишь двое запятнали себя званием дезертиров».

Не меньше трудностей лежало и на плечах руководителей молодежной организации Ирбитского завода.

Тов. Лызлов, приехавший в завод в мае 1918 года, рассказывает, что в это время там происходила острая борьба за влияние на молодежь.

Меньшевики прилагали особенные усилия к завоеванию молодежи, давали задания членам своей организации (Рожин Д. Д., Дрягилев И. И.) добиваться организации бой-скаутов, ориентировали молодежь исключительно на культурную работу, держались очень либерально по отношению к вопросу о передаче молодежи управительского сада. В этом им помогали и взрослые (учитель Мельников и другие), но все их мероприятия увлечь молодежь по неправильному пути не удались. Рабочая молодежь под руководством большевиков, завладев «культурными помещениями» (театр, сад), с первых же дней развила самодеятельность, устраивала гулянья и вечера под очередными большевистскими лозунгами, организовала разные кружки и секции и выделяла своих представителей во все советские и кооперативные организации. Таким образом, заводская молодежь вплотную включилась в советскую работу. На начавшиеся в разных местах открытые контрреволюционные выступления молодежь реагировала посылкой добровольцев в отряды, действовавшие по подавлению этих восстаний.

Когда фронт стал подвигаться к заводу, все молодые рабочие, достигшие шестнадцатилетнего возраста, пошли добровольцами в Красную Армию.

В первых стычках с противником рабочая молодежь, не имевшая боевых навыков, чаще и больше, чем опытные фронтовики, несла потери, но это не уменьшало ее энтузиазма и не ослабляло преданности делу революции.

«Мне было семнадцать лет,—пишет тов. Грошев Г. П.,— когда я вступил добровольцем в Камышловский полк. В тот же день мне выдали полное обмундирование, винтовку и боевые припасы, а вечером я уже был в заставе,

хотя совсем не знал, что это такое, да и с винтовкой обращаться по-настоящему не умел».

Другой участник полка — Коростелев М. К., которому тогда шел двадцатый год, успел уж побывать и в Ирбите, где с первой советской сотней разоружал 168-й запасный полк, оттуда ездил на подавление восстания в Невьянское село, дальше побывал вместе с сотней в Екатеринбурге, нес там караулы по охране каких-то важных заложников, дальше отправился на Челябинский фронт и после отступления на Уфалей вернулся домой.

Ясно, что главной трудностью работы с молодежью в полку была недостаточность боевой подготовки, которую к тому же молодежь иногда недооценивала, порой совсем пренебрежительно относилась к ней, выдвигая на первый план только энтузиазм и преданность делу революции. Чтобы разбить эти вредные настроения, партруководству и политработникам полка приходилось использовать каждый случай, рассматривать ошибки отдельных бойцов, которыми была вызвана неудачная операция. Вопросы меткой стрельбы, строгого несения караульной службы, правильной разведки стали очередными вопросами молодежной организации, и это скоро дало свои результаты.

Приобретая боевую подготовку, молодежь становилась самой крепкой силой полка, стягивая своим молодежным порывом те трещины, какие иногда появлялись как следствие утомленности войной у части старых фронтовиков.

Так, при переброске Камышловского полка из Ирбитского завода под Нижний Тагил рабочая молодежь, дружно откликнувшись на этот призыв, сразу погасила те разговоры, какие имелись на заводе по поводу этого приказа.

Организация полкового комитета началась уже в конце сентября. Состав часто менялся. На первой конференции 22 октября сообщалось:

«В 1-м Камышловском полку организована ячейка коммунистов. Выбран комитет уже третий раз. Объясняется это тем, что члены предыдущих комитетов выбывали из строя во время боев» [1].

На 1-ю дивизионную конференцию коммунистов делегатами от Камышловского полка были избраны, по воспоминаниям тов. Елизарьева: Лобков Залман, Лепа Павел, Анисимов, Кузнецов, Шебалдин, Гришенькин.

---

[1] Газета «Красный набат», № 16, 29 сентября 1918 года.

В материалах газеты «Красный набат» за время прохождения дивизионной партийной конференции отмечалось, что партийная работа в Камышловском полку была поставлена хорошо.

Вот, например, заметка из № 29, от 8 октября 1918 года:

«Из полков N бригады первое место принадлежит Камышловскому полку. Несмотря на то, что полк уже четыре месяца находится на позиции и принимает участие в самых ожесточенных боях, в постоянных переходах, дух красноармейцев бодр. В полку организован полковой комитет РКП(б). Он объединяет 180 членов партии. Благодаря этому, все боевые приказы выполняются товарищами беспрекословно и блестяще. На всех фронтах они выделялись среди других красноармейцев.

Даже теперь, после ожесточенных боев под N (Нижний Тагил), они не говорят об отдыхе и продолжают стоять на своем посту».

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ III АРМИИ

После падения Перми Камышловский полк, как уже говорилось выше, отступал сначала до Усть-Качки по левому берегу Камы, потом перешел на правый и только здесь получил некоторую возможность задерживаться на отдельных рубежах.

Остатки 29-й и 4-й дивизий к этому времени были слиты. Вновь сформированная дивизия называлась по-прежнему 29-й, но уже имела далеко не прежний вид. Новый начальник дивизии тов. Грушецкий характеризовал ее так:

«Ознакомившись с состоянием частей вверенной мне дивизии, считаю долгом сообщить следующее:

Все полки 29-й дивизии и бывшей 4-й Уральской после бессменных боев и отходов совершенно устали и в настоящее время представляют собой ничтожную боевую силу. Даже слабого натиска противника они не в силах будут выдержать. Большинство начкомсостава, все комиссары и коммунисты принимают все меры к поднятию боеспособности частей, но, благодаря сильной усталости и дезорганизации вследствие отхода, все их усилия остаются тщетными. Дальнейшее оставление дивизии на позициях может повести к тому, что стойкая прежде дивизия превратится в дезорганизованную толпу и боеспособность ее сведется

к нулю, тем более, что вывести в резерв не представляется возможным ни одну часть, так как фронт все расширяется, число штыков все время тает» [1].

Тяжелое положение 29-й дивизии и всей вообще III армии ухудшилось еще, когда 2 января в районе соседней II армии произошел прорыв. Там начальник бригады Шидловский с военспецами Кузьминым и Штейнбергом ночью, тропинками, вывели белогвардейские войска к Подъельнику и Верх-Турке и разоружили там 4-й Камский полк.

В результате был открыт путь на город Осу. По просьбе командарма II тов. Шорина защита этого изменнически открытого пути была возложена на тов. Блюхера, тогда начдива 30-й дивизии III армии.

Поскольку III армия в то время состояла только из двух дивизий — 30-й и 29-й, положение их, понятно, значительно ухудшилось...

. . . .

«После сдачи города Перми в декабре 1918 года,— рассказывает тов. Васильев,— ЦК партии послал комиссию во главе с товарищами Сталиным и Дзержинским расследовать причины сдачи, выяснить состояние боеспособности III армии. Комиссия ЦК партии прибыла в город Вятку, а позднее в город Глазов, где находился штаб III армии Восточного фронта.

В комиссию ЦК партии был вызван и я, как начдив 29-й.

Комиссия тогда находилась на станции Глазов и размещалась в поезде в самых простых классных вагонах. В одном из них, такого же примерно качества, как теперь прицепляются к почтовым поездам по Казанской железной дороге, находились тт. Сталин и Дзержинский. Поезд охранялся слабо.

Войдя в вагон, я увидел там тов. Дзержинского, которого раньше совершенно не знал. Попросту одетый, в рубашке, сидел он около оконного столика с делами. Тут же на столике чайник белой жести, эмалированная кружка и кусок ржаного хлеба около полукилограмма, чуть пощипанный.

Тов. Дзержинский принял меня очень хорошо. Подробно интересовался состоянием дивизии, проведен-

[1] ЦАКА.

ными боями, снабжением, продовольствием, боеприпасами, обмундированием частей и их вооружением, обозами, конским составом, средствами связи, командно-политическим составом, инженерным имуществом, руководством штаба III армии, протяжением фронта, моральным состоянием бойцов, постановкой политработы, количественным составом коммунистов, работой парторганизаций, ролью коммунистов в бою, их авторитетностью, взаимоотношениями между Красной Армией и деревенским населением, помощью со стороны Реввоенсовета армии.

Беседа длилась около трех часов. Во время этой беседы присутствовал и тов. Сталин. Он также был просто одет в поношенный костюм полувоенного образца.

Три часа беседы прошли для меня незаметно, как пятнадцать минут. Простота, товарищеское отношение, глубокий интерес к фронту, желание понять все недостатки, чтобы их устранить и сделать армию непобедимой — вот что было видно в этой беседе.

Это лучшая страница моей жизни, и я вышел от них с чувством глубокой благодарности и с надеждой, что будем бить белых крепче, чем били до сих пор и в ближайшее же время разгромим Колчака.

На прощанье тов. Дзержинский сказал мне: «Напиши все, о чем говорили, и завтра принеси мне».

На следующий день наша беседа опять была около двух часов, после чего тов. Дзержинский пожелал мне успеха. В общей сумме от этой беседы у меня, кроме уверенности в ближайшем будущем, осталось неизгладимое впечатление простоты, желания помочь армии, организовать ее, воодушевить». (Воспоминания тов. Васильева М. В.)

Это же настроение уверенности перекинулось и в части Красной Армии. Узнав о поступающем пополнении, почувствовав заботу о себе, улучшение снабжения, красноармейцы воспрянули духом.

Остатки растрепанного Камышловского полка еще раз сыграли значительную роль в бою под деревней Дворцы.

Противник уже заранее торжествовал свою победу. В перехваченном донесении командира штурмового полка говорилось:

«14 января 1919 года, деревня Серегино. Сообщаю, что штурмовой полк взял деревню Серегино, красные в панике бегут, казаки преследуют, потери у нас маленькие, иду в наступление на Дворцы. 8-й Бийский полк наступает на

ст. Менделеево. О правой обходной колонне сведений не поступало, думаю, что взяли Дворцы, почему и посылаю крестьянина. Что слышно о 4-м корпусе? Правда ли, что взяли Оханск?»

Этот самоуверенный торжественный тон командира штурмового полка, однако, быстро сменился другим.

В сводке от 19 января 1919 года сообщалось, что части 2-й бригады 29-й дивизии совместно с частями 1-й бригады 30-й дивизии после упорного сопротивления взяли село Дворцы. Это был своего рода переломный момент для нашей III армии.

Данные разведки за 22 января говорят о большом переполохе в рядах колчаковской армии.

«Штаб корпуса (1-го Сибирского), ранее стоявший на станции Чайковская, переехал в Пермь. В рядах белых царит паника. Для восстановления порядка срочно высланы из Перми на фронт 300 чехов. 8-й Бийский полк в последних боях потерял почти весь командный состав. Опросом пленных выяснено, что в ротах 5-го Томского и 8-го Бийского полков осталось по 40—50 штыков» [1].

Этот новый боевой успех III армии под Дворцами, конечно, связан был с немалыми потерями.

По сохранившейся сводке начальника санчасти III армии известно о ранениях и заболеваниях в 29-й и 30-й дивизиях на это время.

«По 29-й дивизии значится раненых 1126 человек, больных и в том числе обмороженных 1591 человек, по 30-й дивизии — раненых 760 человек, больных 2925 человек» [2].

Камышловский полк в этих переломных боях под Дворцами не уронил своего боевого звания. Правда, одна из рот, вымотавшаяся до последнего предела, физически не могла пойти в наступление; тогда комсостав, политсостав полка, а также спешившиеся кавалеристы анчутинской разведки заняли места усталых бойцов и пошли в наступление, которое на этот раз увенчалось успехом. Однако Камышловский полк уже больше не мог оставаться на фронте, и 21 января в сводке отмечается:

«Производится смена Камышловского и Рабоче-Крестьянского полков Петроградским».

---

[1] ЦАКА.
[2] Там же.

Короткую передышку полк использовал для того, чтобы укрепить свои ряды за счет нового пополнения в Глазове.

В докладе полкового партийного комитета о работе с 20 января по 22 февраля 1919 года говорится:

«Воспользовавшись коротким отдыхом и стоянкой частей, комитет смог провести точную регистрацию членов партии и сочувствующих.

В настоящее время в полку зарегистрировано 225 членов партии и 104 сочувствующих».

Главным же образом время отдыха было использовано для массовой работы в целях поднятия и укрепления дисциплины полка.

На позиции полк, как известно, имел случаи отказа итти в наступление (3-я рота). Правда, отказ этот был вызван исключительной усталостью, вернее, полным изнеможением людей, так как это было третье наступление в тот день, но все же этот случай всех насторожил. Он-то и служил главным предметом обсуждения на массовых собраниях полка.

Среди минометной и бомбометной команд было замечено присутствие вредных элементов, к устранению которых и приняты меры.

Партийцы полка, как видно, принимали за время передышки деятельное участие в работе среди деревенского населения. В докладе партийного комитета отмечается несколько случаев, когда красноармейцам полка пришлось обращать внимание партийной организации на необходимость смены председателей комбедов, секретарей волисполкомов и т. д.

За время передышки полка произошли очень существенные изменения в III армии.

Здесь надо в первую очередь отметить, что на должность помощника командующего армией приказом по войскам от 31 января 1919 года за № 114 был назначен тов. Блюхер.

Героический поход тов. Блюхера, вышедшего из неприятельского окружения более сильным, чем он был вначале, в свое время широко освещался в уральской фронтовой печати и был большим военным успехом. Но, как видно, командование III армии не смогло полностью оценить огромные организаторские и стратегические способности тов. Блюхера.

По сохранившимся официальным данным, командование армии не хотело слушать отдельных предложений начдива 30-й. По временам он уже прямо ругался:

«Я все сказал, и если будет приказание, то выполню, но предупреждаю, что вы лишитесь дивизии и будете поставлены перед катастрофой, не уступающей пермской. Невозможно растягивать нас так, как это делается, при наличии тех сил, которые против нас сосредоточил противник. Я больше сказать ничего не могу. Жду приказания и, как солдат, ему подчиняюсь. Но о катастрофе предупреждаю, и вся ответственность будет на вас...»

Так говорил он наполеарму (начальнику полевого управления армии) Герасимову. На что последний иронически ответил: «Пермскую историю со всех сторон оценит история. Распоряжение командарма сейчас будет передано».

Блюхер ответил: «Слушаю-с».

Теперь тов. Блюхер получил возможность не только «слушаться», но и планировать и распоряжаться. Это, конечно, было огромным достижением для III армии. Другим, еще более существенным изменением, которое произошло в армии, было поступление полков, уже достаточно проверенных и надежных. Это было таким событием, что общеармейский съезд коммунистов 6 февраля 1919 года вынес приветственное постановление по адресу первого прибывшего 62-го полка, который сразу же вступил в бой.

«Коммунисты III армии, принимая в свою среду новый полк, шлют свой товарищеский привет красноармейцам 62-го полка, героически сражающегося на уральском фронте.

1-й съезд красноармейцев-коммунистов III армии надеется, что 62-й полк продолжит и впредь с таким же героизмом борьбу за освобождение трудящихся.

Председатель съезда *Лепа*».

Существенную перемену в положение III армии внесла и особая бригада, которую было поручено сформировать бывшему начдиву 29-й тов. Васильеву М. В. Из шахтеров, отступавших от Кизела, и нацменовской бедноты северных волостей тов. Васильеву удалось сформировать два очень стойких камских полка (22-й и 23-й), которые под именем Особой бригады заняли левый фланг III армии. Вскоре военные операции этой бригады заняли в ежедневных

сводках по армии одно из самых видных мест. Впоследствии эти два полка Особой бригады явились основным ядром знаменитой 51-й дивизии, которая под командой тов. Блюхера взяла Перекоп.

При изменившейся обстановке III армии уже не было той острой необходимости бросать в бой истрепанные или плохо проверенные части. Вследствие этого Камышловский полк, как получивший более или менее случайное пополнение, требовавшее еще большей политической и военной обработки, был поставлен на положение резервного полка. В таком положении резерва Камышловский полк и оставался все время до наступления по линии реки Тобол. Командиром полка в это время был ирбитско-заводский рабочий тов. Журавлев Ф. С., военкомом — бывший секретарь ирбитско-заводской ячейки РКП(б) Шаньгин А. А.

Так, под руководством партии возродилась III армия. Из деморализованных отходом остатков она быстро превратилась в силу, способную не только активно обороняться, но и наступать.

Наряду с пополнениями из центральной части Республики, нашлись надежные кадры бойцов на местах. Так были, например, сформированы Особая бригада и Северный экспедиционный отряд, действия которых имели огромное значение для успеха III армии.

Все это не замедлило сказаться на военных действиях Восточного фронта.

Начатое наступление явилось переломным моментом для III армии. Оно успешно развивалось в феврале, но в марте, как известно, Колчак, ударив по правому флангу II армии, повел в образовавшийся прорыв решительное наступление против главных сил V армии. Началось общее отступление Восточного фронта. Однако это отступление для III армии уже не было похожим на прежнее. Располагая теперь резервами, она смогла удержать линию обороны на указанных ей рубежах и вскоре начала развивать наступательные действия.

Когда в конце апреля южная группа Восточного фронта под командой М. В. Фрунзе провела свой знаменитый удар в направлении на Бугуруслан, III армия, поддержав этот удар, своими действиями немало способствовала успеху дела и сама за три месяца продвинулась до линии реки Тобол.

ОТ ТОБОЛА ДО БУГА

Быстро откатившись за Урал, колчаковцы задержались на линии реки Тобол и даже пытались организовать контрнаступление. Здесь Камышловскому полку пришлось выдержать немало упорных боев. Переправившись через Тобол в районе Петровского стекольного завода, полк почти до ноября был в беспрерывных боях, результатом которых явилось занятие города Ишима.

Потери полка в этих боях были огромны. В некоторых ротах осталось только по пятнадцать-двадцать штыков, и полк после занятия Ишима был отправлен на пополнение и отдых в город Ялуторовск. Здесь полк пробыл до января 1920 года. За это время полк вновь укомплектовали, и он стал уже частью Самарской дивизии, которая в основном состояла из рабочих и крестьянской бедноты Приволжского района.

Из оставшихся в живых прежних бойцов Камышловского полка многие были взяты — кадровики и командный состав — для формировавшихся тогда «крепостных» полков. В эти полки зачислялись и добровольно сдавшиеся в плен сибирские крестьяне из колчаковской армии, поэтому здесь особенно остро нужен был классово настороженный глаз рабочего и бедняка-крестьянина, уже имевшего опыт гражданской войны. Часть молодежи полка была откомандирована на учебу.

Однако какая-то часть бойцов, вступивших в полк с самого его начала, осталась и теперь, вместе с волжскими судостроительными рабочими, астраханскими рыбаками, вольскими цементниками и т. д.

В числе таких был тов. Смирнов А. И., тот самый, который, стоя в заставе под Ирбитским заводом, встретил шедший сюда отряд тов. Черных, первого командира Камышловского полка.

По воспоминаниям тов. Смирнова и дается короткая справка о дальнейшем пути полка.

С 1 января Камышловский полк был направлен из Ялуторовска в город Скопин, Рязанской губернии. Там до апреля был занят работой по борьбе с дезертирами, а 28 апреля 1920 года был отправлен на польский фронт.

Прибыв в район города Лепеля, полк к половине мая очистил от неприятеля левый берег реки Березины. В это время польская армия развивала наступление на Киев, и

нашим частям, стоявшим в районе Лепеля, был дан приказ во что бы то ни стало форсировать Березину, прорвать фронт и двигаться в направлении на Варшаву. Приказ был выполнен точно. Комбат Камышловского полка тов. Похабов, сняв заставу противника, прорвал фронт, а саперы под руководством тов. Смирнова успели навести мост, по которому были передвинуты обоз и батарея полка. Раненый в этом деле комбат тов. Похабов был награжден орденом Красного Знамени.

Встревоженное прорывом белопольское командование бросило сюда свою знаменитую Познанскую дивизию. Местное население сообщило нашим о продвижении познанцев. Наши заманили Познанскую дивизию в мешок и порядком ее потрепали, но противник сумел подбросить новые силы, и наши вынуждены были отойти за Березину. В июле Камышловский полк вновь переправился через Березину и начал наступление на Зембин. Об ожесточенности боев при переправе можно судить по тому, что у камышловцев выбыло 28 человек комсостава. Противник был разбит, и наши двинулись в направлении на город Остров и дальше на Новогеоргиевскую крепость, на подступах к Варшаве с северо-запада.

Особо трудной оказалась переправа через реку Буг. Шестнадцатая дивизия простояла тут шесть дней. С приходом Саратовской дивизии положение изменилось. Пешей разведке Камышловского полка удалось найти брод через реку, и наши войска быстро переправились. Утром следующего дня камышловцы уже заняли город Остров и двинулись оттуда к Новогеоргиевской крепости. Здесь после ожесточенных боев полком был взят 45-й форт, но на этом военные успехи и кончились. Под Варшавой наши части потерпели ряд неудач; в тылу у Саратовской дивизии противник взял город Гродно. Камышловцы оказались отрезанными и находились в таком тяжелом положении до октября 1920 года, пока им не удалось выбраться к Полоцку.

Этим и кончился боевой путь 254-го Камышловского полка. При отступлении от Новогеоргиевска он потерял так много бойцов, что перестал существовать как самостоятельная боевая единица. Остатки полка были направлены в формировавшийся тогда Невельский полк как основная кадровая группа.

Двухгодичная история Камышловского полка заслужи-

вает самого внимательного изучения. По ней молодежь нашей страны может видеть, в каких невероятно трудных условиях, с какими тяжелыми жертвами партия и рабочий класс создавали, обучали, растили и укрепляли Красную Армию на Восточном фронте.

В. И. Ленин, характеризуя положение Колчака, писал о крестьянах Сибири:

«Ведь вы знаете, что крестьяне в Сибири, эти крестьяне крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне, привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись, это крестьяне, которые улучшения от революции не видели, и эти крестьяне получали вождей от всей русской буржуазии, от всех меньшевиков и эсеров,— там их были сотни, тысячи» [1].

И вот в этом краю, где сбежавшаяся со всей России буржуазия опиралась на самое сытое крестьянство, где она имела хорошо организованные чехословацкие части, появляются красногвардейские отряды, выделенные рабочими. Эти отряды плохо обучены, слабо вооружены. Их артиллерия часто состоит, как в отряде тов. Хохрякова, «из одной пушки без прицельной рамы», их финансовая часть шагает в рядах с двумя сумками через плечо. Вместо организации правильного бесперебойного снабжения им дают, что придется, вплоть до какого-то «японского ананаса» и американского листового табака. Командиры этих отрядов в лучшем случае имели познания по стратегии и тактике не выше полуротного масштаба, а то и вовсе не имели никаких навыков в военном деле. Высшее командование, которому подчинялись эти отряды, тоже не очень много знало по военным делам и не всегда правильно выбирало себе помощников из военных специалистов.

Единственно, что в избытке имелось у первых рабочих отрядов — это революционный энтузиазм, преданность делу своего класса и непоколебимая уверенность в конечной победе пролетариата. Оказавшись во враждебном окружении, эти первые рабочие отряды стойко борются, успешно пополняя свои ряды рабочими местных предприятий, батраками и беднотой сел и деревень, по которым приходится отступать.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 429.

Но вот на путях отступления оказался первый завод. Совсем маленький, один из самых технически отсталых. И все-таки этого было достаточно, чтобы разрозненно действовавшие отряды, опираясь на поддержку рабочих и членов их семей, смогли здесь организовать уже серьезное сопротивление.

В процессе беспрерывных боев отряды выросли в крепкую боевую единицу, доблестно сражавшуюся и на Урале, и в Сибири, и в Польше.

СОДЕРЖАНИЕ

Формирование на ходу

Редактор *И. Круглик*
Оформление *В. Могилевского*
Художественно-технический редактор *Я. Черников*
Корректор *А. Шатрова*

Подписано к печати 21/II 1958 г. Уч.-изд. л. 15,43
Бумага $54 \times 84/_{16}$=8 бумажного — 13,12 печатного листа
НС 01577. Тираж 15 000. Заказ 257. Цена 7 р. 50 к.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.